

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЪНИЕ.

Издание Этнографического Отдѣла
Императорского Общества Любителей Естествознанія,
Антрапологии и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1902, № 2.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Предсѣдателя Отдѣла В. Ф. Миллера

и

Товарища Предсѣдателя Н. А. Янчука.

МОСКОВА.

Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Комиссионеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Тверская, Никитовский пер., д. 4.

1902.

Печатано съ разрешения Съвета Императорскаго Общества Любителей
Естествознания, Антропологии и Этнографии.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

I. Секта Исаиалья въ русскихъ и бухарскихъ предѣлахъ Средней Азии. Географическое распространіе и организація. Гр. А. А. Бобринского.	1
II. Изъ поѣздки въ Литву. Н. Н. Соколова	21
III. У русскихъ подданныхъ султана. В. О. Минорскаю .	31
IV. Св. Касьянь и сказка о большой царевнѣ. Г. Н. Потанина.	87
V. Къ новымъ записямъ былинъ изъ Донской области. Вс. Ф. Миллера. Приложение В. А. Харламова. . .	125
VII. Смѣсь:	
1. Преданіе о сорока новгородскихъ валикахъ. А. В. Маркова.	144
2. Замѣтка о двухъ лирникахъ Черниговской губерніи. А. Н. Малинки	148
3. Замѣтка о пѣснѣ «Ванька-Ключникъ». Ф. Красильникова.	161
4. О былинахъ на Печорѣ. Н. В. В.	162
VIII. Критика и библіографія.	
1. Отчеты о новыхъ изданіяхъ:	
В. Г. Богоразъ. Очеркъ материальнаго быта оленныхъ чукчей. А. Н. Максимова (165). — В. И. Іохельсонъ: Материалы по изученію юмагирскаго языка и фольклора, собранные въ Колымскомъ округѣ. Ч. 1-я. <i>Ею же</i> (166). — Ермоловъ, А.: Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. I. Всеноародный мѣсяцесловъ <i>Ва. В.</i> (168). — Ту ма-новъ, Г. М.: Земельные вопросы и преступность на Кавказѣ. А. С. Хаханова. (171). — Извѣстія Имп. Русскаго Географическаго О-ва, т. XXXVII, в. 4-й и 5-й. А. Н. Максимова. (171). — Извѣстія Оренбургскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. О-ва. Вып. 16-й. <i>Ею же</i> . (172). — <i>Tiers et Juillet: Chanson d'amour des paysans des alpes fran�aises.</i> E. (173) — Edmond Doutt�: Mahomet Cardinal. <i>Ею же</i> (174). — Heinrich Schurtz: Urgeschichte der Kultur. <i>Ею же</i> (175). — Sell, Rev. E.: Essays of	

Islam. <i>Ез же</i> (175). — Hildebrand, Rudolf: Materialen zur Geschichte des deutschen Volkslied. <i>Ез же</i> . (175). — Памятная книжка Вятской губ. на 1902 г. <i>Ва. Б.</i> (176). — Памятная книжка Смоленской губ. на 1902 г. <i>Ею же</i> (178)	165
2. Обзоръ журналовъ и газетъ	177
3. Новости этнографической литературы	180
VIII. Хроника:	
Ф. Д. Нефедовъ. Некрологъ. <i>Ва. Б.</i> (185). — Шары Летурно. Некрологъ. <i>А. Н. Максимова</i> . (186). — Двѣнадцатый Археологический съездъ. <i>Б.</i> (190). — Третій международный концертъ американистовъ. <i>М.</i> (192). 6-й этнографический концертъ и другія извѣстія (193)	185
IX. Объявленія	195

Секта Исмаилья въ русскихъ и бухарскихъ предѣлахъ Средней Азіи.

Географическое распространение и организация.

Приношу мою искреннюю благодарность многоуважаемому профессору Ага-онгелу Ефимовичу Крымскому, который любезно согласился просмотрѣть мою рукопись, исправить транскрипцію именъ собственныхъ и дать мнѣ нѣсколько цѣнныхъ указаній.

Въ 1901 году, лѣтомъ, мнѣ удалось побывать въ нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ. Между прочимъ, я посѣтилъ на верхнемъ Пянджѣ бѣдныя таджикскія¹⁾ общества Вахана, Ишкашима, Горона, Шугнана и Рошана²⁾. Всѣ они расположены по обоимъ берегамъ рѣки, между отрогами сѣвернаго склона Гиндукуша и юго-западными склонами Памировъ. При посѣщеніи этого порубежнаго съ Афганистаномъ края, я, между прочимъ, задался цѣлью провѣрить на мѣстѣ свѣдѣнія, сообщаемыя англичанами о распространеніи въ данной мѣстности секты Исмаилья³⁾: Разспрашивая жителей, я убѣдился, что англійскія свѣдѣнія вполнѣ правдивы и что, дѣйствительно, все населеніе края въ вышепоименованныхъ предѣлахъ принадлежитъ не къ шійтскому толку, какъ у насъ до сихъ поръ предполагали, а къ сектѣ Исмаилья.

Короткое время, посвященное на поѣздку, и правила секты, предписывающія своимъ послѣдователямъ не только хранить тайну ученія, но даже вводить въ заблужденіе лицъ

¹⁾ О происхожденіи и значеніи слова Таджикъ написано очень много, но до сего времени вопросъ остается вполнѣ открытымъ. Въ Туркестанѣ называютъ себя Таджиками горные племена и жители низменности, говорящіе на какомъ-нибудь иранскомъ нарѣчіи и считающіе себя не тюрко-монгольского происхожденія. По моему мнѣнію, со словомъ Таджикъ въ данное время трудно связывать понятіе обѣ особой расѣ или народности. Проф. А. Е. Крымскій съ своей стороны находитъ, что въ данномъ случаѣ меныне всего пригодно филологическое толкованіе этого слова (таджикъ-арабъ-таитъ).

²⁾ По мѣстному произношенію Шугнонъ и Рошонъ.

³⁾ По мѣстному произношенію Исмоилья.

непосвященныхъ и чуждыхъ сектѣ (притворяясь во время бесѣдъ съ шітомъ—шітомъ, съ суннитомъ—суннитомъ), заставили меня поневолѣ ограничиться вопросами, на которые охотнѣе отвѣчали мои собесѣдники, а именно о географическомъ распространеніи и о виѣшней организаціи секты. Даже на эти вопросы мои собесѣдники, большою частью главари секты, отвѣчали только тогда, когда убѣждались изъ моихъ разспросовъ, что я вполнѣ освѣдомленъ о существованіи секты въ данной мѣстности. Всѣдѣствіе вышеприведенныхъ обстоятельствъ, читатель въ настоящихъ запискахъ не найдетъ новыхъ данныхъ ни по философіи ученія секты, ни по міровоззрѣнію сектантовъ.

Большая часть свѣдѣній записаны мною со словъ трехъ главарей секты, или, какъ туземцы ихъ называютъ, пировъ (старцевъ), живущихъ въ Шугнанѣ. Эти пиры, благодаря своему положенію, позволяли себѣ быть откровеннѣе своихъ подчиненныхъ. Провѣряя отвѣты одного отвѣтами другого, я убѣдился, что они вполнѣ правдиво отвѣчали на мои вопросы.

Роль пировъ или старцевъ въ жизни сектантовъ—огромная. Пиръ является полнымъ хозяиномъ души и тѣла своего подчиненного; онъ полновластный руководитель сектанта въ его духовной, семейной и гражданской жизни. Всѣ страны, заселенные послѣдователями секты Исмаилья, распределены между извѣстнымъ количествомъ пировъ. Каждый послѣдователь секты обязанъ подчиняться которому-нибудь изъ нихъ.

Не будучи достаточно знакомъ съ предметомъ, я, конечно, не намѣренъ представлять здѣсь всесторонняго обзора секты — приводить ея исторію и ученіе. Моя задача на много скромнѣе: сообщить лицамъ, интересующимся вопросомъ, сырой матеріалъ о сектѣ Исмаилья, собранный мною на мѣстѣ ея распространенія. Желающихъ познакомиться съ исторіей и ученіемъ секты, я отсылаю, между прочимъ, къ трудамъ иностранныхъ ученыхъ: Silvestre de Sacy. *Exposé de la religion des Druzes 2 vol. Paris 1838.* Defremery. *Essai sur l'histoire des Ismaélins ou Batiniens de la Perse. Paris 1867.* Guyard. *Fragments relatifs à la doctrine des Ismaélis. Paris 1874.* G. Du-

gat. *Histoire des philosophes et des théologiens musulmans*. Paris 1878. Dozy. *Essai sur l'histoire de l'Islamisme*. Leyde et Paris. 1879. Кромъ вышеупомянутыхъ трудовъ, укажу на краткій очеркъ секты, помѣщенный во второмъ томѣ исторіи Ислама Мюллера, на стр. 288—299, и въ особенности на описание секты, ея исторіи и ученія, проф. А. Е. Крымскаго, съ богатой библіографіей по данному вопросу ¹⁾). Здѣсь же, въ заключеніе къ моимъ предварительнымъ словамъ, я ограничусь только напоминаніемъ о происхожденіи названія секты и о времени ея возникновенія.

Свое название секта получила благодаря тому обстоятельству, что, ограничивъ число имамовъ изъ потомковъ Алія семью, признала послѣднимъ изъ нихъ Исмаила, сына Джaffer'a ²⁾). Возникла она около 765 года, т.-е. по кончинѣ Джaffer'a Садика, отца Исмаила ³⁾). Вначалѣ секта составляла одно изъ развѣтвленій шіитскаго толка ⁴⁾). Въ 864 году Абдаллахъ, прозванный Каддахъ, настолько измѣнилъ первоначальное ученіе секты, что сами шіиты признали ее вредною, и всякаго, присоединявшагося къ ней, считали безбожникомъ ⁵⁾). Секта не разъ подвергалась преслѣдованіямъ. Въ 1256 году, въ Персіи, она подверглась особенно усиленному преслѣдованію со стороны монголовъ ⁶⁾). Хулагу-ханъ, между прочимъ, при разгромѣ секты уничтожилъ ея главный оплотъ, Аламутъ, при чемъ предалъ огню чудную библиотеку послѣдователей секты Исмаилья ⁷⁾). Несмотря на частые разгромы, секта въ Персіи не была уничтожена ⁸⁾, и послѣдователей ея можно найти по сіе время въ нѣкоторыхъ южныхъ частяхъ Персіи. Въ настоящее время, кромъ Персіи, секта существуетъ на западномъ берегу Индіи и въ

¹⁾ Къ сожалѣнію, этотъ трудъ еще не напечатанъ.

²⁾ Guyard-Fragments relatifs à la doctrine des Ismaélis p. 8 Introd.

³⁾ Крымскій—рукопись. Мюллеръ т. II., 288 стр. Silvestre de Sacy t. I. Introd. p. LXV.

⁴⁾ Guyard, Introd. p. 8.

⁵⁾ Тамъ же Introd. p. 8.

⁶⁾ Dugat. *Histoire des Philosophes et des Théologiens musulmans* etc. p. 198, прим. 2.

⁷⁾ Guyard, Introd. p. 1 въ примѣчаніяхъ.

⁸⁾ Dugat. p. 198, прим. 2.

окрестностяхъ Бомбея. Въ самомъ городѣ живетъ глава секты, официально признаваемый таковыми англичанами. По англійскимъ свѣдѣніямъ известно, что секта имѣеть послѣдователей въ горахъ по обоимъ склонамъ Гиндукуша. О распространеніи секты въ горахъ на сѣверъ отъ Гиндукуша, между прочимъ, упоминаютъ: Лейтнеръ въ добавленіяхъ (Appendix VII а и б) къ своему *Dardistan in 1866, 1886 and 1893*, а также майоръ Биддельфъ въ своемъ сочиненіи о народахъ Гиндукуша ¹⁾). Относительно ученія скажу только, что секта Исмаилья одна изъ самыхъ радикальныхъ шіитскихъ сектъ: послѣдователи ея принадлежать къ такъ называемымъ моаттила, т.-е. лишающимъ Бога всякихъ атрибутовъ ²⁾). По словамъ проф. А. Е. Крымскаго, философская сторона ученія Исмаилья имѣеть много общихъ чертъ съ радикальными вѣтвями суфизма, при чёмъ, надо это замѣтить, историческое происхожденіе ихъ различно ³⁾). Внѣшняя организація секты очень напоминаетъ организацію дервишскихъ орденовъ ⁴⁾.

Желая возможно точнѣе передать мною собранныя свѣдѣнія, я ихъ излагаю въ видѣ отдѣльныхъ разговоровъ съ пирами, т.-е. въ томъ видѣ, въ какомъ они были записаны мною на мѣстѣ, ничего не измѣня въ изложеніи и не приводя въ систему собранный материалъ.

Бесѣда съ пиромъ Сайдъ Юсуфъ Али Шо ⁵⁾.

12 поколѣній тому назадъ его предокъ Шо Малангъ пришелъ сюда, въ горы, изъ Хоросана, изъ города Сабзи-

¹⁾ Народы, населяющіе Гинду-кушъ. Соч. М. Биддѣлфа, пер. Лессара. Ас-хабадъ. 1886 годъ, стр. 156 по 163.

²⁾ Guyard. p. 199, Note 4.

³⁾ О томъ же смотри: Очеркъ развитія суфизма, А. Е. Крымскаго. Москва. 1895, стр. 28 въ примѣч., а также стр. 47.

⁴⁾ Позднеевъ. Дервиши въ Мусульманскомъ мірѣ. Оренбургъ. 1886 года, глава III.

⁵⁾ Необходимо замѣтить, что всѣ имена собственныя передаются въ этой статьѣ такъ, какъ они діалектически произносятся на мѣстѣ, т.-е. по произношенію сѣверно-персидскому, а не южно-персидскому, которое принято въ литературномъ языке. Такъ, напр., „Шо“, а не „Шахъ“, „Малангъ“, а не „Мелекъ“, Саломатъ вмѣсто Селамэтъ, и т. п.

Пиръ Сайдъ Юсуфъ Али Шо.

шаръ¹⁾). Отецъ Саидъ Юсуфа—Саидъ Фарокъ Шо, дѣдъ его—Саидъ Шо Партови, прадѣдъ,—Саломатъ Шо, прапрадѣдъ—Шо Фозиль (Шах-Фазиль). Въ одно время съ его предкомъ Шо Малангъ изъ Хоросана, изъ города Сабзишаръ, пришли въ горы три пира: Шо Бурхонъ (Борханъ), Шо Хомушъ (Хамушъ) и Шо Кошонъ (Кашанъ). Шо Хомушъ поселился въ Кулябѣ, гдѣ и умеръ. Миры Шугнана считаются его своимъ предкомъ. Кромѣ нихъ у этого пира остались еще потомки, частью живущіе здѣсь, въ Шугнанѣ, частью въ Кулябѣ. Всѣ они бѣдные (факиры) и сунни. У Шо Кошонъ также существуютъ потомки, но пировъ между ними нѣть. Шо Бурхонъ потомковъ не оставилъ. Наибольшее число потомковъ саидовъ оставили Шо Малангъ и Шо Кошонъ—около двухсотъ домовъ.

На много ранѣе этихъ четырехъ пировъ пришелъ сюда, въ горы, также изъ Хоросана, Шо Носиръ²⁾ (Шахъ Насиръ). Кто онъ былъ въ молодости—шія или сунни—неизвѣстно. Учился въ Бухарѣ. Послѣ ученія онъ отправился путешествовать, искать пира-наставника. Наконецъ, послѣ долгихъ скитаній, нашелъ себѣ въ Хоросанѣ наставника въ лицѣ Мустансиръ-Билляхъ-Ага-хана³⁾. Сотворилъ онъ съ нимъ молитву фатха (фатіха) и сдѣлался его ученикомъ и послѣдователемъ секты Исмаилья. Проживъ съ нимъ нѣкоторое время, онъ отправился вновь путешествовать и попалъ сюда, въ горы, гдѣ засталъ много разныхъ вѣръ,—здѣсь были: кафиры, сіахпуши, шія и сунни. Онъ первый, здѣсь въ горахъ (кухистонъ-коюнотанъ), началъ проповѣдывать ученіе секты Исмаилья. Поселился Шо Носиръ около Мунджона въ кишлакѣ Іемгонъ, гдѣ впослѣдствіи умеръ и

¹⁾ Смотри: *Voyages d'Ibn Batoutah trad. par Desfremery et le D-r Sangüinetti*. Р. 1877, Томе III, р. 65.

²⁾ Потомокъ въ 8-мъ поколѣніи имама Али ер-Риза. Его предки покинули Багдадъ и переселились въ Балхъ или Кабадъянъ. Intr. p. XVII et XVIII. Родился въ 1003 году, умеръ въ 1088 году въ Іемгонѣ. Intr. p. XLV. *Sefer Nameh, Relation du Voyage de Nassiri Khosrau etc. publ. trad. et annot. par Ch. Schefer*. Paris Leroux 1881.

³⁾ Смотри *Sefer Nameh*. *Introd. p. V et XII*.

похороненъ¹⁾). Потомковъ онъ не оставилъ. (Не былъ же-
нать).

Секта Исмаилья распространена въ Ваханѣ, въ Зебакѣ,
въ Мундженѣ, въ Читралѣ, въ Канджутѣ, въ Ишкапимѣ,
въ Горонѣ, въ Шугнанѣ, по обѣимъ сторонамъ Пянджа,
въ Рошанѣ и въ Сарыколѣ²⁾). Въ Яркентѣ 1500 домовъ, на
Нагулемѣ 5—6 домовъ сектантовъ и домовъ 30 Асно-ашарія³⁾).
Въ Дарвазѣ на афганской сторонѣ сектанты живутъ въ
кишлакахъ Варфъ, Гумай, Омурдъ, Джомарчъ. Ниже Ка-
лай Хума съ афганской стороны можно найти сектантовъ
въ кишл. Ходора, Дзингирю. Кишл. Йогидъ, на этой сто-
ронѣ Пянджа, состоитъ наполовину изъ Исмаилья, напо-
ловину изъ Асно-ашарія. Въ Катаганѣ, въ кишл. Гури—
нѣсколько человѣкъ Исмаилья, остальные жители сунни
(Чор-Юри⁴⁾). Племя Хазара⁵⁾ около Кабула большею частью
Исмаилья и незначительная только часть Асно-ашарія. Въ

¹⁾ Сравни этотъ разсказъ съ выдержками изъ апокриф. автобиограф.
Насира Хосрау, приведенными въ *Introduction Sefer Nameh, de la p.*
VII à la p. XVIII.

²⁾ Общее количество послѣдователей секты, живущихъ въ русско-бухар-
скихъ предѣлахъ (не считая Дарваза, Ферганы и вообще городовъ низ-
менности), распредѣляется слѣдующимъ образомъ: въ Ваханѣ съ Ишкапи-
момъ 219 дом., въ Шугнанѣ 512 дом., въ Рошанѣ 683 дома и въ Оро-
шорской волости 116 домовъ. Эти цифры показываютъ состояніе всего
населенія перечисленныхъ странъ къ 1 января 1901 года и приведены
миною по официальнымъ даннымъ, которыхъ мнѣ были любезно сообщены
начальникомъ Памирского отряда, подполковникомъ Бодрицкимъ.

³⁾ Эсна-Ашеріе, т.-е. двоенадесятники, такъ называются шітовъ, при-
знающіхъ 12 имамовъ.

⁴⁾ Приверженцы 4 товарищей, т.-е. признающіе четырехъ злѣйшихъ
враговъ шітовъ: Абу-Бекръ, Омаръ, Османъ и Моавія. (На мѣстѣ сек.
назыв. перв. Али, а Моавію не упоминаютъ). Этими прозвищемъ (Чор-Юри)
шіты и Исмаилья называютъ суннитовъ.

⁵⁾ По мнѣнию „Bellew“ это племя монголо-туркского происхожденія.
Хазара занимаютъ обширную горную площадь, позвестную въ древности
подъ названіемъ Паропамизъ; эта площадь простирается отъ предѣловъ
Кабула и Газни до Герата. Въ теченіе вѣковъ Хазара утеряли свой род-
ной языкъ и теперь говорять на персидскомъ языке, сохраняющемъ черты
13 вѣка. Непримиримые враги афганцевъ; подробности смотрите: *The Races
of Afghanistan by H. W. Bellew. Calcutta 1880 года 113 to p. 117*

Бухарѣ, въ Ошѣ, въ Коканѣ находятся выходцы изъ Шугнана и Вахана, которые также Исмаилья.

Всѣ послѣдователи секты Исмаилья въ горахъ (кухистонъ) распредѣляются между 15 главными пирами. Эти 15 пировъ размѣщены слѣдующимъ образомъ: три пира живутъ въ Сарыколѣ, одинъ пиръ находится въ Яркентѣ, 3 пира въ Читралѣ, 2 пира въ Ваханѣ, одинъ пиръ на Шахдарѣ (въ Шугнанѣ), одинъ пиръ въ кишл. Сучонъ на Гунтѣ (въ Шугнанѣ), 1 пиръ въ Поршнифѣ на Пянджѣ (въ Шугнанѣ), 1 пиръ въ кишл. Бар-Рушанъ (въ Рошанѣ), 1 пиръ въ кишл. Варфъ въ афганскомъ Дарвазѣ, 1 пиръ въ Кулябѣ (пиръ племени Хазара, переселившійся изъ Афганистана). Кромѣ этихъ, извѣстныхъ разсказчику, пировъ, можетъ быть, существуютъ въ горахъ еще и другіе, но они, во всякомъ случаѣ, менѣе важны. Много пировъ въ Индіи, по западному берегу, а также на югѣ Персіи; всѣхъ ихъ онъ, конечно, перечислить не можетъ. Имена нѣкоторыхъ пировъ, живущихъ въ горахъ, ему извѣстны: такъ, пиръ Хазаръ ¹⁾, живущій въ Кулябѣ, называется Феридунъ Шо Сайдъ, пиръ въ Рошанѣ называется Шо Зода (Шâh-zâde) Хасанъ, пиръ въ кишл. Варфъ, называется Шо Сафедъ Сайдъ, три пира въ Сарыколѣ носятъ слѣдующія имена: Шо Зода Макинъ ²⁾, Шо Толибъ (Тâлибъ) и Сайдъ-Ахматъ Хонъ (Ахмедъ-ханъ).

Въ Читралѣ разсказчикъ помнить имя только одного пира Шо Зода Лайсъ ³⁾.

Секту называютъ Маулави, отъ слова Мауло (владыка), одно изъ названий Алія ⁴⁾. Сами себя сектанты называютъ

¹⁾ По поводу этого пира, имѣющаго для нась особо важное политическое значение, я хочу подчеркнуть, какъ вообще важно было бы всѣхъ пировъ, живущихъ въ нашихъ предѣлахъ, расположить въ пользу русскаго дѣла и заручиться ихъ содѣйствиемъ. Авторитетъ пировъ среди сектантовъ безграниченъ. Сектанты, подчиненные наимѣнѣи пирамъ, разбросаны въ 4 государствахъ. Хазара, боевое племя, живетъ въ самомъ сердцѣ Афганистана.

²⁾ Лейтнеръ упоминаетъ о немъ Appendix VII (a) p. 5.

³⁾ Отецъ его — Шо Абдур-Рахимъ Зебакскій, о которомъ упоминаетъ Лейтнеръ, дѣдъ — Шо Зода Лайсъ, йокутъ-Шо.

⁴⁾ Не слѣдуетъ на основаніи этого названія смѣшивать исмаилитовъ

Ісмаилья, и вотъ на какомъ основаніи. Они признаютъ имамами ¹⁾: Али, Хасана, Хусейна, Зайнъ-аль-Обедина ²⁾, Махометъ-Богира ³⁾ и Джафара-Садика. У этого послѣдняго были два сына,—имамъ Мусо-и-Косимъ и Шо Исаимъ. Асно-ашарія признаютъ имамами Мусо-и-Косима и его потомковъ. Секта Исаимъя признаетъ имамами Исаима и его потомковъ. Асно-ашарія остановились на двѣнадцати имамахъ, Исаимъя же продолжаютъ ихъ считать до сего времени въ родѣ Агахана.

Глава секты называется Ага-Ханъ ⁴⁾. Должность эта наследственная. Родъ Ага-Хана ведется отъ Алія и Фотимы черезъ Шо Исаима и сына его Махомета. Ага-Ханъ есть воплощеніе Алія; въ немъ его душа. Ага-Ханъ живетъ въ Бомбай. Имя настоящаго султана Махометъ Шо ⁵⁾,

съ послѣдователями Джелялдина Руми, которые тоже называются мевлевіями. Замѣтка проф. А. Е. Крымскаго.

¹⁾ Смотрите преданія объ имамахъ въ восточн. Туркестанѣ. Dutreuil de Rhins Tome III P. 1 à la page. 46.

²⁾ Въ память его мазаръ между Хорогомъ и Поршнифъ на Пянджѣ; имамъ въ немъ не похороненъ: виденъ только оставленный имъ слѣдъ на скалѣ его правой руки.

³⁾ Мазаръ на рѣкѣ Гунтѣ; тѣла имама въ немъ нѣтъ. Сохранилась по этому поводу легенда. Имамъ пріѣхалъ сюда изъ Хоросана на бѣломъ верблюду и поселился на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь мазаръ. Проживъ нѣкоторое время, имамъ однажды рѣшился, что пора ему покинуть жизнь, Предупредилъ жителей долины о своемъ намѣреніи и при этомъ сказалъ, что въ случаѣ, если ихъ постигнетъ какое бы то ни было бѣдствіе: война, моръ, голодъ, онъ всегда вернется къ нимъ на помощь; для этого они должны будутъ прійти сюда, зарѣзать передъ пещерой барана и потому кричать какъ азанчи. „На этотъ кличъ я выйду къ вамъ“. Сказавъ это, имамъ удалился въ пещеру, которая за нимъ замкнулась. Черезъ нѣкоторое время недовѣрчивые жители долины рѣшили провѣрить слова имама Свершили все по его словамъ. Имамъ появился изъ пещеры, сидя на лошади, и спросилъ народъ, что ему нужно. Смущенные жители объяснили причину вызова. Имамъ разгневался и сказалъ: „вѣнаказаніе за ваше невѣріе, пусть долина ваша по временамъ будетъ Гунъ (южн.-перс. ганъ — куча, собранная), а по временамъ паришонъ (разсыпанная)“. Долина Гунта сильно страдала отъ набѣговъ киргизовъ, шугнанцевъ и жит. дол. Шахдары, что заставляло жителей покидать свою долину, нѣкогда густо населенную. Теперь долина постепенно вновь заселяется.

⁴⁾ По мѣстному произношенію Ого-хонъ.

⁵⁾ Родился въ Карачи, ноября 2, 1877 года, получить прекрасное, вполнѣ

отца его—Али Шо, дѣда—Шо Саидъ Хасанъ. Переселились они изъ Хоросана, изъ кишл. Махалоти.

Всѣ пиры между собой равны, каждый изъ нихъ сносятся непосредственно съ Ага-Ханомъ. Черезъ годъ - черезъ два посылаются ему подарки, главнымъ образомъ деньги. Для этого снаряжается кто-нибудь изъ жителей, иногда же одинъ изъ помощниковъ (халифа) пира. Должность пира наследственная. Пиру наследуетъ не обязательно старшій сынъ, а наиболѣе достойный. Не достаточно быть наследникомъ пира, чтобы занять его мѣсто, необходимо согласие общества подчиненныхъ умершаго пира и утвержденіе его приговора Ага-Ханомъ. Когда прямыхъ наследниковъ у пира саида нѣтъ, то жители имѣютъ право выбирать кого-нибудь изъ его родственниковъ и просить объ утвержденіи его Ага-Ханомъ. Пиры могутъ быть не саиды. Ага-Ханъ можетъ утверждать пиромъ не саида, а всѣми уважаемаго муллу (челов. образов.), по просьбѣ жителей, или просто, по своему личному усмотрѣнію. Ага-Ханъ въ правѣ смѣщать кого угодно и когда ему угодно.

Рассказчикъ былъ назначенъ пиромъ послѣ кончины своего отца, пира, по желанію жителей. Эти послѣдніе, собравшись съ участка умершаго пира, пришли просить сына наследовать отцу. Заручившись согласiemъ его, жители снарядили депутацію къ Ага-Хану, снабдивъ ее подарками и письмомъ, съ изложенiemъ своей просьбы. Ага-Ханъ согласился на ихъ выборъ и, въ знакъ утвержденія рассказчика въ должности пира, приславъ ему бумагу съ печатью главы секты. Эта бумага показывается жителямъ. .

Ага-Ханъ решаетъ всѣ дѣла единолично. При немъ совсѣта нѣтъ. При поѣздкахъ къ Ага-Хану по дѣламъ, обращаются не къ нему лично, а къ его служащимъ, и透过 нихъ получаютъ приказанія и распоряженія главы секты.

Къ Ага-Хану пріѣзжие допускаются только дѣ, представленія и на поклонъ. Иногда, послѣ доклада Арахтъ, 4-й ч

в, въ кишл. Бозевропейское образованіе. Смотри подробн. у Лейтт. Коронъ, недалеко (б) р. 21. Въ послѣдн. № Review of Reviews за 1-й. Появленіи нового журнала въ Индіи: „East and W кишл. Пью, 9-й въ ковъ, между прочимъ, указанъ: „His Highness тѣ въ Читралѣ, въ кишл.

дѣла, Ага-Ханъ выражаетъ желаніе повидать докладчика. Въ такомъ случаѣ пріѣзжій имѣть возможность бесѣдоватъ лично съ главой своей секты.

Каждый пиръ имѣть своихъ помощниковъ, которые распредѣляются по всѣмъ тѣмъ мѣстностямъ, где у него находятся подчиненные или мюриды.

Называются эти помощники халифа. Они служатъ посредниками между пиромъ и его мюридами. Главная ихъ обязанность собирать подаянія, предназначенные пиру, а также, отчасти, справлять нѣкоторыя требы. Назначаются халифа пиромъ, который предпочтительно выбираетъ ихъ изъ саидовъ. Халифа зависитъ только отъ своего пира. Онъ не имѣть права ни судить, ни дѣлить по наслѣдству, все это лежитъ на обязанности пира.

Пиры полные хозяева надъ своими подчиненными; судятъ ихъ по своему шаріату. Въ настоящее время, какъ и прежде, къ пиру ходять за всяkimъ дѣломъ: за совѣтомъ, на исповѣдь и на судъ. Въ Шугнанѣ всегда существовали судьи (кози-кади), къ нимъ ходять судиться для вида, или же недовольные судомъ пира.

У пира Юсуфа Али Шо подчиненные распредѣляются слѣдующимъ образомъ: четыреста домовъ въ Шугнанѣ, 200 домовъ въ афганскомъ Дарвазѣ, въ Яркентѣ 50 домовъ, въ Ошѣ 20 домовъ, нѣсколько домовъ по Гунту отъ Сочарва до Сардива, нѣсколько домовъ въ афганскомъ Шугнанѣ. Въ Рошанѣ у пира нѣть ни одного подчиненнаго.

Помощники пира распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 11 халифа въ Шугнанѣ, 7 халифа въ Дарвазѣ и 1 въ Яркентѣ. Въ Ошѣ должность помощника справляеть его братъ.

У шія и сунни послѣ смерти существуютъ два дома, хона (ханѣ): рай и адъ. Секта Исмаилія ихъ не признаеть.

После дѣмтерти человѣкъ остается живъ своею душою, та, собраниемъ), а тѣтъ въ другое живое существо; отъ добра сильно страдала отъ добра го же человѣка, отъ дурного чедары, что заставляло жь, ^пходить въ какое -нибудь животное. Теперь долина

⁴⁾ По мѣстному произнош змѣю, корову, осла, лошадь. Душа—

⁵⁾ Родился въ Карачи, но живѣетъ. Наказанная душа, попавшая

въ животное, можетъ долго терзаться, переходя изъ животнаго въ животное, пока Богъ не смилостивится и не вернетъ душу обратно въ человѣка, чтѣ онъ можетъ сдѣлать, когда ему угодно.

На мой вопросъ: „неужели душа никогда не найдетъ покоя?“ пиръ отвѣтилъ: „душа найдетъ покой, когда попадеть въ хорошаго человѣка, хорошимъ же человѣкомъ мы считаемъ того, кто не много думаетъ, не путешествуетъ, а сидить спокойно дома, выбравъ для него хорошее, красивое мѣсто, кто хорошо ютъ и чисто одѣвается“.

Постовъ нѣть; Богъ учить нравственному воздержанію,— не желать жены ближняго своего, не завидовать чужому богатству, счастью и т. п.

Все вышеписанное разсказано мнѣ въ Шугнанѣ, въ Поршифѣ, въ кишл. Возмѣ, на Пянджѣ, пиромъ Сайдъ Юсуфъ Али Шо.

Бесѣда съ пиромъ Сайдъ Ахмедъ, живущимъ на Шахдарѣ, въ Шугнанѣ.

Родъ свой пиръ ведеть отъ имама Махометъ-Богира, че-резъ сына его имама Ибрагима (sic).

Восемь поколѣй тому назадъ предки пира переселились изъ Медины въ Мундженъ, гдѣ и жили до послѣдняго времени. Разсказчикъ перебрался оттуда въ Читраль, но англичане попросили его удалиться изъ своихъ предѣловъ, находя, что у него слишкомъ много подчиненныхъ въ другихъ государствахъ. Здѣсь, на Шахдарѣ, онъ второй годъ. Семья только что прїхала кружнымъ путемъ черезъ Каракорумъ, афганцы не пустили ихъ черезъ свои владѣнія. Халифъ пира распредѣляются слѣдующимъ образомъ: одинъ на Шахдарѣ, въ кишл. Поршидъ, другой на Пянджѣ, по ту сторону рѣки, въ кишл. Воджъ, третій въ Дарморакъ, по ту сторону рѣки, въ кишл. Арахтъ, 4-й въ Горонѣ, въ кишл. Багушъ, 5-й въ Зебакѣ, въ кишл. Бозгирѣ, 6-й въ Мундженѣ, 7-й въ кишл. Коронѣ, недалеко отъ Файзабада, 8-й въ Катаганѣ, въ кишл. Пью, 9-й въ Читралѣ, въ кишл. Инджигонѣ, 10-й въ Читралѣ, въ кишл.

Маликдаштъ, 11-й въ Читралѣ, въ кишл. Когитъ, 12-й въ Яркентѣ, 13-й ниже Файзабада, въ кишл. Дораймъ.

Всѣхъ подчиненныхъ у пира около 1500 домовъ, изъ которыхъ наибольшая часть приходится на Читраль.

Разбросанность подчиненныхъ, мюридовъ, у одного и того же пира объясняется частыми переселеніями горцевъ. Причинъ, послужившихъ поводомъ къ подобнымъ передвиженіямъ въ горахъ, было не мало: обиды и притѣсненія, которыя горцы постоянно терпѣли отъ своихъ правителей, постоянная распри между сосѣдними ханами, жестокія расправы съ побѣжденными краемъ, недостатокъ земли, тѣснота въ родномъ кишлакѣ и просто семейныя обстоятельства.

Покидая родину, послѣдователи секты ни въ какомъ случаѣ не мѣняютъ пировъ, а всегда продолжаютъ подчиняться своему старому пиру, оставшемуся на мѣстѣ. Мѣнять пировъ строго воспрещено сектой и считается болѣшимъ грѣхомъ (ганда) ¹⁾. Подчиненный принадлежить тому пиру, предкамъ котораго подчинялись его собственные предки.

Название трехъ пировъ, живущихъ въ Читралѣ, слѣдующее: Шо Зода Лайсъ (Шахъ-Заде Лейсъ), въ кишл. Анкеръ, Шо Абдулъ Хасанъ, въ кишл. Хасанободѣ, и Шо-и-Калонъ (Шах-и Келанъ). Семь или восемь поколѣній тому назадъ предокъ послѣдняго пира, Сайдъ Джемли, переселился изъ Бухары въ Читраль, въ кишл. Баандесъ.

Въ Ваханѣ два пира: Карамъ Али Шо, въ кишл. Зунгъ, и Сайдъ Абдуррахманъ, въ кишл. Дриджъ.

У Шо Зода Лайса около 30 домовъ, подчиненныхъ на Шахдарѣ, и понѣсколько домовъ въ Ваханѣ, Ишкашимѣ и Шугнанѣ.

Одинъ изъ халифѣ Шо Зада Лайсъ живеть на Шахдарѣ, въ кишл. Бедизъ (нижній). Гдѣ живуть другіе его помощники, разсказчикъ не знаетъ.

Сектанты считаются Алія ²⁾ выше Мохаммеда. Душа Алія переходитъ отъ одного Ага-Хана къ другому.

¹⁾ Вонь, скверно.

²⁾ Среди горцевъ сохранилось нѣсколько легендъ о пребываніи Алія въ кухистонѣ (въ горахъ). Одна изъ нихъ записана мною въ Ваханѣ. Въ ней идетъ рѣчь о томъ, какъ Алій, прійдя съ войскомъ изъ Хоросана въ Ишкашимъ и Ваханъ, воевалъ тамъ съ кафирами сіахпушами; завладѣль

Четыре главныхъ пира проповѣдывали ученіе Исмаилья: Шо Али Мусо-и-Ризо (Муса-Риза) въ Хоросанѣ, Шейхъ фарібъ Шакарпъ Ганчъ (ферибъ Шекярпъ Гянджъ) въ Индустанѣ, Хаджи Ахмедъ Ясави въ Туркестанѣ и Сайдъ Носиръ Хосрау (Насир-и-Хосровъ) въ кухистанѣ.

Когда Шо Носиръ пришелъ въ горы, то засталъ здѣсь людей разной вѣры: шіитовъ и суннитовъ. Среди нихъ началъ онъ проповѣдь свою очень осторожно; ничего не отвергалъ изъ ихъ ученій, ничего не отрицалъ: ни молитвъ, ни постовъ, ни праздниковъ, ни рая, ни ада. Съ шіитами былъ шія, съ суннитами—сунни.

Говорилъ онъ о Богѣ, о добродѣтели, объ уваженіи къ старцамъ. Болѣе близкимъ своимъ ученикамъ понемногу открывалъ истинное ученіе секты. Признавая молитву, онъ пояснялъ, что истинная молитва заключается въ томъ, чтобы хорошо говорить, говорить чистое, помнить всегда Бога и хорошо во всемъ поступать. Не отвергая праздниковъ, говорилъ, что истинный праздникъ для послѣдователей секты—посвѣщеніе своего наставника, пира, бесѣды съ нимъ, хороший поступокъ, совершенный человѣкомъ. Не отказываясь отъ постовъ, говорилъ, что Богъ требуетъ не воздержанія желудка, а воздержанія нравственнаго, что и есть истинный постъ. Не отрицая рая и ада, онъ говорилъ, что они обрѣтаются не гдѣ-нибудь на небѣ, а находятся здѣсь, на землѣ, въ душѣ каждого человѣка, у кого рай, у кого адъ, отъ человѣка зависитъ имѣть въ душѣ то или другое.

Послѣ смерти Шо Носира ученики его продолжали начатое имъ дѣло. Проповѣдники дѣйствовали крайне осторожно. Присоединеніе къ сектѣ горнаго народонаселенія происходило безъ насилия и очень медленно, въ продолженіе многихъ и многихъ десятковъ лѣтъ.

тримя замками трехъ братьевъ-царей, сіяхпушей: Кахкаха, Замръ-Аташъ-Паастъ и Завгибора. Какъ эти три брата погибли въ борьбѣ почти со всѣмъ своимъ народомъ, и только небольшая часть спаслась, бѣжавъ на югъ въ страну Катуаръ. По покореню Вахана легенда гласитъ, что Алій совершилъ походъ въ Китай, гдѣ испуганный царь вместо войска выслалъ на встречу Алію толпу простоволосыхъ женщинъ, при видѣ которыхъ Алій остановился, сказалъ имъ Хато (отсюда название Китай) и повернулся обратно.

До сего времени горцы, по привычкѣ, соблюдаются много старинныхъ обычаевъ¹⁾, ничего общаго съ сектой не имѣющихъ. Иногда, по необходимости, и только для вида, въ присутствіи чужихъ, горцы справляютъ обряды суннитовъ и шітовъ. Мы имъ этого не запрещаемъ дѣлать, считая все это не важнымъ. Важно быть хорошимъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ.

Въ дѣйствительности у насъ нѣтъ ни праздниковъ, ни постовъ, ни намазовъ, ни общихъ молитвъ, ни мечетей. По пятницамъ, вечеромъ, у пира или у халифа, собираются старики, старухи, а изъ молодежи мужчины и женщины, болѣе достойные. Читаютъ книгу Каломи-пиръ²⁾, объясняютъ читанное, разговариваютъ, поютъ извѣстныя мѣста изъ книги на-память, играютъ на музыкальныхъ инструментахъ и тутъ же ужинаютъ и такимъ образомъ просиживаютъ до разсвѣта.

Въ мазарахъ, у Шейховъ, иногда устраиваются подобные сборища, рѣжутъ баражка, читаютъ, поютъ.

Главную книгу, Ваджхи-динъ³⁾ или Каломи-пиръ, написалъ пиръ Калонъ Маулоно Шо Нузоръ (также Низоръ), сынъ Маликъ Соломъ, въ Хоросанѣ, въ Маалот-шааръ(шехръ). Шо Носиръ Хосрау перевель эту книгу на языкъ кухистана, Шо Али Мусо-и-Ризо—на языкъ Хоросана, Шейхъ Форибъ Шакаръ Ганчъ—на языкъ Индустана и Хаджи Ахмедъ Ясави—на языкъ Туркестана.

Шо Носиръ въ продолженіе 72 лѣтъ прочиталъ четыре книги: Таурота-Мусо, Енжиль-Исо, Забуръ-Даудъ и Фирконъ.

¹⁾ Въ горахъ, въ особенности въ Шугнанѣ, распространено почитаніе священныхъ камней. Камни эти обыкновенно бываютъ облиты масломъ, обложены „ex voto“ въ видѣ мелкихъ камней причудливыхъ формъ; иногда на камнѣ насыпана небольшая горсть какого-нибудь зерна (не смѣшивать священныхъ камней съ мельничными, которые иногда встрѣчаются около кишлаковъ). По словамъ горцевъ, они почитаютъ священные камни съ разрѣщеніемъ пировъ, въ память Сабзи-пушъ и другихъ святыхъ мужей. Присутствіе мазаровъ также не влажется съ ученьемъ секты и какъ бы подтверждаетъ слова пировъ, что здѣсь въ горахъ раньше жили шиты и сунниты.

²⁾ Кялами-пиръ (букв. „рѣчь старца“ или „слово старца“). Прим. проф. А. Е. Крымскаго.

³⁾ Лицо вѣры—главное изложеніе о вѣрѣ. Прим. проф. А. Е. Крымскаго.

Махомета¹⁾). По прочтении этихъ книгъ Шо Носиръ написалъ, что во всѣхъ нихъ написано одно и то же и все, чтѣ въ нихъ написано, можно найти въ Каломи-пиръ.

Изъ Каломи-пиръ Шо Носиръ составилъ болѣе удобную для чтенія и для пониманія книгу „Ишхоръ“²⁾). Умеръ онъ въ кишл. Іемгонъ и тамъ же похороненъ въ пещерѣ. Но, по книгѣ, его тѣла въ этой пещерѣ нѣтъ. Говорятъ, что она сквозная. Вѣрятъ, что онъ вошелъ въ пещеру со стороны Бадакшана, а вышелъ со стороны Читрала. Что съ нимъ стало послѣ—неизвѣстно.

На мой вопросъ: существуетъ ли у нихъ обрѣзаніе?—пиръ, не особенно удивившись вопросу, отвѣтилъ: „чтѣ-жъ у насъ сохранилось бы отъ мohаммаданства, если бы мы уничтожили и этотъ обрядъ!“

Все вышеписанное разсказано мнѣ въ кишл. Реджисъ, на Шахдарѣ, въ Шугнанѣ, пиромъ Сайдъ Ахмедомъ.

Бесѣда съ пиромъ Сайдъ Мурсалъ.

Отецъ его, Сайдъ Мурза Ашрабъ, былъ пиромъ въ Сучонѣ въ продолженіе 75 лѣтъ. Родъ свой пиръ ведетъ отъ имама Мусо-и-Косима. Предокъ пира Сайдъ-Сухробъ (Сохрабъ) триста послѣ смерти Мохаммеда переселился изъ города Іездъ въ Хоросанъ въ Бадакшанъ, въ кишл. Іемгонъ.

Предки пира, проживъ въ этомъ кишлакѣ нѣсколько поколѣній, переѣхали въ Ваханъ, въ кишл. Шергинъ, гдѣ прожили три поколѣнія. Изъ Вахана предки его перебралились сюда, въ кишл. Сучонъ, три поколѣнія тому назадъ. Онъ, пиръ, представитель четвертаго поколѣнія.

Сайдъ Мурсалъ состоить пиромъ только одинъ годъ. Назначенъ на должность Ага Ханомъ, по желанію жителей. Пиръ самъ ъздилъ въ Бомбай и лично получилъ отъ главы секты бумагу съ печатью, утверждавшую его въ должностіи.

Халифа пира Сайдъ - Мурсала распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 1) въ Читралѣ, въ кишл. Ричъ, 2) въ Читралѣ, въ кишл. Ярхонъ, 3) въ Ишкашимѣ и Зебакѣ,

¹⁾ Пятикнижіе, Евангеліе, Псалмы и Коранъ.

²⁾ Ишкаръ („возвѣщеніе, распространеніе“).

одинъ халифа живеть въ кишл. Доршанъ, на афганской сторонѣ, 4) въ кишл. Баръ-Юмчъ, 5) въ кишл. Нимдана, на афганской сторонѣ, 6) въ кишл. Хуфъ, въ Рошанѣ на Пянджѣ, 7) въ кишл. Тераудъ, 8) въ кишл. Бараутъ, 9) въ Калаи-Вомарѣ, 10) въ кишл. Шуджонѣ, 11) въ кишл. Іемцѣ, 12) въ кишл. Роумитѣ, 13) въ кишл. Сипунджѣ, 14) въ кишл. Хазретъ-Имамъ на Гунтѣ, 15) въ кишл. Таңшебъ, въ афганскомъ Дарвазѣ, 16) въ кишл. Сучонѣ, 17) въ Яркентѣ (ему же подчиняются нѣсколько домовъ въ Сарыколѣ); 18) въ Ошѣ общи халифа съ пиромъ Юсуфъ Али-Шо.

Подчиненные пира распредѣляются, приблизительно, слѣдующимъ образомъ: 100 домовъ въ Читралѣ и 400 домовъ въ Шугнанѣ, Рошанѣ, Дарвазѣ и Яркентѣ.

Въ Канджутѣ жители Исмаилья въ Нагарѣ, послѣдователи имама Мусо-и-Косима (Асно-Ашарія).

По поводу переселенія душъ пиръ сообщилъ мнѣ нѣкоторыя подробности.

По его словамъ, въ одномъ роду одна душа. Душа отца переходитъ къ сыновьямъ, при чемъ пиръ пояснилъ образно, какъ понять переходъ одной души, отца, къ нѣсколькимъ сыновьямъ. Въ домѣ (хона) горить нѣсколько огней, въ очагѣ большой огонь, въ свѣтильникахъ (чироги) малые, но какъ въ очагѣ, такъ и въ свѣтильникахъ свѣтится одно и то же пламя, происходящее отъ одного и того же огня. Вообще, душа постоянно блуждаетъ. При смерти душа переходитъ въ землю, изъ земли въ траву, изъ травы въ животное, изъ животнаго опять въ человѣка.

Книга Каломи - пиръ написана по приказанию Маулоно-Низорѣ. Сайдъ Носиръ перевелъ ее на языкъ горцевъ.

Люди должны быть какъ братья, другъ-друга не обижать. Важно быть добрымъ, честнымъ. Обряды: посты, молитвы, праздники не важны, спрятывать мы ихъ не запрещаемъ. Все это дѣлается для вида. Воръ, который будетъ поститься и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжать свое ремесло, поступаетъ одинаково скверно, какъ и воръ, промышляющій тѣмъ же, но безъ поста. Однаково дурно поступаетъ человѣкъ, который съ одной стороны грѣшить, съ другой молится, надѣясь безъ раскаянья, одной молитвой,

отмолить грѣхи. Человѣкъ, который согрѣшилъ, долженъ прійти къ пиру, искренно раскаяться, помолиться съ пиromъ, и тогда только Богъ можетъ ему простить. Для того, чтобы человѣкъ не забывалъ совершенного имъ грѣха и чтобы удержать его отъ подобнаго же поступка въ будущемъ, пиръ накладываетъ на него известную пеню, размѣръ которой, сообразуется съ совершеннымъ грѣхомъ. За большой грѣхъ взимается лошадь, за менѣе важный проступокъ корова, за болѣе легкія прегрѣшенія баранъ, птица, яйца и т. д.

Человѣкъ, который не пожелаетъ сознаться въ совершенномъ грѣхѣ, Богомъ не будетъ прощенъ и грѣхъ всей тяжестью своею ляжетъ на немъ.

Все вышеписанное разказано мнѣ въ кишл. Сучонъ на Гунтѣ, въ Шугнанѣ, пиромъ Сайдъ Мурсаль.

Вотъ все, что я успѣлъ собрать относительно секты Исмаилья. Собранное я постарался передать возможно точно, безъ всякихъ украсъ. Сообщая имена и указывая мѣста пребыванія моихъ собесѣдниковъ, я тѣмъ даю возможность каждому желающему лично провѣрить добытыя мною свѣдѣнія.

Относительно сектантовъ я долженъ сказать, что они произвели на моихъ спутниковъ и на меня вполнѣ благопріятное впечатлѣніе. Строгая, нравственная дисциплина, къ которой пиры въ продолженіе долгаго времени пріучали своихъ подчиненныхъ, выработала въ нихъ известную выдержанку и сдержанность въ общеніи съ людьми. Между собою они держатся съ достоинствомъ и съ самоуваженіемъ. Къ старшимъ относятся съ почтеніемъ, но безъ униженія.

Характеръ горда покойный, мягкий; онъ съ любовью относится къ своей сектѣ и къ своимъ пирамъ, привязанъ къ своему гнѣзду, не любить передвиженья, отхожимъ про мысломъ занимается рѣдко и неохотно. На переселеніе горецъ рѣшается только подъ гнетомъ крайне тяжкихъ обстоятельствъ.

Желаніе, которое намъ не разъ высказывали горцы,—выучиться русскому языку, просьба добыть имъ учебникъ русскаго языка, наконецъ, поступокъ одного волостного, отдавшаго своего сына въ обученіе къ солдатамъ, въ ка-

зармы, все это такія явленія, которыя ярко свидѣтельствуютъ о стремлениі горцевъ сблизиться съ русскими. Отсутствіе фанатизма въ общеніи съ христіанами, вражда и даже нѣкоторое презрѣніе къ шіитамъ и суннитамъ указываютъ намъ, какую благодатную почву представляютъ сектанты для насажденія среди нихъ русской культуры, какъ легко выработать изъ нихъ преданныхъ намъ друзей и тѣмъ самымъ создать на далекой окраинѣ, на рубежѣ трехъ государствъ, вѣрный и надежный оплотъ противъ враговъ русского владычества въ Азіи.

Благорасположеніе горцевъ къ русскимъ не должно настъ удивлять; они разсчитываютъ найти въ русскихъ покровителей своей секты и опору въ своей глухой, но упорной и постоянной борьбѣ съ суннизмомъ.

Сектанты прекрасно знаютъ, что глава ихъ секты въ Бомбѣ официально признается таковыми англійскимъ правительствомъ. Это обстоятельство пиры не разъ подчеркивали въ разговорахъ съ нами.

Почему бы намъ не подать сектантамъ руку помощи и не высвободить секту изъ-подъ спуда, въ которомъ она теперь обрѣтается? Почему не признать официально ея существованія и въ такомъ случаѣ, конечно, оградить ее отъ гнета официального суннизма Бухарцевъ?

Въ заключеніе не могу не высказать моего мнѣнія по поводу нашихъ отношеній къ мусульманству въ Средней Азіи. Въ настоящее время мы покровительствуемъ только однимъ суннитамъ, игнорируя не только мелкія секты (Исмаилья, Бабидовъ), но даже шіитамъ, какъ будто наша цѣль— объединеніе мусульманства и поглощеніе всѣхъ его развѣтвленій суннитамъ, что, какъ мнѣ кажется, не вполнѣ совпадаетъ съ нашими интересами. Я же думаю, что напѣ прямой, политической расчетъ признавать за всѣми расщепленіями мусульманства право на официальную и самостоятельную жизнь и, какъ послѣдствіе этого признания, считать обязательнымъ для настъ охрану этого права, данаго для всѣхъ, отъ посягательствъ на него со стороны болѣе сильного и боевого исповѣданья.

Изъ поѣздки въ Литву.

Цѣлью моей поѣздки въ Литву лѣтомъ 1901 года было собственно изслѣдованіе нѣкоторыхъ чертъ говоровъ литовскаго языка. Въ зависимости отъ этого и маршрутъ мой былъ строго ограниченъ такими пунктами, которые могли давать материалъ для изученія извѣстныхъ говоровъ.

Однако для меня не могли пройти незамѣченными и нѣкоторые бытовые факты, съ которыми я впервые встрѣтился въ этой странѣ смѣшнія племень и варѣчій. Не знаю, насколько мнѣ удалось придать моимъ наблюденіямъ достаточно стройный видъ, чтобы составить изъ нихъ общее представление о жизни въ этой мѣстности, но во всякомъ случаѣ считаю возможнымъ подѣлиться нѣкоторыми изъ нихъ въ надеждѣ на то, что въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, отношеніяхъ они являются болѣе новыми и непосредственными, чѣмъ то, что мы имѣемъ до сихъ поръ въ литературѣ предмета. Данныхъ же языка я коснулся лишь мимоходомъ, поскольку они стоятъ въ связи съ подмѣченными мною бытовыми явленіями.

Свою поѣздку я ограничилъ лишь незначительной частью Литвы, а именно нѣкоторыми пунктами трехъ смежныхъ уѣздовъ Ковенской губ.: Ковенского, Вилькомирскаго и Новоалександровскаго.

По языку Ковенская Литва дѣлится на восточную, среднюю и сѣверную, или Жмудь. Цѣлью моихъ наблюденій было восточно-литовское нарѣчіе литовскаго языка и опредѣленіе его границъ какъ со стороны средне-литовскаго нарѣчія, такъ и со стороны русскихъ поселеній. Изъ моего маршрута видно, что я не объ-

ѣхалъ всей территоріи восточно-литовскаго нарѣчія, а ограничился только болѣе южными ея частями. Это объясняется частью недостаткомъ времени, частью же и тѣмъ, что меня болѣе интересовали мѣстности, менѣе описаныя въ діалектическомъ отношеніи.

Провѣркѣ моихъ наблюденій способствовало то обстоятельство, что Ковенская губ. очень тщательно описана въ памятныхъ книжкахъ Ковенскаго Губернскаго Статист. Комитета. Эти книжки уже давно обратили на себя вниманіе ученыхъ, потому что, кроме офиціальныхъ свѣдѣвій, которыхъ обыкновенно даются въ подобного рода изданіяхъ, въ нихъ изъ года въ годъ помѣщается подробное описание быта населенія различныхъ мѣстностей Ковенской губ., а также довольно подробная характеристика діалектовъ литовскаго языка въ предѣлахъ этой губерніи. Общей редакціей этнографического материала завѣдуетъ известный знатокъ мѣстного быта, членъ этнографического отдѣла К. П. Гуковскій. Свѣдѣвія по языку сообщаются такимъ же солиднымъ знатокомъ литовской діалектологии, литовцемъ по происхожденію, проф. кс. Явнисомъ.

Ковенская губ.—это центръ Литвы. На всемъ ея протяженіи преобладающую массу населенія составляютъ литовцы. Въ предѣлахъ этой губерніи можно встрѣтить литовцевъ всѣхъ главныхъ разновидностей, которыхъ намѣчены въ наукѣ.

Въ этнографическомъ отношеніи Ковенская Литва, кромѣ самостоятельного интереса, обращаетъ на себя вниманіе путешественника еще и тѣмъ, что здѣсь почти въ каждой данной мѣстности происходит смѣщеніе различныхъ народностей, а именно на ряду съ чисто-лит. элементомъ можно почти везде встрѣтить русскихъ, поляковъ и евреевъ. И въ этой повсемѣстной смѣси интересно и странно, то, что литовцы, составляющіе преобладающей элементъ населенія, везде волею судьбы играютъ послѣднюю роль. Съ одной стороны, въ рукахъ русскихъ перевѣсь всякихъ привилегій по закону, съ другой—поляки превосходятъ всѣхъ преимуществами своей культуры. Евреи же, если не имѣть въ виду мѣстности съ чисто-еврейскимъ населеніемъ, умѣютъ стоять въ сторонѣ и даже извлекать пользу изъ своего нейтрального положенія.

Эта картина смѣщенія съ особенной реальностью наблюдалася въ посѣщенныхъ мною мѣстностяхъ и болѣе всего въ мѣстностяхъ пограничныхъ.

Полякамъ литовцы поддаются легче, потому что съ ними ихъ

соединять общность религіозныхъ интересовъ¹⁾). Къ russкимъ же одинаково недружелюбны какъ литовцы, такъ и поляки. Это еще больше сближаетъ литовцевъ съ поляками, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ russкіе являются лишь въ качествѣ представителей правительственной власти, а такихъ мѣсть немало. Нехорошо тогда приходится russкимъ. Но на ихъ сторонѣ право, и они смѣло съюзъ просвѣщеніе среди литовцевъ. Одинъ учитель хвалился мнѣ, что, благодаря неустанному труду въ этомъ направлениі, уже $\frac{2}{3}$ его учениковъ - литовцевъ забыли свой родной языкъ и говорятъ по-russки. Не такъ легко справиться съ поляками, авторитетъ которыхъ поддерживается ихъ сравнительной культурностью и большими распространениемъ ихъ религіи. Слово „полякъ“ считается въ Литвѣ равносильнымъ слову „интеллигентъ“. Говорить по-польски, придерживаться польскихъ обычаевъ считается хорошимъ тономъ. Въ нѣкоторыхъ приходахъ знать по-польски обязательно, такъ какъ ксендзы-поляки иного языка въ разговорѣ съ прихожанами не признаютъ. Отсюда происходитъ то, что въ отдѣльныхъ районахъ не только литовцы, но и russкіе, которые цѣлыми селеніями исповѣдуютъ католическую религію, говорятъ часто по-польски и вообще находятся подъ сильнымъ польскимъ вліяніемъ, называютъ себя поляками, такъ что приходится доискаваться до ихъ національности. Такой вопросъ ставить, напримѣръ, Гуковскій въ своей статьѣ: „Свадьба у литовскихъ бѣлоруссовъ“.

Въ силу этой борьбы политическіе и религіозные интересы сильно обострены среди сельскаго населенія. Всякій имѣеть здѣсь свои политическія и религіозныя убѣжденія и неуклонно старается привести ихъ въ жизнь. Но литовцы, къ сожалѣнію, направляютъ свои старанія на внѣшность и въ массѣ вообще мало дорожатъ своею національностью. При ихъ податливости, если бы не давали себѣ такъ сильно чувствовать материальная нужды и политическое несправедливое, они не сопротивлялись бы и russкимъ, и теперь, можетъ быть, не существовало бы ихъ уже, какъ отдѣльной народности.

Вообще, судя по материаламъ, собраннымъ въ Пам. Ки. Ков. губ., и по моимъ личнымъ впечатлѣніямъ, касающимся извѣстной

¹⁾ Есть въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и литовцы-протестанты, но ихъ не много, а въ предѣлахъ моего маршрута вовсе вѣтъ.

части Ковенской Литвы, быть литовского крестьянина представляется въ довольно печальномъ видѣ.

Литовцы занимаютъ довольно богатую природой страну, достаточно надѣлены землей и владѣютъ ею подворно и при такихъ условіяхъ все-таки цѣлыми массами бѣдствуютъ. Среди многочисленныхъ причинъ этого явленія на первомъ планѣ вужно поставить ихъ чрезмѣрную некультурность. Въ этомъ отношеніи они очень напоминаютъ нашихъ белоруссовъ-полѣхъ. Разница лишь въ томъ, что тамъ некультурность—начало и конецъ всѣхъ бѣдствій, а здѣсь это не первопричина и не единственная причина упадка благосостоянія. Сама некультурность здѣсь развилаась только въ связи съ неблагопріятными общественными условіями жизни. Школъ мало и даже очень мало, меньше, чѣмъ кое-гдѣ въ нашихъ лѣсахъ. Это бы еще не бѣда: мы и теперь не видимъ литовцевъ, которые бы дошли до такой степени некультурности, какъ полѣхи, ибо они не разобщены съ остальнымъ міромъ, а судя по печатнымъ отчетамъ о числѣ учащихся, можно даже заключить, будто въ некоторыхъ мѣстностяхъ въ увеличеніи числа школъ вовсе нѣть потребности. А вся сила въ томъ, что, подъ вліяніемъ настянутыхъ отношений, литовцы не отдаютъ своихъ дѣтей и въ тѣ школы, которыхъ есть. Литовцы почти всѣ отъ мала до велика грамотны настолько, чтобы читать свой молитвенникъ, нерѣдко, кроме того, читаютъ и по-польски, а грамотныхъ по-русски, по изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ началѣ 90-хъ гг., въ каждомъ уѣзде насчитывается отъ 5% до 7% и владѣющихъ русскимъ языкомъ отъ 10% до 15%. И этотъ фактъ вскрываетъ не только недостатокъ школъ, но и нерасположеніе къ нимъ. Наблюдаются, такимъ образомъ, почти на половину и случаи рецидива безграмотности.

При такихъ условіяхъ трудно ожидать культурной обстановки въ жизни литовца. По-литовски онъ читаетъ, но литовскихъ книгъ нѣть и не разрѣшается пріобрѣтать. По-русски онъ читать не желаетъ и не желаетъ даже слушать никакихъ устныхъ указаний со стороны русскаго. Поляки же, лучше ихъ надѣленные материальными и духовными условіями жизни, больше склонны къ промышленному образу жизни, который такъ выгоденъ среди столь инертнаго населенія, и для непосредственнаго заимствованія отъ нихъ чегонибудь полезнаго рѣдко представляется случай.

Отсюда происходит то, что хозяйство ведется самымъ примитивнымъ способомъ, и усовершенствованій никакихъ ни въ хозяйствѣ, ни въ обыденной жизни не допускается. Инертность жизни доходить до того, что всякое новшество считается чуть не преступлениемъ, а новаторы, чтобы провести свою мысль, принуждены вынуждены оставить общій надѣль, а иногда и село. Новшества обыкновенно очень незатѣйливы. Насущный вопросомъ сельского хозяйства на Литвѣ является, напр., вопросъ объ удобреніи почвы, ибо ее немилосердно истощаютъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, или—вопросъ объ осушеніи болотъ и эксплуатациіи сзеръ, которыхъ тамъ такъ много. Но искусственное удобрение считается мѣстами какой-то ядовитой присыпкой, распространяемой будто бы лицами изъ администрації. Лѣнятся удобрять землю даже обыкновенными способами и при достаточномъ количествѣ скота и при этомъ, повидимому, они не совсѣмъ ясно себѣ представляютъ результаты подобной траты времени и труда, которые должны оказаться черезъ нѣсколько лѣтъ. Болота сохраняются, какъ воображаемыя мѣста жительства какихъ-то духовъ, покровительствующихъ хозяйству. Изъ-за озеръ постоянно возникаютъ непріятности по вопросу о способахъ общинной ихъ эксплуатациіи, такъ какъ къ общественной дѣятельности населеніе вовсе не привыкло. Поэтому ихъ сдаются, какъ попало, въ аренду евреямъ.

Побочные отрасли хозяйства почти совершенно отсутствуютъ и большою частью потому, что некому заботиться объ ихъ развитіи. Промыслы тоже не въ чести. Важно и то, что давно уже сильно испорчены отношенія съ сосѣдними помѣщикаами. Пойти на работу къ сосѣду помѣщику считается неудобнымъ, ибо изъ этой сделки какъ отдельные личности, такъ и цѣлая общества выносить одинъ непріятности, а пріютиться за кусокъ хлѣба у односельчанина, иногда на самыхъ позорныхъ условіяхъ—обычная мѣра обѣднѣвшаго литовца.

Кредитъ представленъ всего нѣсколькими ссудо-сберегательными товариществами и настолько далекъ отъ совершенства, что сплошь и рядомъ цѣлая селенія оказываются въ кабалѣ у какого-нибудь корчмаря-еврея. Отъ кулачества не прочь и сами литовцы, и всевозможные виды кабалы развиты до тонкости.

Такимъ образомъ вся жизнь литовца сосредоточена на материальныхъ отношеніяхъ и сводится или къ вопросу о хлѣбѣ на-

сущномъ, или же у болѣе состоятельныхъ—къ вопросу о лучшихъ способахъ наживы. Духовные интересы почти отсутствуютъ. Это одна изъ интереснейшихъ иллюстрацій того, какъ слабая этническая группа, подавленная массой сложныхъ экономическихъ явлений, теряетъ всякое положительное выраженіе своего духовнаго существованія.

Всякая удача и неудача заливается виномъ, и все свободное время проводится въ кабакахъ и пивныхъ. Монополія на первыхъ порахъ сдерживала пьянство, но уже давно здѣсь, какъ и везде, найдены болѣе или менѣе удачные выходы изъ стѣснительныхъ условій. Подпольныхъ кабаковъ развелось видимо-невидимо, а во избѣженіе большихъ расходовъ на казенное вино стали прибѣгать къ его суррогатамъ. Гуковскій въ описаніи Россіенскаго уѣзда разсказываетъ, что наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ противъ такой распущенности было воздействиѣ духовенства. Но это было еще около эпохи 60-хъ годовъ, а послѣ эта проповѣдь оказалась подозрительной, и пьянству снова дана была полная свобода. Стали вывозить контрабандой дешевый спиртъ изъ Пруссіи, а когда и его не стало, прибѣгли къ анодину (Гофманскія капли). Имъ торгуютъ везде и напиваются имъ считается чѣмъ-то хорошимъ, потому будто бы что весь организмъ послѣ этого на долгое время пропитывается пріятнымъ запахомъ. Благодаря этому, пьянство быстро распространилось и среди женщинъ. Дошли до того, что въ лавкахъ вошло въ обыкновеніе въ качествѣ похода подносить анодинъ на кускъ сахару всѣмъ несговорчивымъ покупателямъ и особенно покупательницамъ.

Для характеристики крайне материальной окраски всѣхъ нравственно-юридическихъ отношеній среди литовцевъ Гуковскій приводитъ выдержки изъ дѣлъ волостныхъ правленій.

Подавляющее большинство дѣлъ падаетъ на аграрно-имущественные и связанные съ ними отношенія. Отношенія между родственниками даже одной и той же кровной семьи держатся только до тѣхъ поръ, пока находятся въ равновѣсіи ихъ материальные отношенія. Отецъ семейства лишь до тѣхъ поръ сохраняетъ свой авторитетъ, пока онъ способенъ къ работѣ. Дѣти безъ родителей никогда не въ состояніи поддержать равновѣсіе ихъ взаимныхъ правъ и обязанностей и потому при первомъ удобномъ случаѣ дѣлятся и расходятся. Еще хуже приходится неприроднымъ членамъ

семьи, которые попали въ нее по браку, по найму или въ силу какой-либо другой сдѣлки. Браки заключаются на основаніи однихъ материальныхъ соображеній и прочны бывають лишь постольку, поскольку обѣ стороны выполняютъ условія договора. Приданое, смотря по материальнымъ соотношеніямъ брачавшихся, приносится то женихомъ, то невѣстой. Всѣ виды примачества развиты до тонкости. Небезынтересно отмѣтить такие оригинальные виды сожительства, какъ, напр., супружество на опредѣленное время или приглашеніе бобыля только для веденія хозяйства, а не для супружества. Нерѣдки также сожительства и безъ всякаго брака. И они влекутъ за собою много дѣлъ судебнаго характера, а главное нарождаются массу неправныхъ и бесприютныхъ гражданъ, которымъ впослѣдствіи не остается ничего иного, какъ сдѣлаться олицетвореніемъ всевозможныхъ пороковъ.

Со всѣми подобными взглядами приходится считаться суду, часто мѣстный судъ самъ не въ состояніи отрѣшиться отъ подобныхъ юридическихъ воззрѣй и согласовать мѣстное обычное право съ государственнымъ закономъ, что и влечетъ за собою отмену его постановленій съѣздомъ. Да часто такое согласованіе и невозможно.

Такимъ образомъ, материальное міросозерцаніе и отсутствіе почти всякихъ духовныхъ интересовъ дѣлаютъ жизнь литовца вѣчной борьбой за существованіе, которая мало-по-малу лишаетъ его человѣческаго облика, заставляя прибѣгать къ пьянству и всякаго рода раздорамъ и безнравственнымъ выходамъ изъ безпрѣятной нужды.

Въ результатѣ—распаденіе семьи, раздѣлы, влекущіе за собою обѣднѣніе цѣлаго ряда дворовъ, а иногда и выселеніе за тридевять земель. А выселяться приходится именно за тридевять земель, такъ какъ въ сосѣднія губерніи съ русскимъ населеніемъ идти литовцу не желательно, а иной разъ по незнанію языка и дѣйствительно невозможно.

Литовцамъ уже давно указана та обѣтованная земля, куда они теперь изъ года въ годъ переселяются цѣлыми массами. Это—Америка. Уже по одной дальности разстоянія обыкновенный неподвижный литовецъ не рѣшился переселиться въ Америку. Идуть туда большую частью люди передовые, энергичные и преимущественно новаторы, не ужившіеся съ родными порядками жизни.

А такъ какъ дома они воспитаны на чисто материальномъ міро-созерцаніи и разочаровались въ земледѣльческомъ образѣ жизни, то въ Америкѣ они вовсе не занимаются земледѣліемъ, а идутъ на фабрики, на заводы, или же затѣваются собственное предпріятіе, сплошь и рядомъ очень сомнительного нравственного достоинства.

Въ Пам. Кн. Ков. губ. за 1901 годъ помѣщена статья Гуковской, гдѣ рисуется жизнь литовцевъ въ Америкѣ. Они тамъ перерождаются большою частью въ торговцевъ и кабатчиковъ и, не смотря на это, тѣсно сближаются между собою, наживаются по одиночкѣ и обществами и, такимъ образомъ, двигаютъ впередъ свою доморощенную культуру, строго оберегая себя отъ вліянія окружающихъ ихъ иноземцевъ. Въ настоящее время они имѣютъ уже собственные типографіи и издаютъ нѣсколько собственныхъ газетъ на литовскомъ языке.

Изъ приведенной характеристики литовской народности и жизни литовцевъ въ посѣщенныхъ мною уѣздахъ Ковенской губ. можно было бы заключить, что народность эта на краю погибели, и будущности ей никакой предсказать нельзя. Но я снова повторяю, что все сказанное касается главнымъ образомъ тѣхъ мѣстностей, которая я посѣтилъ лично, а это именно и есть тѣ пункты, гдѣ Литва наиболѣе соприкасается съ другими болѣе сильными народами. Кроме того, мои наблюденія подтверждаются данными, собранными въ Пам. Кн. Ков. губ. Я ничуть не отрицаю, что есть мѣста на Литвѣ, гдѣ вовсе не замѣчается такого упадка силъ народныхъ и народнаго благосостоянія. Таковы болѣе сѣверные части собственно Литвы въ Ков. губ., таковы извѣстныя части Жмули.

Въ настоящее время г. Гуковскимъ составлена, но еще не издана этнографическая карта Ков. губ. Изъ нея видно, что пушкиами наибольшаго подавлеія литовской народности въ Ков. губ. являются западная и восточная границы восточно-литовцевъ. На западѣ они попадаютъ подъ сильное вліяніе поляковъ, на востокѣ—русскихъ. То же подтверждается и моими наблюденіями надъ языкомъ этихъ мѣстностей.

При опредѣленіи границы восточно-литовскаго нарѣчія въ предѣзахъ Ков. уѣзда я натолкнулся на тотъ фактъ, что въ сѣ-

верныхъ и среднихъ частяхъ этого уѣзда восточно-литовцы почти непосредственно соприкасаются со Жмудью или отдѣляются отъ нея польскими поселеніями. Область средне-лит. нарѣчія, или такъ называемыхъ „настоящихъ литовцевъ“ здѣсь очень не велика и ограничивается почти исключительно небольшой полосой по берегу Нѣмана. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о подмѣченномъ уже раньше распространеніи вост.-лит. нарѣчія на счетъ средне-литовскаго, а съ другой—о вторженіи въ литовскую среду польского элемента. Литовцы Ковенскаго уѣзда очень инертны и бѣдны съ духовной стороны. Здѣсь почти нельзя услышать ни собственныхъ пѣсень, ни сказокъ, ни проявленія народаго остроумія.

Еще больше въ этомъ отношеніи поражаетъ восточная часть Новоалександровскаго уѣзда. Здѣсь границу литовцевъ и русскихъ нельзя опредѣлить какой-нибудь сплошной линіей. Изъ добытыхъ мною данныхъ видно, что изъ всѣхъ семи волостей Новоалександровскаго уѣзда, лежащихъ къ востоку отъ СПБ.-Варш. ж. д., только одна—Рымшанская, непосредственно прилегающая къ ст. Дукшты этой дороги, населена почти сплошь литовцами. Затѣмъ литовскія поселенія идутъ, прерываясь, узкой полосой къ юго-востоку и доходя до Браславскаго озера. Такимъ образомъ, здѣсь не представляется возможнымъ заключить литовскія поселенія въ какія-либо опредѣленныя рамки. Волости по-старому дѣлятся на общества, состоящія изъ нѣсколькихъ селеній, и каждое общество поддерживаетъ у себя или литовскія, или русскія традиціи. Но это дѣленіе очень приблизительное, ибо иногда и въ литовскихъ обществахъ можно перечесть по пальцамъ говорящихъ по-литовски.

Какъ литовцы, такъ и русскіе здѣсь котолики и такъ похожи во всѣхъ отношеніяхъ другъ на друга, что часто трудно ихъ отличить. Объединенію ихъ способствуетъ какъ церковь, такъ и школа. Здѣсь нѣть особенной вражды противъ школы, но, къ сожалѣнію, и церковь, и школа не стоятъ здѣсь на должной высотѣ. Ксендзы—большею частью поляки, которые одинаково не любятъ литовцевъ и русскихъ и ни тѣмъ, ни другимъ не позволяютъ даже говорить и молиться на собственномъ языке. Школы здѣсь меньше, чѣмъ гдѣ-либо, и учителя также не могутъ похвастаться подготовкой къ своей дѣятельности и большею частью

держатся очень примитивныхъ программъ, нерѣдко сильно тормозящихъ дѣло народнаго просвѣщенія.

Языкъ здѣшнихъ литовцевъ представляетъ такую смѣсь съ польскими и главнымъ образомъ русскими элементами, что мѣстные русскіе даже смѣются надъ нимъ, считая его извращеннымъ русскимъ языкомъ. Заимствованія простираются не только на отдельныя слова и корни, но и на формы словъ и цѣлыхъ оборотовъ рѣчи. Бывають случаи, что литовецъ и русскій объясняются между собою, говоря каждый на своемъ языкѣ.

Несмотря на такое жалкое положеніе литовцевъ, особенно въ мѣстностяхъ, нельзя не пожелать возрожденія этой все-таки симпатичной и оригинальной націи. И надежда на это возрожденіе кроется не столько въ частныхъ дѣятеляхъ на этомъ поприщѣ, сколько въ національныхъ представителяхъ ихъ общественного управления. Сейчасъ особенно много для этого дѣлаетъ цѣлый классъ литовцевъ-ксендзовъ, которые являются настоящими родителями о нуждахъ своего народа. Это действительно тѣ люди, къ которымъ литовецъ-поселянинъ можетъ обратиться со всякимъ горемъ и со всякою радостью. Въ послѣднее время и въ правительственный сферахъ Литвы начинаетъ проявляться интересъ къ этому обиженному судьбой народу, и подобнымъ начинаніямъ можно пожелать только полнаго успѣха.

Н. Соколовъ.

У русскихъ подданныхъ Султана.

I. Предварительный свѣдѣнія.

Передъ самыми отъездомъ изъ Россіи мнѣ пришлось услышать мелькомъ о существованіи около Константинополя поселенія русскихъ казаковъ некрасовцевъ, и тогда же я рѣшилъ побывать у нихъ при первомъ удобномъ случаѣ. Судьба мнѣ благопріятствовала.

Черезъ нѣсколько дней по прибытии въ Стамбуль, я встрѣтилъ сидѣвшую пригорюнившуюся на крыльцѣ Аеонскаго Пантелеймоновскаго подворья, одѣтую по-русски женщину съ дѣвочкой, которая, какъ оказалось, прѣѣхали изъ одного находящагося въ Румыніи некрасовского поселенія и уже нѣсколько дней мучились, желая получить здѣсь какія-то справки изъ архивовъ, относящихся ко времени до Берлинскаго трактата, когда еще ихъ село принадлежало Турціи. Женщина подтвердила мнѣ, что казацкая деревня, о которой я слышалъ, дѣйствительно существуетъ, но, что находится она довольно далеко отъ Константинополя, именно, около города Бандермы, на Мраморномъ морѣ.

Прежде чѣмъ пускаться въ путь, я навелъ какія могъ справки въ Русскомъ Археологическомъ Институтѣ и у д-ра. В. П. Щептьева, который нѣсколько лѣтъ назадъѣзилъ на Майносъ и теперь любезно сообщилъ мнѣ различные свѣдѣнія. Многихъ источниковъ въ Константинополь нельзя было достать, и лишь по прѣѣздѣ въ Москву удалось собрать и перечесть касающуюся некрасовцевъ литературу. Пользуясь ею и, главнымъ образомъ, новымъ трудомъ П. П. Короленко, давшаго обстоятельное вслѣдованіе вопроса, мы попытаемся вкратцѣ напомнить исторію интересующихъ насъ казаковъ.

Изстари люди, недовольные Московскими государствомъ, выселились на Кубань и въ окрестныя земли. Эмиграція, въ связи съ преслѣдованіемъ раскола, особенно усилилась послѣ 1688 года, а

въ 1690 на рѣчкѣ Аграхани за Терекомъ образовался уже крѣп-
кій оплотъ переселенцевъ, которые вели свободную веселую жизнь,
приманившую отовсюду много народа..

Въ 1708 году вспыхнулъ на Дону бунтъ Булавина ¹⁾, несмотря
на первоначальный успѣхъ, скоро усмиренный княземъ Долгору-
кимъ ²⁾. Одинъ изъ ближайшихъ атамановъ Булавина, Игнать Нек-
расовъ, принужденъ былъ вмѣстѣ съ 2000 казаковъ ³⁾ искать
убѣжища на Кубани, гдѣ поддался крымскому хану, вассалу Сул-
тана. Казаки вынесли съ Дону ненависть къ Россіи и въ союзѣ
съ татарами часто и безпощадно грабили и избивали населеніе
украинныхъ русскихъ городовъ ⁴⁾, при чемъ особенно усердно за-
биравши церковную утварь ⁵⁾, чтобы украшать ею свои храмы. Рус-
скіе, въ отвѣтъ, водили на кубанцевъ калмыковъ, и вражда такимъ
образомъ росла. Уже послѣ Прутскаго похода казаки окончательно
укрѣпились за Султаномъ, а послѣ 1736 г. появилось и офиціаль-

¹⁾ Бунтъ произошелъ въ защиту права донцовъ давать пристанище бѣглымъ, по подкладка его была отчасти и религіозная, по крайней мѣрѣ такъ заявляла прокламація Булавина. См. Соловьевъ Т. XV, стр. 244. Субботинъ, И. Б. Е., 319. Въ пѣсняхъ сбор. Кирѣевъ, вып. 8 стр. 72 казаки такъ обращаются къ Долгорукому:

„Ты спасибо, пашъ батюшко,
Пойль, кормиль, берегъ и жаловалъ!
Ты въ одномъ же на насть, батюшка, прогнѣвался:
Захотѣлъ старикамъ усы-бороды сбрить
И молодыхъ дѣтей въ солдаты братъ“...

Нѣкоторую роль въ возбуждениѣ, вѣроюто, игралъ и Мазепа. Въ 1707 Була-
винъ вѣзъ въ Свѣтъ и привезъ оттуда партию запорожцевъ. См. у Скаль-
коискаго.

²⁾ Братомъ князя Юрія, погибшаго въ первой стычкѣ съ донцами.

³⁾ Соловьевъ XV, 265. Въ Сѣвер. Пчелѣ 1828 приводится число семей, вы-
шедшихъ съ Некрасовымъ, 600, а общее число некрасовцевъ съ послѣдующими
выселенцами дается 7000 – 8000. (Это же повторяетъ Короленко). Вымысломъ
представляется поэтому пѣсня, сообщающая объ Игнатѣ:

Опъ ушелъ, увелъ 40 тысячечай,
Кромѣ старыхъ, кромѣ малыхъ,
Молодыхъ ребатъ, малыхъ дѣтушечъ.

См. у Кельсіева и у Ганѣка (Буковина). Ср. также въ пѣсняхъ собр. П. В. Ки-
рѣевскаго, вып. 8, М. 1870, стр. 71.

⁴⁾ Мельниковъ, стр. 469, сообщаетъ, что Петръ I въ 1710 г. послалъ
Ахмеду III особую жалобу на некрасовцевъ.

⁵⁾ Славян. Сборникъ, 1875 г..

ное называло турецкаго „кубанскаго войска“. По Кючюкъ-Кайнарджийскому миру 1774 года Крымъ сталъ независимъ оть Порты и всѣ кубанцы сдѣлались прямымъ подданнымъ Хана. Положеніе некрасовцевъ—враговъ Россіи—подъ властью ея зависимаго союзника оказалось крайне непрочно. Они попробовали получить разрѣшеніе возвратиться на родину, но Государственный Совѣтъ нашелъ, что со стороны Россіи это было бы нарушеніемъ принятыхъ на себя по отношенію къ хану обязательствъ, и ходатайство было отклонено. Послѣ этого казаки уже неизмѣнно держали сторону Турціи и поддерживали Девлетъ Гирея противъ русскаго ставленника Шагина Гирея. Впослѣдствіи русскіе (въ томъ числѣ Потемкинъ), понимая политическое значеніе некрасовцевъ, дѣлали неоднократно попытки ихъ привлечь¹⁾, но было уже поздно. Ханъ крымскій, обвиняя²⁾ некрасовцевъ въ смутахъ на Кубани, въ 1777 году приказалъ переселить ихъ въ Крымъ; съ этимъ казаки никакъ уже не могли примириться и въ одну ночь въ количествѣ 3000 перешли на лѣвый берегъ Кубани. Часть ихъ въ 1778 году моремъ переплыла въ Добруджу, на рѣчуку Дунавецъ, гдѣ имъ пришлось жить рядомъ съ запорожцами, явившимися въ Турцію послѣ разрушенія Сѣчи въ 1775 году драгунами Текелія³⁾. Другая часть тоже лишь временно медлила за Кубанью. Русскіе предпринимали безуспѣшныя посольства, чтобы убѣдить ихъ остаться, но 24 іюня получили из-

¹⁾ П. Н. Короленко приводить 6 такихъ попытокъ.

²⁾ Вообще же ханы, какъ и турки впослѣдствії, благоволили къ некрасовцамъ. Вагон de Tott говоритъ въ своихъ мемуарахъ (1785 г.), что во время похода 1769 онъ былъ свидѣтелемъ, какъ Игнать-казаки со своими зелеными знаменами окружали священное знамя Пророка и Хана (Скалькоискій).

³⁾ Повторяю осторожное изложеніе г. Короленко, мы должны призваться, что для насъ непонятно одно противорѣчіе, которое обходитъ въ своей статьѣ цитируемый авторъ, не сопоставляющій прямо двѣ даты: 1775—разореніе Сѣчи и выселеніе запорожцевъ на Дунай, и 1778—переселеніе некрасовцевъ. Съ такой послѣдовательностью событий несогласно слѣдующее заявленіе Лупулеску (собственно, Антоновича, вѣроятно): К. С. 1889, № 1, стр. 123: „послѣ окончательного разоренія Сѣчи въ 1775 г., небольшая часть запорожцевъ перешла въ дельту Дуная... Мѣстность эта была уже въ то время занята перешедшими туда еще раньше съ Кубани... великорусскими казаками, известными подъ именемъ некрасовцевъ или Игнать-казаковъ“, также стр. 331. Не пытаясь ни силь, ни времени заниматься разрѣшеніемъ всѣхъ ведоумныхъ мы лишь довольствуемся сводкой, гдѣ можно, существующаго материала съ указаниемъ на непрочность соединительныхъ швовъ въ другихъ мѣстахъ.

вѣстіе, что, несмотря на учрежденную блокаду берега, некрасовцы уплыли въ Анатолію. Разселились они у Трапезунда, Самсона и Синопа; впослѣдствіи рстатки ихъ соединились, по словамъ Короленко, въ одно селеніе на рѣчкѣ Чаршамба, около Самсона. Изъ Анатоліи скоро начались выселенія въ Добруджу. Отдельные партии переходили въ 1779, 1783 и 1784 годахъ, причемъ турецкое правительство отводило имъ земли у озера Разельмъ¹⁾. Въ 2 селахъ набралось до 1600 домовъ²⁾. Султанъ гарантировалъ своимъ новымъ подданнымъ свободу отъ налоговъ, право вѣроисповѣданія и самоуправлениіе. Обязательной воинской повинности не было, но казаки, какъ настоящіе вѣрноподданные, въ военное время сами выставляли до 3000 воиновъ, хотя активное участіе въ борьбѣ противъ русскихъ засвидѣтельствовано лишь одинъ разъ въ 1791 году³⁾.

Замѣтимъ, что съ Кубани вышли не всѣ казаки; тамъ осталось пять 15 шалашей; на приглашеніе русскихъ вернуться они отвѣтили отказомъ, говоря, что находятся подъ присмотромъ черкесовъ, которые не допустили бы ихъ двинуться назадъ⁴⁾.

Что касается до обитателей Чаршамбы, то они впослѣдствіи стяжали себѣ печальную извѣстность отвратительнымъ промысломъ—охотой на русскихъ, которыхъ продавали въ плѣнъ⁵⁾. Послѣ 1878 года⁶⁾ часть ихъ выселилась въ Россію и теперь живетъ

¹⁾ Равинъ, по казацкой терминологии, пріуроченной къ миесу о подвигахъ Станика В. Г. Короленко, Рус. Бог. 1897. № 11, 151.

²⁾ Сѣв. Пчела: Въ 1809 въ Дунавцахъ 1200, въ Сарыкѣ 400.

³⁾ Кельсієва (стр. 432) всѣ майносцы утверждаютъ, что на войнѣ казаки въ казаковъ не стрѣляютъ: „они черезъ насъ падать, а мы черезъ нихъ“; другое дѣло москаль, онъ аскеръ (солдатъ), и съ нимъ биться можно. Срав. у П. П. Короленка (27) разсказъ о дружбѣ некрасовцевъ съ терцами, которыхъ они во время осады ободрили, дѣлая предъ крымцами видъ, что сражаются.

⁴⁾ Скальковскій: около 100 семействъ остались на Кубанской сторонѣ у Суруконского залива.

⁵⁾ Скальковскій. Въ 793 г. занорожскій полковникъ Савва Бѣлый поймалъ знаменитаго Андрея Мазанова, который, не считая убитыхъ имъ русскихъ, 11 пленовыхъ продалъ черкесамъ. Интересный разсказъ о его дѣятельности у Короленка (65—69).

⁶⁾ По поводу промежуточной исторіи ихъ, неизвѣстной Короленко, мы можемъ привести цитированную у Ламавскаго статью: „Еще одна русская колонія въ М. Азии“, въ газетѣ Кавказъ 1856 (смотр. библіогр. въ ковпѣ); памъ, къ сожалѣнію, она была недоступна (въ Румянц. библ. журналы лишь съ

въ с. Высокомъ Даховского участка Черноморской губ. Посѣтившій ихъ П. П. Короленко говоритъ, что хотя они и слывутъ подъ именемъ „москвѣ“, однако совершенно утратили національность и знаютъ лишь по-турецки. Интересно было бы болѣе подробно изслѣдоватъ ихъ этнографическій типъ, бытъ и нарѣчіе.

Что касается Добруджи, то тамъ съ самаго же начала у некрасцевъ возгорѣлась вражда съ запорожцами, въ лицѣ которыхъ они, сами будучи раскольниками, ненавидѣли православныхъ. Постоянно происходили кровавыя стычки изъ-за мѣстъ рыбной ловли ¹⁾). Українцы были обязаны нести военную службу Султану, а казаки некрасовцы лишь добровольно поддерживали въ себѣ старый духъ, и не мудрено, что благодаря перевѣсу дисциплины и навыка, запорожцы одерживали верхъ. Хотя и игнатовцы одинъ разъ вырѣзали малорусское селеніе ²⁾), однако въ концѣ концовъ запорожцы правильнымъ походомъ взяли некрасовскую крѣпость Дунавецъ въ 1814 году ³⁾), послѣ чего уже нельзѧ было оставаться некрасовцамъ на мѣстѣ, и они получили разрѣшеніе выселиться къ устью Марицы ⁴⁾), на эносскій заливъ, где основали 7 большихъ селеній.

1862 г.) что касается до Rollier, то, на нашъ взглядъ, его свѣдѣвія о пресловутомъ селеніи Saporigi, у устья Кызыль Ирмаха, где онъ лично не былъ, весьма сбивчивы. Врядъ ли тутъ дѣло идетъ о „запорожцахъ“, выселившихся послѣ бѣгства Мазепы⁵⁾, а, вѣроятно, авторъ просто слышалъ о Чаршамбѣ и слово „казакъ“ перетолковалъ по-своему. Относительно статьи Астафьева см. библіографію.

¹⁾ „До прихода запорожцевъ, устья Дуная и восточная Добруджа были заняты некрасовцами, и вотъ, когда въ концѣ прошлаго столѣтія появились въ дунайской дельтѣ запорожцы, между ними и некрасовцами, смотрѣвшими на себя уже какъ на хозяевъ мѣстности, неминуемо должны были произойти столкновенія“. Лупулеску. 331.

²⁾ Любопытно, до чего сильна была всегда ненависть запорожцевъ къ „липованамъ“, т. е. поздѣйшимъ переселенцамъ, присоединившимся къ некрасовцамъ. Не особенно давно еще жилъ въ Добруджѣ „одинъ певелыкій, таѣ-неказавый соби чоловичокъ, то будо якъ зійтуся, той баже: „я, каже, не бацакъ (немного) липованъ выризявъ — тильки девятадцатро, а ще мою одного заризати до двадцати... Тай й добре ихъ ризать: уязвъ за бороду, голову одигнувъ назадъ та й чыкпувъ“... Лупулеску, К. Стар. 1889 г., февр., стр. 333.

³⁾ Кондратовичъ 31—39, Лупулеску. 123.

⁴⁾ Слав. Сборникъ 1875 г. сообщаетъ, что часть прямо отправилась на Майнесъ.

Во время войны 1828 года некрасовцы выставили 2500 всадниковъ; между тѣмъ, какъ они находились въ отсутствіи, турецкая крѣпость Эносъ была взята Мухановымъ, который былъ встрѣченъ затѣмъ въ казацкихъ селеніяхъ съ хлѣбомъ-солью. Однако не успѣли русскіе уйти, какъ некрасовцы, забравъ все, что могли, сожгли свои 7 деревень, а сами выселились въ Анатолію, за этотъ разъ на озеро Майносъ¹⁾), подъ Бруссой, куда къ нимъ присоединилась и возвратившаяся съ войны часть.

Такъ повѣствуютъ о возникновеніи Майноса воспоминанія Садыка Паши, которымъ слѣдуетъ г. Короленко. Правда, вѣдь свѣ-

¹⁾ См. К. С. 1892 г., августъ, стр. 258; Рус. В. 1866, іюль, 422. Въ разрѣзъ со всими другими источниками идутъ тѣ свѣдѣнія, которыми мы паходимъ у г. Астафьевъа („Прир. и Люд.“ 1898, № 26). Онъ говорить, что большая часть некрасовцевъ выселилась съ Эноса въ 1827 г. изъ устья Кызыль Ирмакъ и образовала тамъ селеніе „Бани-ъяве (читай яявъ)“ (бѣ). Казаки же, не входившіе въ эту „тысячу домовъ“, раздѣлились на 2 части: одна осталась на прежнемъ мѣстѣ на Эносѣ, а другая, и самая извѣшная изъ всѣхъ трехъ, образовала „чеврушку“ Майносъ. Было бы очень заманчиво объяснить такій выселеніемъ на Кызыль Ирмакъ громадное уменьшеніе числа домовъ, которыхъ на Добруджѣ было 1600, тогда какъ въ 60-ыхъ гг. осталось на Майносѣ лишь около 300 семействъ. Но во 1-ыхъ около 1000 душъ въ 1830—1 вернулось въ Россію (Скальковскій), во 2-хъ не вѣдь выселились съ Дунавца и „некрасовскій кореъ“ и до сихъ процвѣтаетъ въ Добруджѣ (ср. В. Г. Короленко), а въ 3-ыхъ, мы имѣемъ объясненіе сокращенія населенія въ страшныхъ опустошеніяхъ чумы, которымъ подвергся Майносъ (см. у Кельсіева и Ламанского). По поводу второй группы г. Астафьевъ заявляетъ, что Чайковскій, посѣтившій Эносъ въ 1841 г. говорить что всѣ села были выжжены некрасовцами при выселеніи; слѣдовательно въ концѣ концовъ на Эносѣ никого не осталось. Что касается до названія „Бапъ-Эзли“, то всѣ безъ исключенія источники даютъ его именно Майносу; двухъ селеній въ 1000 домовъ не могло образоваться уже потому, что на Дунатѣ было лишь 1600 семействъ.. О выселеніи такого значительного числа подъ Самсунѣ не могло бы не сохраниться воспоминаній, между тѣмъ какъ, напр., о выселеніяхъ изъ Анатоліи въ Добруджу у насъ есть прямые свидѣтельства. Да и Чайковскій непремѣнно воспользовался бы такимъ богатымъ контингентомъ для комплектованія своихъ полковъ, а между тѣмъ онъ ни слова не говорить о селеніи, списываемомъ г. Астафьевымъ. Все, на что мы можемъ еще согласиться, это, что до настоящаго времени могли сохраниться остатки прежней Чаршамбы, но и это не обязываетъ принять наше всѣ рассказы о православныхъ, женатыхъ на мусульманкахъ и т. д. Все это требуетъ большей доли вѣры, нежели та, которой мы располагаемъ и, право, въ виду общаго характера указанной статьи (см. библ.), mallem erga te cum Platone...

дѣнія объ этомъ періодѣ не опираются на исторические документы, но думается, что переселеніе все же должно было совершилось нѣсколько раньше. Некрасовцы теперь упорно относятъ его къ концу XVIII вѣка¹⁾. Цитируемый Ламанскимъ (с. 23) Hamilton²⁾, бывшій у казаковъ въ 1837 году, выражается неопределенно: „оказалось, что это казацкое поселеніе устроено Портою по взятіи Измаила русскими³⁾“. Далѣе замѣтка другого путешественника Ms. Farlane⁴⁾, о томъ, что во время войны 1828 г. Майносцы „выставили 160 всадниковъ, вооруженныхъ пикиами и служившихъ въ иррегулярной конніцѣ“, какъ бы указываетъ на то, что Майносъ существовалъ и до войны, но въ меньшихъ размѣрахъ; отсюда и повинность его выражалась лишь въ небольшемъ числѣ ратниковъ⁵⁾. Послѣ войны могло произойти окончательное переселеніе, а селеніе получить свое название „Бинъ эвли“ (по-тур. „имѣющій 1000 домовъ“), забытое въ настоящее время. Впрочемъ, все это наши личныя догадки. Во всякомъ случаѣ два главныхъ источника: Чайковскій и Кельсіевъ⁶⁾—въ общемъ согласны между собой. Записанный Кельсіевымъ со словъ одного казака разсказъ настолько интересенъ, что, мы не можемъ не привести его цѣликомъ⁶⁾: „Сидѣли мы наперво, годовъ 50 тому на Дунавцѣ—я тебѣ все по тонку энто разскажу,—сидѣли мы на Дунавцѣ, только тамъ было намъ непокойно. Одно, Москаль подступаетъ все ближе да ближе, а другое, отъ хохловъ окаянныхъ житья нѣть. Тамъ у нихъ энто Сѣчь ихъ была, тоже значить отъ Москала и они ушли, народъ буйный, разбойникъ народъ, злятся бывало на насъ, что мы старую вѣру держимъ, и что хозяйство у насъ хорошее, и воюютъ съ нами. Былъ такіе бы-

¹⁾ См. О. Михаиль (Душ. Ч. 1873), которому сообщали такой маршрут: Кубань-Анатолія-Дунай, а оттуда при Екатеринѣ II на Майносъ. Вожинъ (Н. Время) и Ганько (Буков.) передаютъ разсказъ, что переселеніе состоялось въ концѣ XVIII ст. То же пришлось слышать и намъ. Ср. также Мельникова.

²⁾ См. бібліограф. въ концѣ.

³⁾ Неизвестно, про какое взятіе Измаила идетъ рѣчи: 1789 или 1809 года?

⁴⁾ Срав. его съ общей цифровъ 2500 казаковъ, выставленныхъ некрасовцами согласно Чайковскому.

⁵⁾ Однако статья въ Слав. Сбор. 1875 г., вѣроятно, также принадлежитъ перу Кельсіева, а въ ней, какъ мы указывали, переселеніе на Майносъ относится къ одному времени съ выселеніемъ на Эносъ.

⁶⁾ Рус. Вѣс., т. 63 стр. 421 и 422.

вали, что только Господи упаси. Старики и приговорили, уйдемъ дальше оть Москалья и оть запорожцевъ, и подали разуvalъ¹⁾; садразамъ (великій визирь) говорить: садитесь, говорить, гдѣ хотите. А тутъ межъ нами самими неурядъ пошелъ. Насъ было 2 села: Дунавецъ и Сарыкбай. Дунавецъ весь пошелъ, а Сарыбай на половину остался оттого, что тамъ было меньше казацкаго корене²⁾. Сарыкбай и пононе стоитъ тамъ, на лиманѣ на Разинѣ, гдѣ Стенька Разинъ разбой держаль; это по Стенькѣ и лиманъ такъ называется. Пошли дунавецкіе на Еюсъ³⁾ и большое село тамъ поставили и хорошо стали жить, и какъ завелся Еюсъ, такъ что на Карап-Бурну⁴⁾ сидѣли и что у Самсуна сидѣли, всѣ разошлись, кто въ Сарыкбай, кто въ Еюсъ. А тутъ опять война, опять Москаль наступаетъ, энто, слышь, за Гречина стоитъ. Еюсскіе-то и говорять: нельзя, говорять, сидѣть у моря, гдѣ Москаль съ кораблями ходить; перейдемъ, говорить, въ такое мѣсто, гдѣ насъ Москаль не найдеть. Раздѣлился кругъ, одни хотятъ остаться, а другіе хотять переходить. Тогда не было со-

1) Турец. арахъдль—прошеніе.

2) Происхожденіе отъ „векрасовскаго кореня“, а не отъ позднѣйшихъ пріпельцевъ составляетъ понымъ предметъ казацкой гордости. Справа, напр. у Добруджинцевъ (В. Г. Короленко въ „Рус. Богатствѣ“). Эти два класса впослѣдствіи различались въ полкахъ Садыка паши. Мещевичъ сообщалъ въ одномъ письмѣ: „Садыкъ имѣть разныхъ сотни, рядомъ съ украинскими, есть добруджанская и кубанская“ см. въ К. Стар. 1886, апрѣль, статья „Миханъ Чайковскій и казакофильство“, стр. 774. Тѣ же слова казака подтверждаютъ справедливость мнѣнія г. Бв. (автора статьи въ Сѣв. Пчелѣ) относительно группировокъ населенія въ двухъ селахъ, вопреки позднѣйшему возраженію П. П. Короленко.

3) Эносский заливъ (на востокѣ моря), куда впадаетъ Марица.

4) Мысъ на Черн. морѣ на ю. в. отъ Константинополя. Селенія Карап-Бурну и Дерконъ (заливъ въ сѣв., отъ Босфора), упоминаемыя у Мельникова (П. Короленко о нихъ ничего не говоритъ), были, очевидно, крайними звеньями цѣннѣйшихъ поселеній въ Анатоліи и образовались послѣ выхода съ Кубани. Любопытно, что Мельниковъ наряду со всѣми ими называетъ Майносъ, хотя, къ сожалѣнію, не сообщаетъ источниковъ, почему онъ относитъ его возникновеніе въ этой эпохѣ. Кстати о Дерконѣ. М-г. Веатап, Константинопольскій корреспондентъ Times, рассказываетъ намъ, что въ охотѣ наткнулся подъ Стѣфано (около станиціи Кючюк-Чекмеджѣ) на селеніе русскихъ рыбаковъ, „которые жили тутъ круглый годъ“. Намъ не удалось проверить этого сообщенія, но думается, что это были майнесцы, которые обыкновенно рыбачатъ въ этихъ мѣстахъ.

гласія въ войскѣ: изъ-за вѣры раздоръ шелъ: одни были бурковцы, а другіе по старинѣ шли; бурковцы энто значить, что за ан-еюзовскіхъ владыкъ и поповъ стояли. Вотъ, которые хотѣли переселиться, побѣгли въ Цареградъ и подали садразаму *разувалъ*, что хотятъ всѣ, дескать, казаки на Майносъ, что они, дескать отъ всего круга просить. Садразамъ и подпиши. Началъ народъ переселяться, кто хотѣлъ пошелъ, кто не хотѣлъ остался, а тутъ чума. Привязалась энта чума къ Майносу, преть народъ, опускается село, старики опять къ садразаму: прикажи апаша-афендей¹⁾ еносскимъ къ намъ переселиться, а то совсѣмъ пропадеть храброе войско кубанское. Бились они, бились, хлопотали, хлопотали, постановили таки по своему: велико еносскимъ переселиться. Переселились они²⁾, пожили трошки—опять чума... да вотъ съ тѣхъ порь, Василій, и не оправимся никакъ; ты говоришь, Бинъ Эвли (тысяча домовъ), а насть, развѣ со вдовыми, да съ сиротскими дворами дворовъ 200³⁾ наберется⁴⁾.

Во времена Кельсіева⁴⁾ на Майносѣ все же было 5 церквей и столько же „селеній“⁵⁾, однако скоро число майносцевъ на много сократилось, вслѣдствіе выселенія 157 семей, составлявшихъ приходы трехъ церквей на островъ Маду около Коніи. Причиною явилось массовое движение изъ Россіи татаръ и черкесовъ послѣ крымской кампаніи⁶⁾. Поселившись въ окрестностяхъ Майноса,

¹⁾ Т. е. паша-афендей.

²⁾ На это есть и подтверждeія. М. П. Ганько въ своей статьѣ (въ „Буколикѣ“) говоритъ (мы переводимъ по-русски): „За Майносомъ прежде было еще 2 села казацкихъ, изъ которыхъ одно называлось Еносъ, отъ Эносского залива, потому что тамъ раньше жили эти казаки. Но эти 2 села, равно какъ и части Майносцевъ, въ 60-хъ годахъ пошли на Маду“. Отсюда очевидно, что переселеніе послѣдовало съ Энosa не разомъ, какъ сообщалъ Садыкъ, а согласно съ рассказомъ Кельсіева.

³⁾ Это ужъ преувеличеніе. На Маду вышло 157 семей, да теперь есть еще 150 домовъ.

⁴⁾ Быть на Майносѣ въ ноябрѣ 1863 года.

⁵⁾ Вероятно, просто приходовъ.

⁶⁾ Черкесы издавна жили въ этихъ местахъ.. Если вѣрить Садыку, то, въ его бытность на Майносѣ, казаки въ честь его рѣшили „погулять“, сѣли на коней, отправились, въ близлежащую черкесскую деревню, и скоро послышались выстрелы, а въ бинокль можно было даже наблюдать движенія противниковъ. Въ результатѣ, такого „гулавы“ на обѣихъ сторонахъ оказалось значительное число убитыхъ и раненыхъ. К. С. 1892 № 10.

эти новые пришельцы очень беспокоили казаковъ. Казаки купили казенную землю подъ Конией за 300 тур. лир., но Султанъ волѣль взять лишь 100 лиръ, а 200 простить. Двигались переселенцы со всѣмъ скарбомъ черезъ Бруссу и находились въ дорогѣ 42 дня. Нездоровыій климатъ оказалъ на нихъ губительное дѣйствіе и они довольно быстро вымираютъ¹⁾.

Въ 1853 году извѣстный польскій энігрантъ Чайковскій, перешедшій въ мусульманство и принявшій имя Садыкъ—былъ назначеяи главнокомандующимъ „оттоманскихъ казаковъ“. Мыслью его, какъ извѣстно, было оживить духъ казачества подъ властью Султаповъ, въ жилахъ которыхъ течеть славянская кровь²⁾, и, создавъ мощнную силу, воспользоваться ю для реорганизаціи славянского міра, которая всего лучше могла совершииться опять таки черезъ турецкихъ монарховъ, какъ не заинтересованныхъ лично въ дѣлѣ отдельныхъ народностей, и потому наиболѣе безпристрастно сущющіихъ выполнить задачу. Извѣстно, что попытка Садыкъ-пашіи окончилась полной неудачей, и Гуссейнъ паша совершиенно устранилъ изъ арміи славянскій элементъ. Въ эпоху формированія полковъ, привлечены были въ числѣ другихъ славянскихъ народностей и некрасовцы, вмѣстѣ съ добруджинцами и украинцами составившіе „Второй полкъ“. Кельсіеву (стр. 420) приходилось слышать жалобы майносцевъ на притѣсненія Садыка, желавшаго преобразить въ аскеровъ (т. е. постоянныхъ солдатъ) славянскихъ потомковъ „некрасовскаго кореня“, привыкшихъ отывать воинскую повинность лишь въ „розмирѣ“ (т. е. войну), а въ мирное время рыбалить. Несмотря на энергичныя воздействиа, вродѣ порки, къ которымъ прибѣгалъ Чайковскій, казаки въ 1864 году³⁾ добились освобожденія отъ военной службы⁴⁾ и

¹⁾ Подробности въ статьѣ Я. И. Смирнова.

²⁾ Султанъ Мурдѣѣ былъ женатъ на сербской книжнѣ изъ рода Нѣговичей. Прахъ ея похоялся въ Бруссе.

³⁾ Славия. Сборникъ 1875 г. Въ 1864 году Султаномъ былъ Абд-уль-Азизъ. У г. Божина, следовательно, ошибочно сказано, что это случилось при Абд-уль-Меджидѣ (1839—1861).

⁴⁾ Намъ непонятно сказанное у г. Божина, что въ 1854 г. противъ русскихъ ходило съ Майносомъ 2 сотни, а въ 1877 г.—50 человѣкъ? Срав. выше примѣч. 6 и ниже 2.

были приравнены ко всей остальной „райѣ“ ¹⁾, которая платить взамѣнъ этой повинности извѣстный выкупъ („бедель“). Равняется онъ 2 „бѣлымъ“, т. е. 2 меджидіемъ (около 3 рублей) въ годъ съ каждой души мужского пола ²⁾.

Новѣйшимъ событиемъ ³⁾ въ жизни Майноса было образованіе по сопѣству со старымъ некрасовскимъ селеніемъ новаго поселка, названного въ честь Султана „Хамидіе“, но въ просторѣтіи извѣстнаго подъ именемъ „Нѣй Казакларъ“ (Новые Казаки). Составилось оно изъ переселенцевъ Дуная послѣ 1877-8 г., когда Добруджа отошла къ Румыніи ⁴⁾. Въ 1899 году селеніе это увеличилось новымъ притокомъ эмигрантовъ, не вынесшихъ румынского режима съ его военной службой и тяжелыми налогами ⁵⁾. Надо замѣтить, что Новые казаки ничего не имѣютъ общаго со Старыми, по своему происхожденію. Большей частью, это простые

¹⁾ Тогда же, вѣроятно, произошло отображеніе фирмансовъ за вольности и другихъ подарковъ, жалованныхъ Султанами; въ числѣ ихъ была и золотая булава, которую видѣлъ Седынь, сообщающій, что она была пожалована атаману Ивану Салтаву за 1828 годъ. Срав. однако Рус. Стар. 1895 № 11 Стр. 155, къ портрету И. Чайковского, где пожалованіе Махмудомъ булавы относится къ Неджібекому сраженію 1839 г., въ которомъ казаки удержали натискъ египетской кавалеріи.

²⁾ Такъ мы записали на Майноса. Кубан. Вѣдом. 1897 г. № 101 сообщаютъ что прежде съ 15 лѣтнаго возраста платили по 3 медж. а послѣ отказа въ 1878 выплатить солдатъ этотъ налогъ былъ увеличенъ до 10 медж. (?). Г. Вожинъ (Н. Время № 6059) говорить, что платить по 9 меджидіевъ съ дома. Въ концѣ концовъ, получается приблизительно тоже, что и у насъ. Разнится лишь система обложенія; нѣсколько странно, пожалуй, было бы взимать воинскій налогъ по дому.

³⁾ Не лишено интереса, что „пресловутый Ашиновъ, нѣвшій намѣреніе заставить черноморское побережье Кавказа казаками, не разъ пріѣзжалъ въ Майносъ и приглашалъ его обитателей вернуться въ Россію. Войсковой кругъ хотя немного и подозрительно отнесся къ этому предмету, но въ принципѣ его не отвергалъ“. „Прир. и Люди“, 1895—6, № 1 Д.-ръ. Елисѣевъ. Послѣднее время къ Россіи замачается большое тяготеніе.

⁴⁾ Ганько, Майноськии казаки (въ „Буковина“): „Як.... Добруджа дісталась підъ Румунію.... казаки побачили..., що въ Румунії не наварить і втекли зараз відъ Турка“.

⁵⁾ В. Г. Короленко (стр. 163) остроумно объясняетъ эти выселенія, такъ багство передъ „спокойныиъ пріливомъ самоувѣренной гражданственности и культуры“, еголь страшной для остатковъ старинныхъ и отжившихъ вольностей, къ которымъ привыкли некрасовцы.

южно-русскіе переселенцы и бѣглецы, и лишь по недоразумѣнію именуются казаками.

Относительно религіи майносцевъ надо сказать, что хамидійцы принадлежать къ непріемлющемъ священство, а Старые Казаки¹⁾, хотя и признавали священство старого рукоположенія, однако, съ того времени, какъ „утекъ“ послѣдній попъ Агаѳодоръ, оставались безъ священника и безъ отправленія многихъ требъ, несмотря на всѣ поиски, сопряженные съ большими расходами. Я. И. Смирновъ разсказываетъ, напр., что посланные съ Мады побывали за Багдадомъ, на Аоонѣ, въ Лики, въ Египтѣ, на Кипрѣ, собирались бы и въ Абиссинію, если-бы добрые люди не отговорили,—но желанного старообрядческаго священника не нашли.

Некрасовцы²⁾ часто бывали на Аоонѣ, куда возили продавать рыбу. Такъ и въ мартѣ 1872 г. они явились туда, на сей разъ съ предложеніемъ одному изъ монаховъ о. Михаилу Ѹхать къ нимъ во священники. О. Михаилъ объяснилъ, что это невозможно, и предложилъ лучше обратиться къ патріарху за правильнымъ постановленіемъ священника, и, какъ результатъ долгихъ увѣщаній, явилось требуемое прощеніе за подписью многихъ майносцевъ. На аудіенціи патріархъ хотя и пообѣщалъ на словахъ разрѣшить сохраненіе обрядовъ, однако по настоянію нѣкоторыхъ членовъ Синода объ этомъ не было упомянуто ни слова въ выданныхъ грамотахъ, и представителямъ аеонскаго духовенства, командированнымъ для ознакомленія на Майносъ, не было позволено совершать таинствъ. Все это вызвало большое недовольство казаковъ, и безъ того не расположенныхъ къ греческой церкви. Произошелъ расколъ³⁾, часть населенія предпочитала имѣть Австрійское священство⁴⁾, идущее „отъ за-

1) Мельниковъ: Баглецы за Кубань были все поповцы (469).

2) Душепол. Чтеніе, 1873 г. Любопытна вѣдь же характеристика прежникъ майносскихъ священниковъ, изъ которыхъ каждый попадался прежде въ разныхъ преступленияхъ: отъ кражи до побѣга заграницу и двоеженства включительно.

3) Это была не рѣдкость на Майносъ, такъ на Эвосъ еще были люди ужасавшиеся стариками и на ряду съ ними „бурковцы“ т.-е. приверженцы анеимовскихъ поповъ, какъ это известуетъ изъ вышеприведенного рассказа одного изъ казаковъ Кельсіеву.

4) Ср. Н. И. Субботинъ. Ист. бѣл. свящ. по смерти инока Павла, Рус. Вѣс. 1900, VII, 161—5, сообщаетъ о попыткахъ, которые въ 1854—6 годахъ дѣлали „австрійцы“ для склоненія майносцевъ къ принятію ихъ священства.

прещеніаго митрополита Амвросія¹⁾, который установилъ въ 1841 г. новую іерархію, другая часть пожелала присоединиться къ единовѣрію и съ разрѣшенія Константинопольскаго патріарха послала въ Петербургъ начетчика Ивана Воощина, который и былъ поставленъ во священники митрополитомъ Макаріемъ¹⁾. Посольскій настоятель освятилъ церковь, а книги были получены изъ Московской единовѣрческой типографіи. Много вещей изъ церковной утвари пожертвовалъ Хлудовъ. Д-ръ Щепотьевъ цитируетъ интересное письмо, полученное патрархомъ Іоакимомъ III отъ русскихъ единовѣрцевъ, благодарившихъ его за милостивое отношеніе къ „обитателямъ Майноса, предки коихъ свободы ради своихъ обрядовъ, связанный соборными постановленіями 1667 года, оставили нѣкогда свою родину“.

Но вотъ 15 октября 1900 года умеръ о. Іоаннъ, и снова майносцы остались безъ священника. Въ тотъ же день собраніе „старичковъ соборной церкви“ отправило настоятелю Пантелеимоновскаго подворья въ Константинополь, о. Мисаилу, письмо такого содержанія: „что Бога ради насть сирыхъ ни оставляйтъ. Оу нас отецъ Іоаннъ втри дни приставился близыка и нам никакова

Однако дѣло шло не особенно удачно въ виду особенной грубости (майносцевъ) и крайнаго самомнѣнія, такъ какъ они считали себя наиболѣшими изъ всѣхъ старообрядцевъ, чистѣшими хранителями древне-православія“. Въ той же статьѣ сообщается, что староцечатными книгами майносцевъ неоднократно пользовались различные партии (раскольниковъ въ видѣ доказательствъ при спорахъ).

¹⁾ „Прир. и Люди“ 1901 г. № 42 сообщаетъ, что Св. Синодъ субсидировалъ майносскому о. Ивану 300 рублей. Надо, вѣроятно, разумѣть единовременное пособіе. О времени пребыванія майносцевъ въ Москвѣ въ 1879 г. мы нашли кое какія указанія въ „Церк. Вѣстникѣ“ (изд. при Спб. Дух. Семин.) 1879 г. № 25 (июня 23), гдѣ со словъ „Нов. Вр.“ сообщается, что въ бѣлокриницкой епархіи присоединилось „40 цемеровъ (т. е. домовъ) майносцевъ, получившихъ уже себѣ священника; что съ посвященіемъ единовѣрческаго кандидата, котораго ласково принялъ митр. Макарій, Майносы разбѣются на 3 группы: 1) старыхъ бѣлопоповцевъ, 2) приверженцевъ австрійскаго священства 3) единовѣрцевъ; начонецъ, что въ Москву одновременно прїѣхали какъ депутаты единовѣрцевъ, такъ и австрійцевъ, послѣдніе къ старообрядческому архіерею Автонію за совѣтами и сборомъ пожертвованій. Въ Мос. Вѣд. за май и юнь 1879 г. намъ не удалось отыскать дальнѣйшихъ указаний о майносцахъ. Быть можетъ чтонибудь есть о нихъ въ „Правосл. Обозр.“ 1879 г., которое осталось намъ недоступнымъ.“

атвету на даль. Васъ Богым молимъ пысятити нашу сирю церковь а нас низабута Бога ради для священника а оу нас нарочитый есть толка пыстынавлять молим вас для христянских душ".

Благодаря, главнымъ образомъ, хлопотамъ о. Мисаила, было получено отъ Синода необходимое разрѣшеніе на выѣздъ въ Россію для постановленія во священники упомянутаго „нарочитаго“ избранника майносцевъ, до настоящаго времени исправлявшаго обязанности дьяка. Посвященіе его обошлось безъ особыхъ затруднений, въ виду имѣющагося прецедента. Письмо о. Мисаила отъ 14 іюня, извѣщавшее казаковъ о томъ, что нѣть препятствій ѿхать дьяку въ Россію, было получено нѣсколькими днями раньше нашего посѣщенія майносцевъ, совпадшаго какъ-разъ съ проводами кандидата и двухъ выборныхъ. По возвращеніи въ Константинополь изъ поѣздки по М. Азіи мы узнали, что депутатія уже выѣхала въ Одессу. Въ Москву депутаты Петръ Денисовъ и Федотъ Никулевъ вмѣстѣ съ дьякомъ Иван. Игн. прїѣхали 9 іюля, 29 состоялось посвященіе во діаконы, а 6 августа и во священники въ Храмъ Спасителя¹⁾. 14 сентября майносцы уже пустились въ обратный путь, увозя съ собой многочисленные подарки разныхъ предметовъ, относящихся къ богослужевію, которыми ихъ обильно снабжали москвиchi, какъ это намъ передавали въ Никольскомъ Единовѣрческомъ Монастырѣ, за Покровской заставой, гдѣ останавливались майносцы.

Что касается истории описанія Майноса, то первымъ посѣтившимъ казаковъ путешественникомъ слѣдуетъ, согласно В. И. Ламанскому, считать англичанина Hamilton, бывшаго у нихъ въ 1837 году и упоминающаго объ этомъ въ своемъ путевомъ дневнике²⁾.

Вторымъ по времени посѣтителемъ (около 1841 г.) нужно признать извѣстного польского эмигранта Чайковскаго (впослѣдствії, Садыкъ Паша), который даетъ въ своихъ Запискахъ весьма интересное и подробное описание Майноса (Кiev. Стар. 1892 г. № 9 и 10).

Довольно полный отчетъ о Майносѣ оставилъ и другой англичанинъ M^o. (Farlane), заїждавшій въ Эски Казакларъ въ 1847 году.

¹⁾ См. московскія газеты 7 августа и „Природа и Люди“ 1901, № 42, 679.

²⁾ Elys. Reclus, въ изданіи 1884, XV т. своей Géogr. Génér. еще держитъ свѣдѣній этого путешественника. Неизвѣстно, на чёмъ основано курьезное замѣчаніе Reclus, что казаки „уже еллинизировались“ (591).

Въ его время населеніе деревни состояло изъ 500 мужчинъ съ семьями¹⁾; школа хорошо дѣйствовала; въ ней было 5 учителей; священниковъ было 2. М^о. (Farlane) отмѣчаетъ существовавшія тѣснія сношенія съ Дунаемъ и цвѣтущее состояніе деревни, несмотря на страшныя опустошенія, которыя на Майносъ произвела чума.

Послѣдовательность дальнѣйшихъ описаній мы изложимъ въ библіографіи, а теперь, сообщивъ эти предварительные замѣчанія, переходимъ къ разсказу о впечатлѣніяхъ нашей собственной недавней поѣздки на Майносъ.

II. Поѣзда на оз. Майносъ въ селеніе Хамидіѣ²⁾.

(Фні Казакларъ).

Добывъ, какія могъ, предварительные свѣдѣнія, я сталъ сбираясь въ путь. Для выѣзда въ провинцію надо брать, такъ называемое, тезкерѣ (проходное свидѣтельство) изъ полицейскаго управлѣнія въ Константинополь. Названное учрежденіе находится въ Стамбулѣ и носить въ народѣ название: „Эскій Забтіѣ“. Туда и направился я, чтобы, кстати, посмотретьъ обстановку турецкаго присутственаго мѣста. Какъ только вошелъ я въ большой дворъ, гдѣ валялись собаки, бродили куры, копаясь въ мусорѣ, и томились кучами чаявшиѣ движенія своихъ дѣль, для развлечения долгаго досуга которыхъ пристроившійся тутъ же „кахведжи“ разносилъ маленькия чашечки кофе, такъ въ мои глаза бросился сразу синій русскій кафтанъ, надѣтый на красную рубаху, и черная шляпа, контрастировавшая съ моремъ фесокъ. Догадавшись, что это кто-нибудь изъ майносцевъ, я сейчасъ же подонялъ къ интересному субъекту и чуть не вскрикнулъ отъ удовольствія, увидѣвъ необыкновенно типичное „рассейское“ лицо. Знакомецъ мой также былъ радъ видѣть русскаго и, когда я сообщилъ ему о намѣреніи посѣтить ихъ деревню, онъ одобрилъ

¹⁾ Интересно сравнить это число всѣхъ обывателей съ тѣми 2500 (!!) всадниковъ, которыхъ, по словамъ Чайковскаго, вносили выставки въ 1828 году. Киев. Стар. 1892, № 9, 258.

²⁾ Всѣдѣствіе недавности возникновенія, деревни Хамидіѣ вообще мало известна и не обозначена еще на большей части даже самыхъ подробныхъ картъ.

мой планъ, сказавъ: „Что-жъ, доброе дѣло, пріѣзжай, посмотри, какъ живемъ“. Разузнавъ, что было нужно, и попросивъ мужичка предупредить своихъ односельчанъ о моемъ пріѣздѣ, я простился съ нимъ и черезъ 2 дня въ 11 часовъ вечера по-турецки, т.-е. за часъ до захода солнца, уже стоять со своимъ товарищемъ на палубѣ маленькаго, турецкаго пароходика.

Нагрузка, которая, почему-то началась за нѣсколько минутъ до назначеннаго для отхода времени, тянулась очень долго: слабо-сильная лебедка еле подымала здоровыхъ буйволовъ, которые, вися на особомъ набрюшнике въ воздухѣ, какъ бы замирали отъ испуга. Наконецъ раздался желанный свистокъ, и мы тронулись. Пароходъ выходитъ изъ Золотого Рога, и Константинополь съ его минаретами и дворцами, освѣщенными послѣдними лучами солнца, мало-по-малу теряется въ вечерней тьмѣ. Выведя пароходъ въ море, капитанъ уже больше не заботится о его участи, а разстилаетъ свое „седжадѣ“ и, ставъ на него, долго шепчетъ арабскія слова намаза. Затѣмъ на мостикѣ являются и другие правовѣрные и также совершаютъ молитву. Европейцевъ, кромѣ насъ съ товарищемъ, нѣсколько грековъ и тотъ же мужичекъ, котораго я встрѣтилъ въ Эски Забтіе. На сей разъ онъ съ женой; пріютившись у борта на носу, они завяты своимъ скромнымъ ужиномъ. Не желая возбуждать никакихъ толковъ среди турокъ, мы не подходимъ къ нимъ и лишь сверху умиляемся, какъ мужикъ чешетъ затылокъ, какъ баба кладеть щеку на одну ладонь, а другой подпираеть локоть; неподражаемые жесты, которые такъ не у мѣста среди этой толпы скученныхъ, какъ овцы, турецкихъ женщинъ, плотно закрывшихъ свое лицо. Всѣ мужчины мусульмане сидятъ отдѣльно, а нашъ знакомецъ, ничуть не смущаясь, очевидно, не хочетъ идти изъ женской части парохода, да и турки относятся къ этому вполнѣ индифферентно: ужъ очень у русскаго мужичка добродушный и безобидный видъ.

Послѣ короткаго, но беспокойнаго отдыха на койкахъ, напоминающихъ ложе Гватемозина, настъ будятъ часа въ 4 утра, говоря, что мы приближаемся къ Бандермѣ¹⁾). Дѣйствительно, черезъ

¹⁾ Древ. Панормо — небольшой, но очень чистеный городокъ на Мраморномъ морѣ. Отъ Константинополя на пароходѣ 3 зѣды часовъ 7. Населеніе — 7000 семействъ (?), изъ которыхъ половина греки и армяне. Есть англійское (оно же греческое) консульство, 3 аптеки, почта; строится очень хорошее здавіе при-

полчаса мы уже у берега въ прелестномъ заливѣ, но до схода на землю еще не скоро: долженъ прійти докторъ для санитарного осмотра. Напрасно гудить свистокъ, которымъ капитанъ мнилъ вывести его изъ царства сладкихъ утреннихъ сновъ, нетерпѣливые пассажиры начинаютъ перелѣзать черезъ бортъ, чтобы немножко разгуляться по пристани. Лишь черезъ долгое время оказывается на горизонте желанная фигура мѣстного врача, и тотчасъ же начинается спускъ пассажировъ. Платимъ искелѣ-парасы за прохожденіе по пристани, подвергаемся таможенному досмотру, ждемъ битый часъ мюдира-эфенди для получения пропуска на фотографический аппаратъ, и лишь когда припугиваемъ жалобой, это важное лицо оказывается „давно“ уже пришедшими. Знакомца нашего съ Майноса мы уговаривали подождать насъ, обѣщая подвести, но онъ пожелалъ идти „полегоньку“ впередъ, и когда мы пріѣхали въ Хамидіѣ, то нашли уже его тамъ.

Найдя себѣ при помощи содержателя „казацкой лавки“, еврея изъ Румыніи, знающаго немного и по-русски, извоцика, сторговавшись съ нимъ и закупивъ незатѣливой ъды для путешествія, мы еще довольно рано успѣли выбраться изъ Бандермы и пустились въ путь. Сперва мыѣхали по хорошему шоссе съ чуднымъ видомъ на чистенький городокъ съ массой зелени и на синий, словно направленный въ окружающія его горы, заливъ, но затѣмъ, свернувъ въ сторону, пустились прямо „цѣликомъ“ по неразработанному полю, подобныхъ которому мы въ этой сторонѣ встрѣчали не мало. Мѣстность довольно однообразная, если бы красивыя горы, затянутыя неуловимой, манящей дымкой¹⁾ не виднѣлись со всѣхъ сторонъ. Дорогой мы разспрашивали нашего „арабаджى“ Османа, оказавшагося прекраснымъ симпатичнымъ человѣкомъ, что за люди казаки изъ селенія Хамидіѣ, которое первымъ лежало на нашемъ пути. Онъ отзывался о нихъ одобрительно: „Люди правильные“—„догру адамляръ“, только до вина большіе охотники.

существенныхъ иѣсть. Идеальная гавань, защищенная отовсюду горами. Набережная — мѣсто прогулокъ вечеромъ—отлично содержится и устлана гранитными плитами. Лѣтомъ въ Бандерму наѣжаютъ актеры и даютъ спектакли на греческомъ языке.

1) Съ Майноса видна и вершина Бруссихъ горъ (Олимпъ Виленскій). До известной въ древности горы Иды отъ озера 134 версты. См. Ганько, Сел. ж., 369.

Придутъ въ праздникъ въ городъ, напытуются и валяются, и бабы ихъ тоже пьяные съ ними вмѣстѣ¹.—Какъ же османлы къ этому относятся: вѣдь они этого не любятъ?—„Пройдетъ, плюнетъ, да скажетъ: „домузъ гиби“ („какъ свинья“), вотъ и все“. Вообще извѣстно, что всякия мелкія оскорблениія, ссоры не въ характерѣ степенного, грубовато-добродушного турка простолюдина.

Послѣ двухчасовой Ѣзы показалось громадное озеро Майносъ или Маныасъ¹), какъ его иногда называютъ. Желтая, вѣроятно, отъ взушенного песка, поверхность его была прорѣзана синими полосами тамъ, гдѣ вѣтеръ подымалъ рябь. Съ виду оно было пустынно: не было замѣтно ни парусовъ, ни лодокъ, ни людей по берегамъ, однако строенія и вѣтряные мельницы Хамидіе, въ народѣ и на картахъ, обыкновенно, называемаго Ѓни Казакларь, быстро вынырнули изъ-за поворота.

Подѣхавъ къ окопицѣ, мы замѣтили толпу, разряженную въ праздничный платья, такъ какъ въ этотъ день было воскресенье. Щѣбы обнаруживали обычное пристрастіе къ красному, мужики были въ парадныхъ жилетахъ, но по наружному виду толпа ничѣмъ не отличалась отъ нашихъ крестьянъ средней полосы: тѣ же обычныя косоворотки, тѣ же безвкусныя платья, вытѣсняющія повсюду старинные сарафаны, тѣ же смазные сапоги.

Мы окликнули народъ и попросили посмотреть деревню. Мужики отвѣтили на наше привѣтствіе сперва довольно нерѣшительно, такъ какъ наши фесы очевидно, смущали ихъ, но обращеніе тотчасъ измѣнилось, какъ только обнаружилось, что мы изъ Россіи. Лица повеселѣли, наскѣ благодарили за поѣзденіе: „вотъ спасибо, что прїѣхали, обѣ наскѣ вспомнили“. Кто-то былъ отряженъ проводить насъ къ атаману, къ находившейся неподалеку хатѣ котого мы и направились. Атаманъ, Григорій Силаевичъ, мужчина лѣтъ 35 на видъ, высокій, крѣпкій и солидный; длинная каштановая борода, свѣшиваясь на грудь, увеличиваетъ спокойное и важное выраженіе его строгаго и всегда нѣсколько потупленнаго лица. Онъ встрѣтилъ насъ у калитки и, узнавъ въ чемъ дѣло,

¹⁾ Древн. Милетополитесь. Озеро очень мало надъ уровнемъ моря (Reclus IX, 502). Размѣры его 10 вер. ширины, 15 длины (Ганыко), или по Елісѣеву 35, (15 вер. Майносъ, равно, какъ и близлежащее озеро Аполлонія (Абулонтъ) имеютъ общій стокъ въ море.

немедленно пригласилъ къ себѣ. Бабы принесли стеганое ватное одѣяло, разостлали его на завалинѣ подъ навѣсомъ, придѣланымъ къ крыше со стороны двора, и Григорій Силаевичъ, попросивъ насть усьтесь на немъ, самъ помѣстился рядомъ. Всѣдѣ затѣмъ начали сходиться люди со всего селенія и размѣщаться вокругъ насть на цыновкахъ, привѣтствуя каждый разъ сперва атамана, а потомъ и насть. Многіе, особенно молодежь, смотрѣли на насть съ любопытствомъ и съ поощрительной улыбкой слушали нашу русскую рѣчъ.

„Ну, какъ живется у васъ?“ задаемъ мы первый и естественный вопросъ. „Да плохо, отъ турчина утѣшненіе большое“. „Что такъ? Вѣдь они народъ смиренный“. „Да старый-то турчинъально хорошо¹⁾“, подъ имъ и на Дунаѣ хорошо было, пока рамы не пришелъ“. Извѣстно, что Новые Казаки и переселились на Майносъ отъ тяжести румынскихъ налоговъ, главнымъ образомъ. Всѣ беззокойства, какъ оказывается, проис текаютъ отъ „мухаджировъ“, т. е., тѣхъ бѣглецовъ и переселенцевъ магометанъ изъ Россіи и Болгаріи, которые со времени войны 1878 года, толпами стремятся въ Турцію и размѣщаются правительствою въ составѣ съ Казаками. Всѣ эти турки, черкесы, татары, лезгины люди голодные и въ борьбѣ за существованіе не брезгаютъ никакими средствами,—отъ мелкой кражи жалкой луковицы до убийства включительно. Ежегодный приливъ ихъ цѣлыми тысячами все болѣе и болѣе осложняетъ дѣло. Мухаджиры захватываютъ у казаковъ землю, отнимаютъ рыбу и т. д. Мы видѣли паря съ только начавшей подживать прострѣленой рукой, который пошелъ вынимать рыбу и встрѣтилъ одного изъ мусульманскихъ переселенцевъ. „Сперва то я не хотѣлъ было отдавать рыбы, а какъ онъ на меня съ ружьемъ бросился, я давай утекать; ужъ кинулъ все, а онъ все за мнай, не далеко до деревни не добѣжалъ, онъ въ меня и выпалилъ“.

1) Таково всеобщее мнѣніе русскихъ выселенцевъ; объясняется оно, между прочимъ, легкостью турецкихъ налоговъ и вѣротерпимостью турокъ. Къ тому же турецкіе патріархальные порядки достаточно гармонируютъ съ какой-нибудь распущенностью и своеобразиемъ нашихъ соотечественниковъ. Аналогичное заявленіе малоросса изъ Добруджи: „жили мы у турка, икъ городи у стриси“ Лупулеску, Рус. колон. въ Добруджѣ, Кіев. Стар., 1889, № 2, 332. Также у В. Г. Короленко, 180, дунайскій некрасовецъ замечаетъ: „Вѣра у него (турка) собачья, а самъ добрая былъ“.

Мы спрашиваемъ, куда же жалуются въ подобныхъ случаяхъ, и наимъ, для примѣра, рассказываютъ длинный рядъ турецкихъ инстанций, которая казакамъ пришлось пройти, чтобы выиграть дѣло по захвату земли одвимъ арнаутомъ. Сперва обращались въ Бандерму въ судь, состоящей изъ каймакама, „азовъ да мухтарей“¹⁾. „Сидѣть въ тѣль дѣлѣ всѣ языцы“, какъ разсказывалъ атаманъ. Проигранъ въ первой инстанціи и затѣмъ въ мутессарифлыкѣ въ г. Баликесерѣ, казаки взяли „авоката“ и явились въ Бруссу къ „валі-пашѣ“. Однако и этимъ дѣло не ограничилось, пришлось сѣсть на „семин-де-феръ“, потомъ на пароходъ и уже въ Константинополь „ударить телеграфъ самому Салтану“; послѣ этого, наконецъ, вышло милостивое возстановленіе правъ. Фактъ этотъ, однако, исключительный, а въ большинствѣ случаевъ, казаки бросаютъ дѣло, проигравъ его въ Бандермѣ, такъ какъ не въ состояніи чести „судебныя“ издержки.

Мелкія дѣла разрѣшаются самими казаками на сходѣ или „кругѣ“, какъ его здѣсь называютъ. Сперва эсаулъ, ходя по деревнѣ, собираетъ народъ, говори: „Атаманы-молодцы, ступайте въ кругъ всѣхъ слушать“. Когда всѣ придуть, атаманъ спрашиваетъ: „Слыхали, что эсаулъ кричаль?“ Всѣ отвѣчаютъ, что слышали. „Ну, вотъ что, есть вотъ обида“ говоритъ атаманъ и затѣмъ „все поряду разсказываетъ, не тая“²⁾. Послѣ всеобщаго обсужденія дѣла, атаманъ задаетъ вопросъ: „господа старички, что-жъ будемъ дѣлать съ этими людьми“, и начинается склоненіе сторонъ къ мировой сделкѣ, а въ случаѣ несогласія или непокорности, виновнаго передаютъ турецкимъ властямъ, однако послѣдняго, кажется, еще никогда не случалось, такъ какъ перспектива турецкой юстиціи не многимъ улыбается.

Мы переходимъ къ вопросу о податяхъ и узнаемъ слѣдующее: платить 1) налогъ, который казаки называютъ „ушуръ“²⁾, составляющій $\frac{1}{10}$ зернового хлѣба, 2) налогъ въ 2 „бѣлыkhъ“, т. е. меджидія, на наши деньги 3 р. 20 за каждое лицо мужскаго пола, въ видѣ замѣны (бедѣль) воинской повинности, 3) 20% съ суммы, вырученной за продажу рыбы. Точное взиманіе налога достигается

¹⁾ а'за—по-араб. „члены“, мухтаръ—выборный представитель.

²⁾ Т. е. ѡшуръ отъ арабскаго ашара — 10. Такова этимологія, но мы замѣтили у казаковъ $\frac{1}{8}$, и тоже теперь находимъ въ замѣткѣ Куб. Вѣд.

благодаря тому, что рыба продаётся гуртомъ въ определенномъ мѣстѣ „балыкъ-пазарѣ“. Этотъ сборъ идетъ въ пользу Dette ruelle Ottomane.

Главное занятіе населенія рыболовство. Земли у Новыхъ Казаковъ мало, скота также. На 180 семей приходится 70 лошадей и 70 штукъ рогатаго скота и 3000 дѣюмовъ (или дилумовъ) земли (около 222 десятинъ¹⁾). Сѣять подъ плуги, получаемые съ Дуная²⁾. Большинство, какъ сказано, живетъ одной рыбной ловлей, на которую отправляются съ осени послѣ 15 сентября, и возвращаются домой лишь къ маю. Въ Майносѣ рыбы много, ловится она неводами и „вентириями“, извѣстнымъ круглымъ снарядомъ изъ сѣтей и обручей. Цѣны на рыбу слѣдующія: за 100 окъ (ока около 8 фунтовъ) щуки платятъ 30 левовъ (т. е. піастровъ), на русскія деньги 2 р. 40; за сазана платить до 60 піастровъ, а за сома 80—100. Сомъ вообще считается самой дорогой рыбой.

Желая пораньше добраться до Старыхъ Казаковъ, мы уже собирались былоѣхать дальше, но хозяинъ пригласилъ насъ попробовать его хлѣба-соли, на что мы, конечно, и согласились. Угощеніе состояло изъ мелкихъ сладкихъ сливъ, меда и сметаны съ чернымъ хлѣбомъ. Конечно, подана была и „мастика“—довольно пріятная на вкусъ анисовая водка, которую, обыкновенно, здѣсь запиваются водой. Насъ, не насытились потчеваніемъ, но сами не теряли золотого времени, и круговая чарка двигалась съ солидной скоростью. Нѣкоторые пункты того пути, который она проходила вдоль лавокъ избы, заслуживаютъ упоминанія.

Посадили насъ въ красный уголь, подъ образа, кстати сказать, довольно новаго происхожденія. По лѣвой руку отъ насъ сидѣлъ отецъ атамана, почтенный старицъ съ лысой головой и нависшими, какъ крылья, бровями. Онъ прежде неоднократно исправлялъ должность атамана, а теперь несетъ обязанности дѣлака. Онъ одинъ изъ старѣйшихъ обывателей Хамидіе и переселился сюда уже 23

¹⁾ Свѣдѣнія, сообщенные намъ казаками, оказываются невѣрными. М. П Ганько въ своей статьѣ, посвященной хозяйству майносцевъ, говоритъ, что пришедшіе изъ Румыніи купили 6000 дѣюмовъ (при пересчетѣ 494 десятины) за 1000 лиръ. Итакъ десятина отличной земли обошлась 17 р. 42 к. Хуторанинъ, 1901, № 23., стр. 371.

²⁾ Боропы, привезенные оттуда же, возбудили всеобщее изумленіе мѣстныхъ жителей. ibid, 370.

года. Сперва онъ больше молчалъ, но потомъ, замѣтивъ, должно быть, что вопросы наши ви къ чьему вреду не клонились, разошелся, и почти все сообщенное выше было записано съ его словъ.

Рядомъ съ нимъ помѣщался сѣдой, беззубый старикъ, чистый типъ раскольничьяго начетчика. Его крючковатый носъ, приподнятая бровь, недовѣрчивый взглядъ, казалось, каждую минуту вопрошали: „Ну, а это какъ опровергнете? Что вы на это отвѣтите?“ Человѣкъ онъ очень тонкій и большой любитель политики: первымъ дѣломъ распросилъ насъ о положеніи Китая; многое изъ русской жизни было уже извѣстно ему: Богъ знаетъ, откуда дошли до него слухи и о студенческихъ дѣлахъ, и о графѣ Толстомъ. Своихъ убѣждений держится крѣпко даже въ мелочахъ: тогда какъ другіе, напримѣръ, не задумывались сниматься, онъ одинъ рѣшительно и демонстративно отказался, заявивъ, что „этого древній законъ не разрѣшаетъ“. На разспросы о вѣрѣ, онъ, подобно большинству старообрядцевъ, сказалъ: „вѣра наша—старинное православіе“, и затѣмъ объяснилъ, что греки еще до принятія отъ нихъ русскими христіянства искали его; а что вѣра, къ которой онъ принадлежитъ, какимъ-то образомъ восходитъ къ древнѣйшимъ временамъ, минуя византійское посредство. Въ общемъ, получался фантастический миѳъ, гдѣ имена папъ, греческихъ царей и неизбѣжнаго Наполеона, были смѣшаны въ безпорядкѣ. Прощаясь съ нами, онъ сообщилъ, что скоро съ нѣкоторыми другими односельчанами собирается выселиться, что уже возвратился хожалый, и что земля найдена гдѣ-то за Литакіей (Антіохіей) у Скендеруна (зал. Александровскій), „кто его знаетъ, Ляксандрія то, или другое мѣсто. Сказываютъ только, что арапы живутъ“. И затѣмъ, какъ-то задумчиво взглянувъ въ сторону, добавилъ: „жить здѣсь тяжело“. Грустно было смотрѣть на этого стоящаго уже на краю могилы человѣка, который обреченъ еще на долгія скитанья по чужой землѣ, на всякия невзгоды и волненія въ поискахъ обѣтованной страны, гдѣ можно спокойно исповѣдывать это наивное „старое православіе“.

Былъ среди присутствующихъ человѣкъ, нарядомъ своимъ рѣзко отъ другихъ отличавшійся. На немъ была синяя куртка и особая типичная шляпа, какую у насъ носятъ странники. Недоставало лишь посошкѣ, ранца, да жестяного чайничка для полноты картины. Оказался онъ бывшимъ русскимъ солдатомъ, послѣ

крымской компаниі, будто бы, оставшимся въ турецкомъ плѣну, откуда онъ ватѣхъ перебѣхалъ на Дунай, разбогатѣлъ, завелъ хороший домъ и скотъ. Нѣкоторыя неудачи въ связи съ румынскими налогами разстроили его хозяйство такъ, что онъ принужденъ былъ все распродать за гроши и возвориться на Майносѣ. Родомъ онъ былъ изъ Калужской губ. и очень обрадовался, когда я рассказалъ ему, что недавно проѣзжалъ мимо родныхъ его Сухиничей, разраставшихся въ важный торговый пунктъ. Онъ долго крестился, повторяя: „Дай-то Богъ“ . Въ селѣ этотъ солдатъ несъ обязанности Балакирева, и одно уже появление его вызывало смѣхъ. Какъ только онъ увидалъ насъ, такъ немедля полились его, обильно пересыпанные шуточками, рассказы о какихъ-то давно умершихъ генералахъ „отъ афантарій“, при чемъ онъ, какъ Ростаковскій, время отъ времени спрашивалъ насъ, не доводилось ли намъ съ ними встрѣчаться. „Въ 1856 году дѣло было, пришли мы на паазицію, а командиръ (следуетъ полное перечисленіе всѣхъ титуловъ), може его знаете, да! и говорить: играй въ штыки! Тутъ онъ кынкъ рѣзанетъ картечью... и т. д.“ Въ концѣ концовъ, трудно было понять что-нибудь, но публика съ удовольствиемъ слушала, вѣроятно, чутъ не въ сотый разъ эти повѣстованія бывалаго человѣка¹⁾.

Въ заключеніе, упомяну еще молодого парня, бывшаго румынскаго солдата, которому не по вкусу пришлась военная наука, вслѣдствіе чего онъ отъ нея и далъ тягу на румынскомъ же пароходѣ. „Какъ же ты это ухитрился?“ спросилъ я и услышалъ въ отвѣтѣ: „А деньги-то на что?“ Такіе переселенцы служить звеньями между Майносомъ и Дунаемъ, откуда, вѣроятно, и доходить всѣ европейскія новости, моды, пѣсни и т. д. Сюда парень явился „одинъ, какъ палецъ“, но, кажется, скоро ожидаетъ прїѣзда еще какихъ-то родныхъ. Въ общемъ, несмотря на тѣсноту въ Хамидіѣ притокъ новыхъ переселенцевъ продолжается безъ перерыва.

Намъ съ моимъ спутникомъ хотѣлось посмотреть деревню и, отблагодаривъ хозяевъ, мы въ сопровожденіи одного парня прошли по улицѣ. Стройка здѣсь обычна южно-русская: крытыя соломой

1) Онь же рассказалъ намъ про свою встрѣчу съ Садыкъ-нашой (Чайковскимъ), который прїезжалъ въ 60-ыхъ годахъ въ Добруджу для формирования своихъ „оттоманскихъ казаковъ“.

и обмазанныя глиной съ известкой хаты. На крышѣ классические аисты или бу́сла, по-здѣшнему ¹⁾). По случаю воскреснаго днѣа видны гуляющіе парни. Нарядъ ихъ нѣсколько отличается отъ остальныхъ. Должно быть, для парада они надѣли высокія казацкія шапки и широченные шаровары. Каждая группа конвоируетъ виновительную посуду, наполненную ракіей. Женщины, вообще, держатся въ сторонѣ, девки при встрѣчѣ „стыдятся“. Впослѣдствіи мы слышали, какъ Старые казаки упрекали Новыхъ, что они позволяютъ бабамъ пить. Дѣйствительно, войдя по приглашенію въ одинъ домъ, мы застали такую картину: въ сѣнѣяхъ на пустой бочонокъ положена доска, установленная огурцами, снѣтками ²⁾ и ракіей. У стѣнки мужикъ между двухъ посоловѣвшихъ бабъ; напротивъ еще двѣ, и тоже навеселѣ. Мужья же ихъ были сложены направо и налево въ лѣтней и зимней избахъ. Какъ ни старалась одна женщина разбудить одного изъ спавшихъ, чтобы онъ посмотрѣлъ „на русскихъ людей“, такъ и не добудилась. Въ этой же хатѣ показывали мнѣ письмо изъ Константиноополя отъ переселенцевъ съ Дуная, которые, не распросивъ ничего хороню, двинулись въ Турцию и здѣсь были довольно долго задержаны. На берегъ ихъ не спускали, и мы, гуляя по набережной, часто видѣли ихъ грустныя лица надъ бортомъ маленькаго турецкаго парохода. Только недавно переселенческая канцелярія отправила ихъ неизвѣстно куда въ глубь страны. Они то писали своимъ родственникамъ и послѣ всѣхъ обычныхъ „съ любовію низкихъ поклоновъ“ излагали свое горестное положеніе и просили о помощи.

Россіи изъ нашихъ собесѣдниковъ никто не видывалъ, кроме старого солдата, поэтому понятенъ интересъ, съ которымъ смотрѣли на пріѣзжихъ съ прежней далекой родины. На наше „здравствуйте“ вездѣ слышалось въ отвѣтъ ласковое: „здравствуйте и вы. Вотъ и спасибо, что заѣхали насъ провѣдать“ ³⁾.

¹⁾ У старыхъ казаковъ они называются „бисъ“.

²⁾ Собѣствио не снѣтки, а маленькая сушеная рыбка „чирося“.

³⁾ Какъ у Новыхъ такъ и у Старыхъ казаковъ мы встрѣчали повсюду ласковый пріемъ. Подчеркиваемъ это въ виду многочисленныхъ нападковъ на „жестокій правъ“ майносцевъ. См. Субб. въ „Рус. Вѣс.“ 1900, Вожинъ и т. д. Цельсіевъ даже начинаетъ свою статью словами: „Уходить меня или не уходить, думалъ я, собираясь въ путь“.. Ему однако пришлось скоро разубѣдиться въ своихъ опасеніяхъ, но Чайковскаго въ 1841, дѣйствительно, казаки

Въ концѣ деревни стоитъ маленькая грязная, бѣдная церковь, а рядомъ съ ней колокольня, т. е. попросту навѣсъ, подъ которымъ пріютилось нѣсколько жалкихъ колоколовъ. Такъ какъ ключей, быть можетъ, и умыслилъ¹⁾, по близости не оказалось, то пришлось удовольствоваться осмотромъ черезъ пыльное, отливавшее всѣми цветами радуги стекло окна, на подоконникѣ котораго виднѣлась съ другой стороны масса бутылокъ. Мы разсмотрѣли въ глубинѣ ветхій деревянный иконостасъ; все въ церкви было убого и бѣдно, но насколько можно было судить, не отличалось отъ обычнаго порядка. Напомнимъ, что Іній-Казакларь беспоповцы, хотя сами называютъ себя просто исповѣдующими „древнее православіе“.

Въ разговорѣ съ хамидійцами мы спросили, не бывалъ ли кто на Мадѣ. Намъ назвали 2 казаковъ, ходившихъ туда. „Сказывали, сильно народъ мреть; будто 25 семей только остается. Сказывали, они въ колодецъ убитаго вѣдмѣя бросили, а кто говорить, надѣ турецкой могилой онъ выстроенъ: черезъ яво и смерть пошла“.

Общее вниманіе отъ видѣннаго нами селенія осталось такое, что материальное положеніе его не важно: вездѣ покосившіеся заборы, грязноватыя хаты, плохія соломенные кровли. Земля, очевидно, сосредоточена въ рукахъ у старыхъ переселенцевъ, которые играютъ здѣсь роль нѣкоторыхъ аристократовъ²⁾. Въ числѣ присутствующихъ у атамана мы не замѣтили многихъ казаковъ, такъ напр., отсутствовалъ нашъ знакомецъ изъ Эски Забтіе, о которомъ, вообще, отзывались нѣсколько презрительно, хотя мы въ разговорѣ съ нимъ не замѣтили никакихъ отличій его отъ односельчанъ. У Новыхъ казаковъ нѣть никакихъ историческихъ воспоминаній. Очевидно, предки ихъ сильно смѣшались съ позднѣйшими переселенцами, приходившими въ разное время изъ Россіи,

хотѣли-было утопить, принявъ его за шпиона, и только заступничество узпавшаго его бѣлага русскаго улана спасло его. Кіев. Стар. 1892, октябрь 108.

1) Старые казаки говорили, что хамидійцы не любятъ пускать постороннихъ къ себѣ въ церковь.

2) М. П. Ганько находитъ (статья въ „Буковинѣ“), что Новые казаки вообще культуры Старыхъ. Это и понятно: все же большинство изъ нихъ видѣло порядки европейскаго государства, да и новые переселенцы вносили свѣжую струю, тогда какъ С. Казаки уже сколько лѣтъ живутъ на Майносе, почти отрыванные отъ другихъ наѣстостей и народностей. Зато спаружи старое селеніе выглядѣть гораздо замѣтнѣе и чище, чѣмъ новое.

а вслѣдствіе отсутствія общаго объединяющаго прошлаго не могло создаться и прочныхъ традицій и преданій.

Русскій типъ, конечно, хорошо сохранился, благодаря исключительности жизни и браковъ. Интересно, что Новые казаки взяли у Старыхъ замужъ до 10 девокъ, а сами за нихъ никого не выдавали. Теперь, однако, всякие браки между двумя селеніями прекратились. Старые казаки рассказывали намъ, что произошло это отъ того, что Новые плохо обращались съ своими женами и покрепали ихъ вѣрой.

Языкъ хамидійцевъ отразилъ на себѣ вліяніе народностей, которыми они были окружены еще въ Добруджѣ¹⁾. По-турецки довольно многое, особенно новые переселенцы, совсѣмъ не знаютъ.

За всѣми разспросами и осмотрами пришло время трогаться дальше. Передъ отѣзdomъ нѣсколько человѣкъ вольнодумцевъ сами пожелали сняться, хотя раньше было довольно много скептиковъ. Они подходили къ намъ говоря: „Сшиби меня, сдѣлай милость“.
Линпаратъ всѣ съ любопытствомъ разглядывали и разспрашивали о его устройствѣ, однако сами къ собиранію всякихъ свѣдѣній обѣихъ деревень относились довольно недовѣрчиво. Многихъ занималъ вопросъ, что мы за люди. Старый солдатъ прямо началъ съ того, что спросилъ, узнавъ наши имена, „а какъ же величать васъ прикажете?“ Нашъ возница, Османъ, рассказывалъ, что и ему пришлось подвергнуться допросу о томъ, кого онъ везетъ.

Наступило прощанье, всѣ вышли за ворота и долго махали намъ руками, пока мы не скрылись за поворотомъ. На выѣздѣ намъ попался мужикъ на телѣгѣ. „Прощай, братъ“, крикнули мы ему. Онъ медленно посмотрѣлъ на насъ, подумалъ, отдалъ по-турецки честь и сказалъ: „Прощайте, добрый путь!“; видно было, что онъ больше повѣрилъ нашимъ турецкимъ фескамъ, чѣмъ русскому языку.

Промелькнули вѣтранные мельницы, пошли поля съ разгуливающими по нимъ важными аистами, овраги, ключи для утоленіяажды путниковъ²⁾, и скоро русское селеніе исчезло въ дали.

¹⁾ Прекрасную имитацию этого характерного говора можно найти въ очеркѣ В. Г. Короленко въ „Рус. Богат.“.

²⁾ „Чешме“—которыхъ въ Турціи повсюду бездна. Обыкновенно они состоять изъ мраморного небольшого водоема и плиты надъ ними съ изреченіемъ изъ Корана. Сооруженіе ихъ считается благочестивымъ дѣломъ.

III. Поездка въ селеніе Эски-Казакларъ.

Отъ Хамидіе до селенія Эски-Казакларъ ъзы часа три. Дорога, идущая по близости озера, проходитъ по довольно пустынной мѣстности. На всемъ ея протяженіи встрѣтилась лишь одна турецкая деревня, имѣвшая, благодаря запертымъ дверямъ, закрытымъ ставнямъ и отсутствію людей на улицѣ,—какой то мертвый видъ. Лишь ребятишки, шали и плескаясь у ключа, нѣсколько нарушали своими звонкими голосами общую тишину. Въ одномъ мѣстѣ мы видѣли высокій курганъ, верхушку которого, очевидно, пробовали разрывать. Нашъ Османъ сообщилъ намъ, что подобный холмъ есть и на другой сторонѣ озера, что его раскопали недавно и нашли много старинныхъ могильныхъ остатковъ. Встрѣчныхъ намъ попадалось мало, да и тѣ на насъ посматривали подозрительно. Два юрука,—такъ называются турки-кочевники,—въ яркихъ лохмотьяхъ ъхали верхомъ впереди насъ, подгоняя верблюдицу съ дѣтенышемъ, и беспокойно оглядывались на насъ, пока не услышали отъ нашего возницы мирного: „Оурларь олсунъ“.

Снова замелькали мельницы въ дома, и Османъ предупредилъ насъ, что мы сейчасъ увидимъ зрѣлище гораздо болѣе интересное, чѣмъ у Новыхъ Казаковъ. Дѣйствительно, селеніе, въ которое мы теперь въѣзжали, имѣло гораздо болѣе благообразный видъ: улицы были широкія, хаты чистыя и крѣпкія, типы болѣе интересные. На краю деревни сидѣла группа турокъ, покуривая трубки; они указали намъ домъ по близости, где можно было найти казаковъ; оказалось, что насъ направили въ трактиръ. Размѣстившись удобно на возвышеніи въ родѣ нарть, казаки играли въ карты. Мы вошли и отрекомендовались. Въ отвѣтъ раздалось обычное „милости просимъ“, и тотчасъ одинъ молодой парень вызвался проводить насъ къ атаману. Первымъ дѣломъ бросился въ глаза костюмъ нашего знакомаго: на немъ были широченные шаровары изъ краснаго кумача съ золотымъ позументомъ на лампасахъ; грудь рубашки была прекрасно вышита, на головѣ надѣта была высокая валиная казацкая шапка¹⁾. Мы свернули въ переу-

¹⁾ Обувается казаки, какъ и большинство простонародья въ Турціи, въ подобіе нашихъ „опорокъ“. Эта обувь немало скандализировала прививавшихъ майносскую депутатію въ Москвѣ, и казакамъ немедленно были куплены сапоги.

локъ, по обѣимъ сторонамъ котораго тянулись бѣлые, какъ снѣгъ, домики; около одного изъ нихъ нашъ провожатый остановился и пригласилъ насъ зайти. Вокругъ чистаго дворика шелъ цвѣтничекъ; двѣ женщины вѣжливо отвѣтили на нашъ привѣтъ. Одной изъ нихъ—своей сестрѣ, нашъ проводникъ Иванъ Николаевичъ велѣлъ сорвать намъ по цвѣтку, что она и исполнила, скромно потупившись. Затѣмъ мы продолжали путь къ атаману, у котораго застали такую сцену: на визенькомъ крылечкѣ сидѣлъ человѣкъ въ стегаломъ бешметѣ, вытянувъ ноги. Рядомъ съ нимъ лежала трость въ родѣ тѣхъ, что у насъ носятъ обыкновенно священники, а съ другой стороны сидѣлъ молодой парень и что-то строчилъ въ большую книгу, которую держалъ на колѣняхъ. Лицо первого было безстрастно, черты лица были нѣсколько азіатскаго склада, сидѣлъ онъ неподвижно съ какой-то восточной лѣпью, впечатлѣніе которой еще усиливаль сильно косившій полузакрытый глазъ. Тутъ же стояло нѣсколько человѣкъ безъ шапокъ. Мы сразу догадались, что передъ нами атаманъ съ писаремъ и немедленно привѣтствовали власти предержащи. Однако не успѣли мы еще получить отвѣта, какъ произошелъ нѣсколькою комической эпизодъ. Изъ дверей хаты вышелъ казакъ навеселѣ и со смѣхомъ обратился къ намъ: „Ахъ, да это наши жидки изъ Бандорова (т. е. Бандермы)“. Нашему пріятелю стоило нѣкотораго труда разсѣять его сомнѣнія, на которыхъ навѣль его нашъ европейскій нарядъ и фески. Атаманъ между тѣмъ извинился, что занять собирають денегъ за подорожную повинность и велѣлъ вести насть къ дѣяку. „У насъ сегодня торжество, говорилъ онъ, дѣяка въ Россію въ попы ставить отправляемъ: у него всѣ казаки собрались“. Мы, конечно, охотно привѣтили предложеніе и опять вышли на улицу. Всюду виднѣлись бѣлоголовые ребятишки, казаки въ расшитыхъ рубахахъ, босыя бабы въ повойникахъ съ монистами въ красивыхъ яркихъ кофтахъ съ распущенными широко книзу отъ локтя полосатыми рукавами, перехваченными выше широкой лентой¹⁾;

¹⁾ Я. И. Смирновъ о женскомъ нарядѣ замѣчаетъ (стр. 29): „о сходствѣ (его) съ древне русскимъ мы судить не беремся, но никакому сомнѣнію подлежать, кажется, не можетъ, что этотъ нарядъ остался неизменнымъ со временемъ ухода пекрасовцевъ съ Дона“. О. Михайлъ передаетъ взглядъ самихъ казаковъ: „Тамъ (на Кубани) наши женщины усвоили одежду татарскихъ женщинъ“. См. фотографіи, прилож. къ статьямъ Я. И. Смирнова и К. Н. Смирнова.

слышался мягкий русский говоръ. Все это было такъ странно и необычно, особенно, послѣ турецкихъ впечатлѣній.

Черезъ калитку мы проникли во дворъ, украшенный цвѣтами и поражавшій обычной чистотой. Направо была дверь, надъ которой висѣлъ маленький мѣдный образокъ. Переступивъ порогъ, мы нашли въ сѣняхъ общество человѣкъ въ 10, сидѣвшее на циновкахъ на полу вокругъ низкаго столика, уставленного всякими яствами: сунченой рыбкой, огурцами, маслинами и т. п. Конечно, кругомъ ходила классическая чарка. Хозяина дома не оказалось, но гости, узнавъ, что мы русскіе, тотчасъ посадили насъ на почетное мѣсто, поставивъ для насъ два табурета и покрывъ ихъ небольшими перинами. По обѣимъ сторонаамъ отъ насъ сидѣли въ нарядныхъ стеганыхъ на ватѣ бешметахъ, украшенныхъ серебряными филигранными пуговицами по вороту и груди, два крѣпкихъ мужчины, лѣтъ по 50 на видъ. Черты лица у одного такъ же, какъ и у атамана, напоминали что-то восточное; не даромъ Новые Казаки, провожая насъ, говорили: „Что жъ, поѣзжайте посмотрите, какіе тамъ азиаты живутъ“. Очевидно, старинные кубанскіе браки оставили на типѣ населенія слѣды, которые затерялись у жившихъ на Дунаѣ, подъ вліяніемъ постояннаго прилива свѣжихъ русскихъ элементовъ. Другой нашъ сосѣдъ, лицо котораго было чисто-русскаго склада, очевидно, пользовался бывшимъ уваженіемъ; потому намъ сказали, что онъ долго былъ атаманомъ. Говорилъ онъ ясно, дѣльно и умно и вообще производилъ крайне пріятное впечатлѣніе. Оба эти казака были депутатами, избранными сопровождать дьяка.

Сѣни, въ которыхъ мы сидѣли, устроены были между зимней и лѣтней избой и изображали изъ себя нѣчто въ родѣ приемной. По стѣнамъ были придѣланы полки, завѣшаныя кумачемъ; на нихъ стояли иконы, разная посуда и т. д. Въ углу находился столъ, заваленный старинными церковными книгами, напоминавшій о томъ, у кого въ гостяхъ мы находились.

Вскорѣ пришелъ и хозяинъ, дьякъ Иванъ Игнатьевичъ¹⁾, еще молодой брюнетъ, съ бѣгающими глазками и выраженіемъ „ себѣ на умѣ“. Пошли разговоры о Стамбулѣ, о Россіи, Москвѣ, о нашей

¹⁾ Одна изъ московскихъ газетъ сообщала лѣтомъ, что ему 37 лѣтъ, а другая—44 года.

поѣздкѣ. Мы попросили дьяка показать замѣченную нами старую книгу, которая оказалась Кормчей¹⁾). Дьякъ особенно оттѣнѣлъ при чтеніи то мѣсто послѣдовія, где было сказано, что книга отпечатана въ 1550 году только въ числѣ 1200 экземпляровъ.

Какъ мы ни отнѣкивались, пришлось выпить за хозяина и присутствующихъ по стаканчику нарочно для насы присеяннаго „легкаго винца“, оказавшагося коньякомъ. Общая чарка продолжала ходить²⁾), при чёмъ тотъ, кто пилъ, приговаривалъ: „Христосъ посреди насть“, а насы научили отвѣтывать: „и есть, и будетъ“.

Показавъ намъ письмо отъ настоятеля Пантелеимоновскаго константинопольскаго подворья, въ которомъ сообщалось, что къ выѣзду депутаціи въ Россію не будетъ препятствій, дьякъ всталъ, чтобы идти служить прощальной вечерню. Насъ также пригласили, и мы, перемѣнивъ всѣхъ смущавшія фески на предложенные шляпы, отправились за толпой³⁾). Деревянная церковь, крытая черепицей, стоитъ посреди деревни; она обнесена оградой, въ предѣлахъ которой находится могила, покрытая деревяннымъ футляромъ въ формѣ обыкновенной двускатой крыши. Надпись гласить, что тутъ лежитъ прахъ „священнаго іероя о. Іоанна, преставившагося въ 1900 г.“, а внизу приписка попроще: „а такого-то числа умерла и бабушка Матрена попадья“. Рядомъ съ церковью маленькая колокольня-навѣсь, на которой устроился съ семьей какой-то немузыкальный аистъ. Внутри храма мы могли замѣтить слѣдующія части: 1) алтарь, запертыи со смерти о. Іоанна⁴⁾, 2) кли-

1) Много книгъ новаго происхожденія: онѣ были высланы Московскій единовѣрческой типографіей послѣ посвященія первого о. Іоанна (ср. Щедрѣвъ).

2) Во времена Кельсіева цила, какъ онъ говорить, ужасную ракію, теперь же ее замѣнила пріятная на вкусы и не особенно крѣпкая винсовая вода (мастика), которую пьютъ, запивая или доливая въ стаканчикѣ водой.

3) По старому обычанию большинство казаковъ ходить въ церковь съ непокрытой головой.

4) Намъ вѣ пришлось, поэтому, побывать въ немъ, но мы приведемъ то, что сообщаетъ г. Вожинъ, бывшій на Майноѣ еще при жизни священника. Онъ упоминаетъ, прежде всего, старинное распятіе, окованное узорнымъ серебрянымъ бордюромъ; „прислано (sic!?) оно еще Игнатомъ“. Хотя оружіе и 3 старыхъ пушки были отобраны у некрасовцевъ турками, однако булавки и хоругви остались и хранятся въ большомъ деревянномъ сундуке въ алтарѣ. „Игнатова хоругвь“ представляетъ изъ себя квадратное красное полотнище съ изображеніемъ 6-конечнаго креста, по бокамъ которого находятся звезды и

рось, отдельный иконостасомъ отъ той части, гдѣ стоять мужчины (3), и, наконецъ, 4) отдельеніе для женщинъ, также съ иконостасомъ, но лишь поверху установленнымъ иконами. „Оржаницы“, не принявши молитвы черезъ 40 дней послѣ родовъ, и женщины, находящіяся въ періодѣ, должны стоять въ иртвортѣ. Иконы старыя, почернѣвшія, унесенная еще съ Кубани. Стыны, конечно, безъ живописи; онѣ защищены „отъ мухъ“ четыреугольными платками восточного образца. Передъ образами горятъ, главнымъ образомъ, лампады, опускающіяся на шнурахъ, протянутыхъ по всей церкви. Вслѣдствіе отсутствія священника, служба велась сокращеннымъ порядкомъ и состояла изъ чтенія молитвъ и Евангелія. 2 раза дѣялъ съ клирошанами („посовщики“ т.-е. пособники) выходитъ „на Славу“ на середину церкви, и тогда начиналось громкое пѣніе, которому всѣ подтягивали. Напѣвъ, очевидно, очень старинный (поются здѣсь по крюкамъ) и, поражая уши человѣка, не слыхивавшаго старообрядческаго пѣнія, страннымъ сходствомъ съ народными плясовыми. Служба продолжалась около получаса. Крестились всѣ, какъ по командѣ, усиленно махая руками. Старшіе стояли чинно и съ благоговѣніемъ, а ребятишки, какъ и у насъ въ деревняхъ, не очень заботились о благочиніи, такъ что для водворенія тишины со всѣхъ сторонъ слышалась подзатыльники. Среди мальчиковъ бросался въ глаза одинъ лѣтъ 12, въ красномъ хорошенъ бешметѣ, рѣзко отличавшійся отъ сверстниковъ по типу. Потомъ намъ рассказали, что это чистокровный срабъ-сирота, которого въ Сиріи отдала казакъ сестра, желая избавить его отъ обращенія въ Исламъ. Теперь его принялъ кто-то изъ майносцевъ; мальчикъ совсѣмъ позабылъ свой родной языкъ, и казаки не отличаютъ его отъ своихъ ребятишекъ.

По окончаніи службы всѣ остались въ церкви, а мы занялись

полутѣсць. Къ полотнищу прикрытыи длиные (по 2 арш.) треугольные разноцвѣтные концы изъ шелковой матеріи. Одинъ казакъ упоминалъ о какой-то „коронѣ“, но священникъ не могъ ея найти; при этомъ выяснилось, что ужъ съ „Пасхи ее не видали“ и что, вѣрно, она, подобно многимъ вещамъ и документамъ, утерялась на рукахъ у кого нибудь изъ казаковъ. Въ алтарѣ же, памъ думается, должна хранится и пресловутая Игнатова книга, о которой г. Вожинъ узналъ лишь послѣ осмотра церкви. Вообще нельзя огульно утверждать, что старинные предметы и рукописи утеряны. Тщательные поиски у отдельныхъ казаковъ наѣрно увенчались бы успѣхомъ.

осмотромъ старыхъ книгъ и иконъ. Подошло еще нѣсколько казаковъ, и начались предварительные проводы. Дьякъ прослезился и не разъ подносилъ кѣтчатый платокъ къ глазамъ. Одинъ изъ депутатовъ обращаясь къ толпѣ, выставлялъ на видъ качества избранника и убѣждалъ просить его ѻхать въ Россію. Всѣ кланялись въ ноги, а дьякъ, по обычаю, отказывался, не забывая дѣлать довольно откровенные намека по поводу вопросовъ частно-экономического характера. Было ясно, что задѣвались еще чьи-то интересы, потому что одинъ изъ присутствующихъ также хлопоталъ о прибавкѣ, указывая на потери, которыхъ онъ понесетъ при будущемъ порядкѣ вещей. Однако его скоро утѣшили какими-то обѣщаніями. Затѣмъ начались разные счеты и отчеты. Требовали денегъ съ тѣхъ, которые не додали, объясняли расходы по предшествующей поѣздкѣ, давая точныя разъясненія по всѣмъ пунктамъ: „тамъ-то, значитъ, купили 3 пирога—полтора лева“, и т. д. Въ уплату несли разнообразныя монеты; попались старинный русскій серебряный пятакъ и новевѣкій англійскій сикспенсъ, по поводу которого мы были призваны высказать свое мнѣніе. Какую-то мелкую недохватку покрылъ атаманъ, размотавъ свой кошелъ, вродѣ кисета.

Еще долго велись мало интересные разговоры, и мы вышли на церковный дворъ, гдѣ насть окружила толпа ребятишекъ, съ просьбой „вышибить“ (сфотографировать) ихъ. Они долго и много разспрашивали насъ, всѣмъ интересуясь. Дѣти вели себя очень вѣжливо, хотя, навѣрное, многое въ нашемъ нарядѣ и манерахъказалось имъ страннымъ. Почти никто изъ нихъ никогда не видывалъ русскихъ, несмотря на то, что нѣкоторые бывали въ Константинополѣ. Надо замѣтить, что почти все чтеніе въ церкви лежитъ на мальчикахъ, которые довольно бѣгло и внятно читаютъ „по верхамъ“. Замѣтивъ одного изъ нихъ, мы задали вопросъ: „сколько тебѣ лѣтъ?“—„10“. „А зовутъ какъ?“—„Никифоръ Ивановичъ“, съ достоинствомъ отвѣчаетъ онъ. „А вѣсть какъ?“ Мы удовлетворяемъ его любопытству. „А что, хорошая Москва?“ Рассказываю и спрашиваю, хотѣлъ ли бы онъ тамъ побывать. „Вѣстимо дѣло, хотѣлъ бы: не хорошо здѣсь“.—Чѣмъ же?—„Да, азіатчина“, очевидно, выражевіе старшихъ повторяетъ онъ. „А что, если въ Россіи мы будемъ жить, будемъ мы Царю служить?“—У насъ все въ солдатахъ служать, и ты служилъ бы.—„Дай-то

Богъ⁴, какъ-то не подѣтски серьезно говоритъ онъ. Очевидно, что жизнь на чужбинѣ, обставленная странными условіями, далекими скитаніями на рыбную ловлю, въ которыхъ съ дѣтства принимаютъ участіе казаки, рано развиваются дѣтскіе умы, хотя дома нѣть никакого обученія, за отсутствіемъ учителя.

Населеніе Эски Казакларъ состоить пополамъ изъ единовѣрцевъ и изъ старообрядцевъ, принявшихъ австрійское священство. Австрійцы живутъ всѣ въ одномъ концѣ, и, насколько мы могли судить по виду и по разспросамъ, ничѣмъ, кроме вѣры, отъ остальныхъ казаковъ не отличаются. У нихъ есть своя церковь и священникъ. Въ высшей степени жалко, что намъ не удалось ихъ посѣтить: съ вечера было уже поздно, а съ утра, въ общей суматохѣ, мы какъ-то позабыли объ этомъ. Приходится откровенно сознаться въ такомъ важномъ пробѣлѣ. Розни религіозной между населеніемъ не замѣчается. Говоря о туркахъ и Новыхъ Казакахъ безпоповцахъ, старые переселенцы, не могутъ удержаться отъ самыхъ крѣпкихъ русскихъ славеческъ по ихъ адресу¹), но ничего подобнаго не существуетъ по отношенію односельчанъ. Когда при отправкѣ дьяка мы разговаривали съ атаманомъ относительно вѣры, онъ подозвалъ одного изъ присутствовавшихъ тутъ же въ церкви и отрекомендовалъ его намъ, какъ австрійца, пришедшаго въ качествѣ зрителя. Кириллъ Игнатьевичъ также не имѣлъ ничего противъ посѣщенія нами австрійского священника, и визитъ не удался лишь по нашей забывчивости. Впослѣдствіи слышалъ я изъ одного посторонняго и достовѣрного источника, что не мало единовѣрцевъ склоняется къ австрійству вслѣдствіе того, что у нихъ жизнь вольнѣе, и священникъ смотритъ на все снисходительно. Периоды отсутствія правильного отправленія службъ и требъ, вродѣ переживаемаго единовѣрцамъ въ настоящее время, должны дѣйствовать въ томъ же направленіи.

Когда кончилось прощанье съ дьякомъ, атаманъ вышелъ изъ церкви и пригласилъ насъ къ себѣ. Сперва мы прошлись по деревнѣ всюду встрѣчая ласковое отношеніе. Атаманъ, а, можетъ быть, сань его, пользуется всеобщимъ уваженіемъ. Казаки, проходя снимали

1) Одинъ казакъ говорилъ намъ: „плохо намъ на томъ свѣтѣ достанется: ужъ больно мы ругаться здоровы“. Замѣтилъ между прочимъ, что сквернословіе, какъ сообщали г. Вожину, составляетъ предметъ особаго запрета въ завѣщаніи Некрасова.

шапки, а бабы останавливались и отвѣшивали низкий поклонъ. Впрочемъ, послѣднее преимущество распространяется на всѣхъ мужчинъ. „Ежели эркекъ (по-тур. самецъ, мужчина) идеть,—рассказывалъ намъ одинъ изъ майносцевъ,—иди себѣ съ Богомъ, а баба, баба стой. Ни то плохо“. Что же плохо? „Да никако, а только плохо“. Такъ мы и не добились отвѣта, хотя, сколько можно судить, съ прекраснымъ поломъ обращаются здѣсь строго. Старые некрасовцы смѣются вадъ Новыми, что у нихъ бабы пьють, и, дѣйствительно, въ этомъ отношеніи мы можемъ засвидѣтельствовать между обоими селеніями полную противоположность, такъ жена атамана — наша хозяйка — отклонила предложеніе выпить вмѣстѣ съ другими присутствовавшими вечеромъ за бесѣдой. Отъ старыхъ временъ сохранились крутые семейные нравы. Д-ръ Щепотьевъ сообщаетъ, что въ русскую больницу не разъ привозили жестоко избитыхъ бабъ, надъ которыми произвели экзекуцію мужъ или свекоръ-батюшка. Возрастъ вступленія въ бракъ тотъ же, что и въ Россіи: для мужчины 18, для женщины 16, однако, денежные соображенія заставляютъ почти всегда откладывать его до болѣе поздняго времени. Характерной чертой состава населенія является очень значительный перевѣсъ числа женщинъ. Ею же, вѣроятно, объясняется и упомянутый выше фактъ выдачи двоюродъ замужъ отсюда въ Хамидід, а не наоборотъ. Точныхъ цифръ, конечно, добыть нельзя, потому что мужчины со дня рожденія на счету для уплаты воинскаго налога, а бабьей статистикой никто не интересуется. Женщины, какъ и вѣдь, упорно тянутся къ старинѣ, оказывая нерѣдко значительное влияніе на дѣла внутренней политики. Мы узнали, напримѣръ, что писарь только потому не выучился читать по-турецки, что этому рѣшительно воспротивилась его мать¹⁾. Изъ разговоровъ съ бабами было ясно, что онъ, главнымъ образомъ, хранятъ воспоминанія о Россіи и побуждаютъ мужчинъ къ переселенію туда. Онъ же, какъ говорятъ, тормозятъ переходы въ австрійство. Такъ какъ главное занятіе населенія рыболовство, то женщины, мало занятые въ полѣ, работаютъ, большей частью, около дома: отсюда такая чистота и порядокъ въ хатахъ и искусство въ рукодѣліяхъ.

¹⁾ Писаремъ теперь служить молодой парень изъ казаковъ, а не бѣглый поганъ, какъ при г. Вожинѣ. Онъ также на жалованії.

На улицѣ мы замѣтили 3 лавки, содержимыя греками, какъ и вездѣ сильно обдирающими честной народъ. Кромѣ нихъ да человѣкъ 5—6 ночныхъ сторожей изъ мусульманъ, все населеніе состоять изъ старыхъ кубанскихъ выселенцевъ. Есть, впрочемъ, семейство пять, явившихся недавно съ Дуная, но онѣ уже поговариваютъ о скоромъ своемъ переселеніи.

Въ домъ къ Кир. Куз. мы пришли, когда уже совсѣмъ стемнѣло, и усѣлись на широкой заваленкѣ, устроенной подъ навѣсомъ, отдельно отъ дома, противъ калитки. Принесли керосиновую¹⁾ лампу, и къ нашей компаніи скоро присоединились писарь и нашъ пріятель Ив. Ник. Появились неизбѣжные напитки, но насытъ уже не принуждали, и мы могли приступить осторожно къ разспросамъ, стараясь вызвать хозяевъ на разговоръ.

Дворовъ въ Эски Казакларъ оказалось 150, мужчинъ, включая всѣхъ дѣтей, около 350. Управление тоже, что и въ Хамидіѣ, та же турецкая юрисдикція и налоги, общая сумма которыхъ равна 21000 піастровъ, то же „ставленіе круга“, которое, однако, сопровождается большими формальностями. Къ вышеприведенной формулы созыва добавляется еще: „а кто не придетъ, на томъ столько-то левовъ войсковой приговоръ“. Подробностей неудобно было записать, такъ какъ казаки, вообще, относятся къ карманщикамъ книжкамъ съ большой недовѣрчивостью. Мы же съ самаго начала должны были попасть въ нѣсколько ложное положеніе. Ужеjakj приѣзжій изъ Россіи долженъ возбуждать любопытство и фантазію, а тутъ какъ разъ было время проводить дѣяка и всякихъ ожиданій и чаяній. Насъ неоднократно спрашивали, не изъ консульства ли мы, не офицеры ли, такъ что приходилось вести себя крайне осторожно, чтобы не вызвать нежелательныхъ толковъ. Впрочемъ, обрядъ „круга“ детально описанъ у Кельсіева и у Я. И. Смирнова; а такъ какъ казаки на Маду выселились съ Майноса, то слѣдуетъ предположить тождественность подробностей. Замѣтимъ, что найносцы неизмѣнно величаютъ себя „кубанскимъ войскомъ“.

На Мадѣ же, какъ явствуетъ изъ того же описания, находится

¹⁾ Керосинъ здѣсь, вообще, называется „газъ“.

²⁾ Атаманъ за жалованье; онѣ получаетъ въ годъ 20 тур. лиръ (около 180 руб.) (Вожинъ).

и знаменитая „насъчка Игната Некрасы“, т.-е. булава, о которой въ Эски Казакларь намъ сказали лишь, что она затерялась неизвестно куда и что пришлое ее замѣнить новой. Обрядъ посыпанія земли на голову атамана со всякими пожеланіями при избраніи вышелъ изъ употребленія¹⁾. Кир. Куз. сообщилъ, что не запомнилъ и „выдачи головой“, при которой осужденного велъ по улицѣ потерпѣвшій, спрашиван встрѣчныхъ: „Кому виновенъ этотъ человѣкъ?“— и когда тотъ отвѣчалъ незнаніемъ, билъ выданного по лицу, приговаривая: „мнѣ виновенъ“. Вообще, очевидно, что старые обычки гаснутъ и вымираютъ, да и стоитъ ли грустить о многихъ изъ нихъ, жалко лишь, если ихъ не удастся записать, такъ какъ, врядъ ли, гдѣ еще уцѣлѣлъ остатокъ старого русского быта, подобный майносскому.

На вопросъ, не уменьшается ли населеніе, мнѣ отвѣтили, что лихорадки, отъ которыхъ прежде много народу страдало, значительно сократились съ улучшеніемъ спуска изъ озера въ море²⁾, по что дѣтей мретъ много. Климатъ на Майносѣ³⁾ довольно мягкий, хотя зимой выпадаетъ снѣгъ вершка на четыре. Замѣтимъ между казаками, какъ и между османлы, не мало лицъ со слѣдами оспы, мы спросили, отчего ея не прививаютъ. „Да разъ отъ Царя пріѣзжалъ человѣкъ оспу прищеплять, мальчишкамъ 60 прищепилъ, а послѣ ихъ душъ 30 и померло“. (Замѣтимъ кстати, что Султанъ у Старыхъ Казаковъ неизмѣнно носить имя „Царя“). Въ послѣднія пять шесть лѣтъ большую роль въ оказаніи казакамъ медицинской помощи играетъ русская больница въ Константинополѣ, къ которой они относятся съ полнымъ довѣріемъ.

Языкъ Старыхъ Некрасовцевъ очень сильно пропитался иностранными, главнымъ образомъ турецкими элементами, и бесѣда

¹⁾ Кельсіевъ (Рус. Вѣс. 1866, іюль, стр. 446) говорить и о слѣдующемъ оригинальномъ обычая: „что атамана можно высѣчь и сѣнуть, это не подлежитъ сомнѣнію и вовсе не выходить изъ ряда обыденныхъ событий майносской жизни“. Затѣмъ рассказывается про способъ производства вказекуції, послѣ которой все валится въ ноги атаману, проси прощенія, а тотъ, почесываясь, отвѣчаетъ: „Богъ простить“. Врядъ ли подобные инциденты возможны теперь, хотя казаки, какъ и естественно, съ неожиданностью говорятъ о разныхъ „семейныхъ дѣлахъ“: наказаніяхъ, прежнихъ священникахъ и т. д.

²⁾ Рѣчка Мухалыцъ служить стокомъ Майноса и составного большого озера Аполлоніи (у турокъ Абу Лѣтъ).

³⁾ Ср. Гилько, Сем. хозяйство и т. д.

пестрѣла словами и выраженіями: „ежели эркекъ идетъ“, „тютюнъ пить“ т.-е. курить, „куражѣй“ (коруджу) вмѣсто „сторожъ“; цѣлкомъ заимствованы, конечно, всѣ технические и служебные термины. Вторглись даже частицы, напр., говорять: „хичъ ничего не знаю“, т.-е. ровно ничего не знаю, „амма (=но) чужихъ не трогаешь“. Это звучало такъ странно, что намъ сперва думалось, ужъ не ослышались ли мы. Сохранилось донынѣ много старинныхъ и мѣстныхъ словъ, такъ что симѣсь выходить еще удивительнѣе. Говорить, напр., „гбдя“ вмѣсто „довольно“, „допалъ“ вмѣсто „достигъ, нашелъ“. Война называется „розмиръ“, когда угощаются говорятъ: „питайтесь, питайтесь“. Старые люди, какъ и на Мадѣ, любять употреблять славянскія выраженія: „а дохторъ сказалъ, пущай лежитъ мальчишка, доныдже не оздоровѣеть“. Страй фразы былъ часто совсѣмъ какъ въ нашихъ старинныхъ книгахъ. Лица болѣе или менѣе офиціальный между собой говорятъ на какомъ-то загадочномъ жаргонѣ¹⁾, съ крайне неяснымъ произношеніемъ, въ которомъ разобрать можно было лишь отдельныя турецкія слова, произносимыя съ сильнѣйшимъ русскимъ акцентомъ. Курьезно коверканье на русскій ладъ географическихъ названій: Бандорово (Бандерма), Серяково (Сары кой), Дюненій (Гоненъ).

По-турецки говорять многіе и довольно бойко. Нашъ пріятель И. Н. самодовольно какъ-то замѣтилъ: фарсісіи билиримъ“, т.-е. я знаю турецкій языкъ высшаго тона, а одинъ изъ депутатовъ въ Россію, сообщая эпизодъ относительно карантина, повторилъ цѣлую рѣчь, которую онъ произнесъ валий-палпѣ, щеголяя самыми изысканными турецкими причастіями и арабскими словами. Писарь знаетъ еще по-гречески и по-болгарски. Но зато читать, кромѣ какъ по-русски, никто не умѣеть. „Только ракамы (цифры) знаемъ; сами турки сказываютъ, что лишнее съ насъ черезъ то забираютъ“. И, однако... извѣстна неудачная попытка обучить писаря. По-русски нѣкоторые бойко пишутъ полууставомъ, а „по гражданскому“ еле разбираютъ. Дѣти теперь, къ сожалѣнію, совсѣмъ не учатся. Школа, хотя и есть, но заколочена, такъ какъ нѣть „ученика“, какъ называютъ казаки учителя, забывъ настоящее слово. Обу-

¹⁾ М. П. Ганько сообщалъ намъ, впрочемъ, что находитъ его чистымъ русскимъ языкомъ. Опираясь на свой собственный службъ, позволялъ себѣ съ этимъ не согласиться.

чение дѣтей представляетъ одну изъ самыхъ насущныхъ и неотложныхъ потребностей селенія, и хорошо бы было, если бъ казаки пригласили себѣ изъ Россіи какого-нибудь сельского учителя.

Мнѣ очень хотѣлось услышать и записать на образецъ что-нибудь изъ старинныхъ пѣсень, но лишь послѣ усиленныхъ просьбъ успѣль я въ этомъ. Ив. Ник. пропѣлъ мнѣ нѣсколько отрывковъ¹⁾. Наггѣвы были, безъ сомнѣнія старинные: мажорные, тягучіе съ переливами и многочисленными повтореніями. Къ сожалѣнію, пришлось услышать немного: дѣло въ томъ, что мы были у некрасовцевъ Петровскимъ постомъ, а „играть пѣсни“ въ это время на Майносѣ, какъ и у нашихъ крестьянъ, считается дѣломъ неудобнымъ.

Кончивъ записываніе, я прислушался къ общему разговору, который велся съ моимъ товарищемъ. Хозяинъ рассказывалъ о знаменитомъ теперь разбойнику Карѣ Али изъ сосѣдней черкесской деревни. Онъ, подобно древнему Сиду, мстить своимъ сельчанамъ за оскорблевіе, нанесенное его отцу, и уже убилъ изъ нихъ 7 человѣкъ, да кромѣ того троихъ забѣлѣ, приславшихъ для его поимки. Интересно, что постороннихъ онъ никого не трогаетъ. Казаки и нашъ арабаджи Османъ отзывались о немъ вообще одобрительно. „Хорошій человѣкъ, только обидѣли его“. Воспользовавшись слuchаемъ, мы перешли къ разспросамъ, какъ вообще живется съ сосѣдями, и получили обычный отвѣтъ, что старые турки народъ очевь хороший, но что мухаджиры причиняютъ постоянныя и тяжелыя беспокойства²⁾. „Что же разбойничаютъ они?“ „А то какъ же. Изъ-за гропа человѣка можетъ зарѣзать“. Въ Хамидиѣ мы слышали, что Старые Казаки значительно посократили самоуправство мусульманскихъ переселенцевъ. Мы интересуемся, правда ли это? Намъ многозначительно отвѣчаютъ: „Что жъ, озеро у насъ близко“. „И много народу поймали?“ нескромно продолжаемъ мы. „Про то куражби знаютъ; ихъ дѣло“. Эта мѣстная

1) См. ниже, прибавленіе.

2) Въ одной изъ московскихъ газетъ сообщалось со словъ майносскихъ журналовъ, что за время отъ 21—30 мая въ окрестностяхъ Майноса было убито 25 человѣкъ. Кажется, что это не совсѣмъ вѣрно. Нашъ возвраща Осечанъ уверялъ насъ, по крайней мѣрѣ, что теперь въ этихъ мѣстностахъ довольно спокойно. Впрочемъ, ночью, какъ и вездѣ въ Турціи, никто не решается ходить. Даже на аватолійской ж. д. поѣзда ходятъ лишь днемъ.

полиція, кажется, съ большой обдуманностью выбрана изъ мусульманъ, чтобы, слагая на нее всю отвѣтственность за разныя „проучки“, въ то же время не разжигать ненависти къ горсточкѣ гяуровъ, затерявшихся въ глубинѣ Anatolіi.

Уставъ отъ всѣхъ впечатлѣній дня, я вышелъ пройтись по улицѣ. Всюду была темнота и тишина. Слышно было лишь, какъ волъ, лежа посреди дороги, чавкалъ свою жвачку. Надъ рядами бѣлыхъ, едва виднѣвшихся хатъ разстипалось черное южное небо, на которомъ какъ бы застыли рои звѣздъ, поражавшихъ глазъ сѣверанина своимъ яркимъ блескомъ. Только оно, это небо, напоминало о томъ, гдѣ я находился. Думалось мнѣ о зимѣ, когда мужчины уходятъ далеко на промыслы, когда кругомъ лежитъ снѣгъ; какъ, навѣрное, боязливо прислушиваются проснувшіяся ночью бабы и дѣти къ вѣтру на чужой сторонѣ, гдѣ кругомъ бродятъ всѣ эти злые люди: переселенцы, татары, турки, черкесы. Думалось о томъ, какъ, навѣрное, встрѣчаютъ здѣсь праздники, какъ странно должны разноситься по пустынному озеру звуки дребезжащихъ колоколовъ этой маленькой колоніи, забытой въ той смутной, украшенной фантазіей Россіи, которая, какъ нѣчто далекое и прекрасное, теперь такъ тянетъ къ себѣ своихъ вольнолюбивыхъ сыновъ, нѣкогда промѣнявшихъ родину на свободу.

Голосъ атамана, звавшаго ужинать, прервалъ мои мысли. Хозяйка постелила на столъ чистую домотканную скатерть, поставила черный хлѣбъ изъ очень свѣтлой муки, 2 чашки съ мелкой жареной рыбкой, въ родѣ сардинокъ, и медъ. Лишнихъ орудій не полагалось, а потому мы рыбокъ безъ церемоніи вытягивали за хвосты, а въ медъ прямо макали хлѣбъ.

Послѣ єды насть повели въ приготовленный для нашего сна апартаментъ. Въ сѣняхъ были накрыты одѣяломъ высокія нары, приставленные къ стѣнѣ. Подушки были турецкаго образца: длинныя и тонкія, какъ депешки; лежали онѣ въ разныя стороны, и намъ пришлось размѣститься такъ, что голова одного приходилась стъ ногами другого. Одѣяло положили одно, громадное стеганое. Оно пришлось, какъ нельзя болѣе кстати, потому, что утромъ мы нашли всѣ наши вещи насквозь промокшими отъ сырости. Хаты построены изъ камыша обмазанного известью, по которой искусные женскіе пальцы провели длинныя, совершенно прямые полосы.

Влага непремѣнно должна задерживаться въ стѣнахъ такой комнаты, лишенной печи и свѣта. Прилегающую къ сѣнямъ съ одной стороны зимнюю избу спасаетъ отъ этого недостатка прекрасная большая русская печь. Утромъ мы осматривали хату; по стѣнамъ она уставлена чистыми широкими лавками, въ углу образа и лампадка, подъ которыми у атамана хранятся всѣ официальные документы. Одну изъ стѣнъ украшаетъ „балыкъ-тезкерэ“, т.-е. разрѣшеніе на рыбную ловлю, и вырѣзанный изъ „Нивы“ портретъ Эдисона, внимательно слушающаго свой фонографъ. Сосредоточенность выраженія знаменитаго изобрѣтателя вѣроятно увеличивается отъ испытываемаго имъ чувства одиночества между „балыкъ теськерѣй“, какъ хозяйка называетъ этотъ документъ, и между плохой лубочной картинкой какой-то церкви, гдѣ красная и лиловая краски попали ровно двумя вершками лѣвѣ мѣста своего назначенія. Кстати сказать, майносцамъ хорошо извѣстны телеграфъ и фотографія¹⁾). Старые Казаки снимались съ полной охотой. Одна мать даже приказывала смирино стоять своему сыну, говоря: „не шевелись, я то павѣсю тебя въ петлю“. Хотя дѣвки и жеманились нѣсколько, однако уже то, что онѣ являлись необыкновенно разодѣтыми, доказывало ихъ желаніе быть „вышибленными“. Что касается велосипеда, попадающагося въ Стамбулъ довольно рѣдко, то его видѣлъ лишь одинъ казакъ, попавшій въ Марсилію (Марсель). Случилось это такъ: онъ съ товарищемъ ловилъ рыбу въ Александреттскомъ (Искендерунъ) заливѣ въ то время, какъ уходилъ пароходъ съ англійскими туристами. Такъ какъ не хватало офиціантовъ, то буфетчикъ обратился къ казакамъ, и вотъ одинъ изъ парней, съ чисто-русской способностью къ праспособленію, преобразился на европейскій манеръ и, во фракѣ съ салфеткой въ рукахъ, быстро постигъ всѣ тонкости англійскихъ церемоній. „И угощали-жъ меня въ Марсиліи, разсказывалъ онъ,—куда ни придешь платить не даются: ты, гритъ, гость нашъ“.

Возвратимся, однако, къ прерванному повѣствованію. На утро насть разбудили часовъ въ 5 утра нѣсколько мужчинъ, оказавшихся упомянутыми выше поздними пришельцами съ Дуная. Оч-

1) Еще во времена Кельсіева одинъ казакъ хвасталъ, что про некрасовцевъ такая слала идетъ „по всей Европѣ“, что послѣ войны ихъ даже снимали „наглядывы“ (англичане).

видно, не желая отказаться отъ мысли, что мы прѣхали не спроста, они прямо спрашивали, не можемъ ли мы содѣйствовать ихъ переселенію въ Россію. Постаравшись разубѣдить ихъ въ нашей миной миссии, мы вышли во дворъ, гдѣ уже собирались казаки, просившіе снять ихъ передъ тѣмъ, какъ идти на проводы дьяка. Утро было чудное и мы не пожалѣли, что встали рано. Деревня была уже на ногахъ, и всѣ ожидали торжественнаго отъѣзда. Мы сперва направились къ хатѣ дьяка, стѣни которой были набиты народомъ, старавшимся придать ракіей особую силу своимъ добрымъ пожеланіямъ. На крыльцѣ стоялъ взволнованный хозяинъ дома со старымъ требникомъ подъ мышкой и жена его, съ ребенкомъ на рукахъ, слезно глядѣвшая на супруга, отправлявшагося такъ далеко на трудное дѣло. Вскорѣ гурьбой мы всѣ отправились на берегъ озера, гдѣ дьяка и депутатовъ ожидала лодка. Тутъ же мы могли видѣть вытащенный на песокъ обыкновенный рыбачий члены¹⁾. Можно лишь удивляться, какая нужна смѣлость, чтобы на этихъ жалкихъ суденышкахъ, вмѣщающихъ лишь по два человѣка, ходить по открытыму морю, заплывая и въ Искендерунъ, и дальше въ „Арапію“, т.-е. Сирію, а на сѣверѣ добираясь до Дуная. Недаромъ отважные предки нынѣшихъ майносцевъ удивили нѣкогда турецкаго султана своимъ появлениемъ на Босфорѣ на такихъ же членахъ²⁾.

Берегъ озера очень отлогій, такъ что депутатіи пришлось войти въ воду, чтобы сѣсть въ лодку. Интересенъ былъ видъ провожавшей толпы, разряженной въ своеобразные костюмы: бабы, подсучивъ юбки, съ ребятишками на рукахъ, молчаливо стояли въ

1) „Рыбація“ обыкновенно отъ осеннаго Димитрія (26 октября) до весеннаго Георгія (23 апреля). Кельсіевъ (стр. 447) сообщаетъ о существованіемъ въ его время обычая составлять артель подъ начальствомъ выбраннаго атамана, который одинъ имѣеть право продавать уловъ: „чтобы казаки цѣны не сбивали другъ у друга“, причемъ лишь по возвращеніи домой выручка дѣлилась (дуванилась) на 3 части: на церковь, на войско и „на руки“. Намъ неизвѣстно, существуетъ ли это обыкновеніе и въ настоящее время, но во всякомъ случаѣ теперь надо вычитывать еще 20% подати съ полученной отъ продажи суммы.

2) См. Мельниковъ Рус. Вѣс. XLV, 459. Впрочемъ Кельсіевъ сообщаетъ (стр. 420) разсказъ кавказа, что „храбреое войско кубанское пошло берегомъ съ пушками и знаменами, а женскій полъ и дѣти и старики на судахъ поѣхали и поддѣлись турецкому царю“.

водѣ далеко отъ берега; дѣти, обрадовавшись случаю, летали съ крикомъ взадъ и впередъ, догоняя и обдавая другъ друга брызгами; на лицахъ казаковъ была замѣтна нѣкоторая серьезность. Когда гребцы ударили въ весла, всѣ еще долго смотрѣли вслѣдъ отѣзжающимъ, махая шапками и платками. Не мало надеждъ, вѣроятно, возлагалось въ эту минуту на маленькое посольство, имѣющее, сколько можно судить, много важныхъ и деликатныхъ порученій...

Насъ очень интересовало, сохранились ли у казаковъ какія-нибудь историческія воспоминанія. Однако, большинство спрошеныхъ, кромѣ имени Игната Некрасова¹⁾, да того, что вышли майносцы съ Кубани, ничего не знали или не хотѣли сообщить. Одинъ изъ казаковъ, съ которымъ мы познакомились въ толпѣ на берегу, сказалъ, что у него есть старинная запись, которую мы и отправились къ нему смотрѣть. При входѣ во дворъ бабы поднесли намъ неизбѣжные цвѣты „vasильки“, иѣчто въ родѣ нашихъ піоновъ, попросили снять фотографію со всего семейства, и только послѣ этого явилась книга, въ которую занесены были всякія домашнія событія, приходы, расходы и т. п. Всего ея содержанія хозяинъ не расположень былъ показывать, а интересовавшая насъ запись полууставомъ съ удареніями и придыханіями гласила: „Лука Никановъ видѣлъ въ книги старай. Написано праигната некрасова оуконивски сюза игнать некрасывъ поднель си здону втуретшыну въ той союзъ неложно знаетъ братія 7217 году“, т.-е. отъ сотворенія міра, что соотвѣтствуетъ 1709 году нашей эры. Выселеніе, какъ извѣстно, произошло, на самомъ дѣлѣ, въ 1708 году. Туретчиной же здѣсь называется, очевидно, Кубань, бывшая въ то время подъ властью крымскаго хана. Приведенная надпись, какъ намъ говорили, обычна на старыхъ молитвенникахъ, ю же, новидимому,

1) Какъ сообщаетъ .Оч. ист. старообр. въ Добр. у некрасовцевъ есть 2 варианта пѣсни про „Игната сударь Некрасу“; одинъ, прославляющій его доблестаія, а другой, осыпающій его бранью за выводъ изъ Россіи. Вообще обычное дѣло возгласы въ родѣ приводимаго у г. Вожина печалованія старухи: „Буда-же ты пасъ завель, Игнатушка! Ср. пѣсню у Кирѣевскаго, вып. 8, стр. 73 (записана въ З. Вой Дов.) гдѣ разсказывается про „ковачка Игватку изънышика“ какъ:

„Измѣниль онъ служить царю Бѣлому,
Провѣръ сдѣлалъ нашей государынѣ“ (позднѣйш. вставка).

ограничиваются всѣ свѣдѣнія казаковъ о своей исторіи, такъ какъ не говоря уже объ отдаленныхъ временахъ, даже сравнительно недавнее выселеніе на Маду успѣло значительно изгладиться изъ памяти майносцевъ.

Черезъ нѣсколько минутъ явился за нами атаманъ, быть можетъ изъ вѣжливости, а можетъ и по другимъ соображеніямъ не особенно охотно спускавшій насть съ глазъ. Онъ торопилъ насъ идти пить чай. Немного времени спустя мы уже сидѣли за столикомъ передъ чашками съ темнобурой, густой жидкостью, въ которую хозяинъ не поскупился всыпать сахару, чтобы засвидѣтельствовать особее почтеніе гостямъ.

Приходило, между тѣмъ, время разставаться съ нашими соотечественниками, такъ какъ мы собирались проѣхать въ тотъ же день въ городъ Гоненъ. Нашъ арабаджѣ быстро подаль къ воротамъ повозку и мы, распростиившись съ хозяевами и сошедшими съ насъ проводить казаками, покатили по переулку въ поле. За окольцемъ намъ попалась баба, имѣвшая видъ пожилой дѣвицы. Быстро сѣмения голыми ногами по неровному полю, она тащила на коромыслѣ 2 жестянки съ какими то помоями; въ отвѣтъ на наше привѣтствіе, она тотчасъ же отрекомендовалась: назвавши себя: „а я Марьушка, дочка батюшки отца Ивана покойнаго“. Мы предложили подвезти ее до чифлика, куда она шла, но она продолжая бѣжать за повозкой, наивно отказалась: „а какъ завезете куда“. Говорила она высокимъ пѣвучимъ голосомъ, точно причитала, и, главнымъ образомъ, посвящала насть въ тонкости генеалогіи своего рода. Однако нужно было спѣшить, и мы скоро попрощались съ Марьушкой, нашей послѣдней знакомой въ селеніи Эски Казакларъ.

Заканчивая свое изложеніе поѣздки къ майносскимъ некрасовцамъ, авторъ долженъ признаться, что самъ чувствуетъ всѣ проблемы и неполноту своихъ замѣтокъ; однако, думается, что и въ этомъ видѣ не мѣшало вновь напомнить публикѣ о существованіи интересной русской колоніи. Было бы очень желательно, чтобы были собраны свѣдѣнія и объ остальныхъ русскихъ поселеніяхъ въ Малой Азіи, о которыхъ ходятъ смутные толки, при чемъ подвергается сомнѣнію даже фактъ ихъ существованія¹⁾. Вообще, весь вопросъ требуетъ долгаго и тщательнаго изслѣдованія, а от-

¹⁾ См. въ библіографіи замѣтку о статьѣ Астафьева.

носительно важности его намъ остается лишь сослаться на авторитетъ В. И. Ламанского: „Путешествіе по М. Азіи для этнографического изслѣдованія остатковъ бывшихъ въ ней славянскихъ поселеній могло бы, смѣю думать, принести пользу наукѣ“. („О слав. въ М. Азіи“, стр. 18).

IV. Литература.

Настоящая статья была написана въ Константинополѣ, и въ сокращенномъ видѣ помѣщена лѣтомъ въ „Рус. Вѣд.“ И теперь, восстановивъ пропущенное (около половины всего текста¹⁾), мы оставили ее въ прежнемъ видѣ, такъ какъ намъ не хотѣлось измѣнять носимаго ею характера личныхъ наблюденій, записанныхъ еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ поѣздки. Пришлось лишь заново переработать все введеніе на основаніи добытыхъ нами уже въ Москвѣ материаловъ. Принимая во вниманіе, что литература о некрасовцахъ очень разбросана, мы считаемъ небезполезнымъ для интересующихся вопросомъ дать общий перечень библиографіи. Считаемъ долгомъ выразить благодарность всѣмъ лицамъ, которымъ помогли намъ при отысканіи литературы; въ особенности мы чувствуемъ себя обязанными проф. А. Е. Крымскому и Н. А. Янчуку.

A. Работы, посвященные исключительно Майносу.

1. В. Желудковъ-Ивановъ (Кельсіевъ)—„Русское село въ Малой Азіи“. Рус. Вѣсти. 1866, юнь (413—451). Первое по времени появленія русское описание, къ тому же сдѣланное очень живо и содержащее большое количество фактовъ.

2. Записки М. Чайковскаго (Садыкъ Паши), Киев. Старина 1892 г. №8 (описаніе Эноса) и № 10 (Майносъ). Чайковскій посѣтилъ эти мѣста около 1841 г.

2. Рядъ замѣтокъ о присоединеніи некрасовцевъ къ единовѣрію въ духовныхъ журналахъ: „Странникъ“, сентябрь 1872 г. (стр. 204) и декабрь 1873 г. (187—215²⁾). „Православное Обозрѣніе“, сент. 1872 г. Наконецъ „Голосъ“, 3 авг. 1872 г. Но са-

¹⁾ Въ общемъ статья увеличилась раза въ 3.

²⁾ Статья намъ неизвѣстна. Въ Румянцевской библіотекѣ экземпляръ журнала дефектный.

мая обширная и важная изъ статей этого рода принадлежить О. Михаилу, который самъ игралъ главную роль въ присоединеніи и составилъ интересный отчетъ о своей поѣздкѣ на Майносъ по перипетіямъ введенія единовѣрія: „Согласіе на присоединеніе къ единовѣрію переселенцевъ изъ Россіи и т. д.“ въ „Душеполезн. Чтенії“, декабрь 1873 г. (451—478).

3. „Церковный Вѣстникъ“ (при Сиб. Дух. Сем.) 1879 г. № 25 (июня 23). Слухи о движениіи среди раскольниковъ къ возсоединенію съ православною церковью. Перепечатка изъ „Нов. Врем.“ о пребываніи въ Москвѣ первой майносской депутаціи.

4. Д-ръ. В. П. Щепотьевъ—„Русская деревня въ азіатской Турціи“ „Вѣстн. Евр.“, августъ 1895 г.

5. Я. И. Смирновъ—„У некрасовцевъ на островѣ Мада и т. д.“ Спб. 1896, оттискъ изъ „Живой Старины“ в. I, 1896 г. Дѣло идетъ о части майносцевъ выселившихся, въ шестидесятыхъ годахъ въ Конійскій вилайетъ. Приложены фотографіи.

6. Докторъ Елисѣевъ—„Русскія колоніи въ Турціи—Майносъ“ „Природа и люди“ 1895/6 г. № 1. (2 нояб. 1895 г.). Крайне вичтожная статья, представляющая собой, очевидно, набросокъ изъ посмертныхъ бумагъ автора, не безъ промаховъ въ частностяхъ. Приложенныя двѣ картинки—чистѣйшая фантазія живописца, подписавшагося подъ ини.

7. Статья въ „Донской рѣчи“, 1896 г. № 40, (вѣроятно, замѣтка о предшеств. статьѣ).

8. „Кубанскія областныя вѣдомости“ № 101, 1897 г. „Казаки въ Турціи“ изложеніе помѣщенной въ „Котлинѣ“¹) статьи русскаго моряка. Очевидная перепечатка замѣтки К. О. В. въ малорусскомъ журнальѣ „Зоря“, 1897 г. 15 мая; „Потомки козаків въ Турсеччинѣ“.

9. П. Вожинъ—„Некрасовцы въ Анатоліи“. Н. Время, 1898 г. 5 авг. (№ 8509)

10. М. Ганько—„Майносъ казаки и ихъ земля“, въ малорусской газетѣ „Буковина“, (издается въ Черновицахъ въ Австріи²)

1) Намъ неизвѣстно.

2) Считаемъ долгомъ выразить нашу глубокую признательность г. редактору этой газеты, который на нашу просьбу черезъ А. Е. Крымскаго, выслалъ собственноручно спящанную копію статьи г. Ганько, такъ какъ старыхъ экземпляровъ газеты не имѣется.

1899 г. № 14—15. За исключениемъ пѣсевъ и лингвистическихъ испытокъ эта статья вошла почти цѣликомъ въ другую работу того же автора:

11. М. Г-ко (М. П. Ганько) „Сельское хозяйство у Майносскихъ казаковъ“, „Хуторянинъ“ (изд. въ Харьковѣ) 1901 г. № 23. Очень дѣльная статья, дающая больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе. По части сел. хоз. интересно миѳиѣ автора, какъ специалиста.

12. К. И. Смирновъ—„У русскихъ въ М. Азії“ Н. Время, 1901 г., юля 11 и 12; приложены 3 фотографіи, снятые авторомъ во время нашей совмѣстной поѣздки къ некрасовцамъ.

13. Настоящая статья, наполовину сокращенная, была помѣщена въ августѣ 1901 г. въ „Рус. Вѣд.“

14. Въ юлѣ и августѣ 1901 г. въ различныхъ московскихъ газетахъ было помѣщено не мало замѣтокъ по поводу прїѣзда майносцевъ въ Москву. (Ср., напр., въ церковномъ отдѣлѣ „Моск. Вѣд.“ 31 юля, 6 и 7 авг.)

15. Въ журнале „Природа и Люди“ 1901 г., № 42, стр. 679—помѣщена замѣтка о посвященіи новаго о. Иоанна и о майносской депутациѣ.

B. Общиѣ работы, касающіяся некрасовцевъ.

1. Вв. (вероятно В. Броневскій, авторъ Исторіи войска донскаго (Спб. 1834) „Исторія о некрасовцахъ“. Сѣв. Пчела 1828 года, № 105 и 106; краткая, но очень содержательная и не устарѣвшая до сихъ поръ замѣтка.

2. А. А. Скальковскій—„Некрасовцы живущіе въ Бессарабії“ (заимствовано изъ Одесского Ген. Губ. Архива) въ Ж. М. В. Д. 1844 г., В., часть осьмая (61—82). Очень важная работа: Сообщается исторія возвращенія въ Россію въ 1830 г. около 1000 некрасовцевъ, попынѣ живущихъ подъ Измаиломъ, въ предмѣстьѣ „Тучково“. Кизаки обнаружили при этомъ трогательную привязанность къ своей старой церкви, которую они разобрали по частямъ и вновь поставили, перевезя ее въ Россію. Въ этой же статьѣ изложена, между прочимъ, судьба жалованныхъ турками грамотъ, которыхъ некрасовцы, возвратившіеся въ 1830 г. въ Россію, передали русскому начальству.

3. В. Ламанский—„О славянахъ М. Азіи, Африки и Испанії“, Спб. 1859 о Майносѣ (стр. 23—38) со словъ старыхъ англійскихъ путешественниковъ W. Hamilton Researches in Asia Minor L. 1842 и Mc. Farlane Turkey and its destiny. Глава послѣдней книги, касающаяся Майноса, изложена Свенске въ Вѣс. Геогр. Общ. 1855 г. кн. III, отд. III („Русск. колон. въ М. Азіи“). Цитируемая Ламанскимъ книга Itinéraire de Tiflis à Constantinople par le Colonel Rottier, Brux. 1829 даетъ весьма скучные указания о предполагаемой Чаршамбѣ, именно стр. 271. C'est sur ce fleuve dans les vallées fertiles, au dessus de Bafra, qu' habitent les cesacs Sapogovi. Казаки, будто бы, переселились послѣ бунта Мазепы. Важнѣе было бы добыть замѣтку о Чаршамбѣ въ газетѣ „Кавказъ“ 1856 г., (перепечатано въ Русс. Изв. 1856, 3 марта, и Саб. Вѣд. 1856, 6 марта): „Еще одна русская колон. въ М. А.“. Къ сожалѣнію, въ Румян. библ., журналы хранятся лишь съ 1862 г.

4. А. Щаповъ.—„Русскій расколъ...“ Казань, 1859, стр. 325 (небольшое замѣчаніе).

5. Мельниковъ—„Старообрядческіе архиреи“ (Рус. Вѣс. т. XLV стр. 469) въ отдельномъ изданіи „Ист. очерк. безпоповщины“, ч. I, 1864, стр. 223.

6. Н. Субботинъ—„Історія бѣлокриницкой іерархії“, т. I, М. 1874, стр. 319 и сл.

7. Н. И. Субботинъ. „Історія бѣлокриницкаго священства по смерти ивока Навла“ въ Рус. Вѣс. 1900 г. О Майносѣ упоминается въ № VII (161—165). Много разъ упоминается „жестокій нравъ“ майносцевъ; какъ сообщается одно письмо, они чуть было не убили своего священника, который пробовалъ воспротивиться стрѣльбѣ изъ ружей при водосвятіи, называя этотъ обычай еретическимъ. Всѣ австрійцы свидѣтельствуютъ о стойкости майносцевъ въ своей вѣрѣ. Въ № VIII приводятся однако слова одного бѣлокриницкаго архіерея, который не теряетъ надежды, „что Майносѣ будетъ едино стадо“ со временемъ. Въ № XII разсказываетъ о мечтахъ назначить на Майносѣ даже особаго архіерея. Въ VII же № см. ссылку на „Брат Слово“ 1899 г. стр. 479—482 и 489—493 о пребываніи Гончарова на Чифликѣ Садыка-паши по сосѣдству съ Майносомъ.

8. „Очеркъ исторіи старообрядцевъ въ Добруджѣ“ въ Славян-

скомъ Сборникѣ, т. I, Спб., 1875. Хотя въ этомъ очеркѣ и разсказывается сочувственно о томъ, какъ Кельсіева не пустили къ себѣ для пропаганды добруджинскіе некрасовцы, однако, есть основанія для предположенія, что авторомъ былъ именно упомянутый публицистъ. Любопытно примѣчаніе редакціи, что статья, „отнюдь не есть важный и достовѣрный исторический источникъ о дѣятельности такихъ лицъ, какъ Гончаровъ въ Чайковской“, но что помѣщается, какъ живо написанный впечатлѣнія очевидца, провѣдшаго въ Добруджѣ 1863—6 года.

9. Даље нужно упомянуть „Записки М. Чайковскаго“, печатавшіяся сперва въ „Кiev. Стар.“ О Турціи смотри 1892 г. августъ и октябрь. Въ полномъ видѣ „Записки“ были напечатаны въ „Рус. Старилѣ“: начало въ 1895 г., ноябрь. Срав. также „Р. Стар.“ 1895, ноябрь, стр. 155 „къ портрету М. Чайковскаго“ и въ „К. Стар.“ 1886 г., апрѣль: „М. Чайковскій и казакофильство“.

10. Сюда же слѣдуетъ отнести книгу Kozaczyzna w Turcji, dzieло w 3-ch czesciach przez X. K. O—Raguz 1857. Книги заключаетъ въ себѣ апологію дѣятельности Садыкъ Паши. Критика отнеслась къ ней очень неблагосклонно. Ср. Kiev. Стар. 1883 № 1 и 1886 № 4. (Намъ неизвѣстна).

11. Нѣкоторыя свѣдѣнія о некрасовцахъ содержать и работы, касающіяся собственно запорожскаго элемента въ Добруджѣ: Кондратовичъ, „Задувайская сѣчъ“ (К. Стар. 1883, № 1, 2 и 4) и Лупулеску (редакція Антоновича) „Русскія колоніи въ Добруджѣ“ (К. С. 1889 № 1, 2 и 3).

12) Въ „Шѣси. собр. И. В. Кирѣевскимъ“, вып. 8. Москва, 1870 г. есть двѣ пѣсни о Некрасовѣ стр. 71—75, одна изъ которыхъ упоминаетъ о вышедшихъ съ нимъ 40000, ср. Келье. и Ганько.

13. Быту добруджинскихъ некрасовцевъ посвящена статья „Шадъ лиманомъ“, В. Г. Короленко въ „Рус. Бог.“ 1897, № 11.

14. Наконецъ, самое крупное изслѣдованіе о некрасовцахъ принадлежитъ перу П. П. Короленко „Некрасовскіе казаки“ въ Изв. Общ. Любят. Изученія Кубанской Области, выпускъ II, Екатеринодаръ, 1900. Авторъ работалъ отчасти и по первоисточникамъ (особенно въ началѣ статьи). Нѣсколько шаткими, новидимому, представляются даты выселенія въ Добруджу и на Майность (см. выше во введеніи). Впрочемъ, окончательное рѣшеніе этихъ вопро-

серь, вѣроятно, будетъ возможно лишь тогда, когда можно будеть найти и прочесть жалованные казакамъ турецкіе фирманс. Въ вышѣй степени важно было бы имѣть и „Игнатову книгу“, сохранившую, по словамъ Кельсіева, въ церкви на Майносѣ въ „восковомъ ларцѣ“. Содержаніе ея—регламентація жизни казаковъ на чужбинѣ, родъ политическаго завѣщанія „Ликурга съ двойнымъ рядомъ зубовъ“. (Кельсіевъ). Что книга не потеряна, обѣ этомъ свидѣтельствуетъ недавнее упоминаніе о ней въ статьѣ Божина (1898 г.), хотя, конечно, добиться у казаковъ позволенія ее осмотрѣть, представить не мало затрудненій.

Отсылая читателя за ссылками на первоисточники и документы къ статьѣ П. Н. Короленко, мы въ заключеніе позволимъ себѣ упомянуть о статьѣ нѣкоего г. С. Астафьевъ—Русскіе колонисты въ Турціи—„Природа и люди“ 1898, № 25—31. Касается она русской колоніи у устьевъ Кызыль Ирмака, подъ названіемъ „Бинъ Эвле“¹⁾ (sic). Описаніе этого поселка(въ которомъ можно предположить ту деревню, которая извѣстна подъ именемъ Чаршамба), представляло бы громадный интересъ, еслибы г. Астафьевъ имѣлъ возможность привести сколько-нибудь надежные факты... Написанная самыми бульварными тономъ, статья отличается крайнимъ невѣжествомъ: казаки называются то старыми запорожцами (№ 28 стр. 446), то некрасовцами (*ibid* 445 и № 29), выселившимися лѣтъ 50 тому назадъ съ Дону²⁾ Примѣромъ повѣствованія можетъ служить трогательный разсказъ казака, какъ одинъ прежній атаманъ, по имени Костродымъ (sic), сталъ звать товарищей въ походъ на Персию (sic), но, пѣнившись красавицей Нуридой, „сходилъ для нея въ Меккѣ и принялъ Исламъ“. (Интересно, что раньше?!). По возвращеніи его, Нурида объявляеть, что не чувствуетъ больше любви, а онъ вызываетъ ее на свиданіе и сжигаетъ на костре!... Автора искренне забавляютъ остроумныя восклицанія его спутника: „Мопиментале, piramidalle“ (sic); тотъ же острякъ во время обѣда выплевываетъ кебабъ въ рукавъ, ночью идетъ въ садъ его вытряхать, и пыткается на любовную сцену. Да и не перечтешь всѣхъ шердовъ нера играваго туриста. Послѣ всего этого какъ-то спокойно

¹⁾ Какъ известно, Бинъ-эвле—было старымъ названіемъ Майносако селенія.

²⁾ „Наша казачка съ Дону перебрались—этому назадъ годовъ болѣе полсотни будеть“ № 31, 494.

относишься и къ другимъ фактамъ: что казакъ-старообрядецъ женатьва двухъ мусульманахъ, что въ годъ онъ зарабатываетъ 2400—4800 меджидіевъ (мед. = 1 р. 60 к.), что духовный надзоръ за населеніемъ мирно раздѣленъ между о. Илларіономъ и турецкими хеджами, (которыхъ авторъ называетъ хаджи¹⁾) Между тѣмъ вопросъ о селеніи на Чаршамбѣ крайне интересенъ. Выше мы приводили разсказъ П. П. Короленка объ отуреченныхъ выселенцахъ въ с. Высокомъ. Мы можемъ добавить, что С. Е. Саковъ, самъ родомъ изъ-подъ Трапезунда, передавалъ намъ, что отлично помнить, какъ въ 1861 году видалъ на базарѣ русскихъ, привозившихъ на продажу рыбу, причемъ они говорили по-русски и сокранили свою старую одежду. Относительно вѣры, С. Е. помнить, что они были православные, но что греки смотрѣли на нихъ, какъ на отщепенцевъ. Лѣтомъ 1901 нашъ товарищъ К. Н. Смирновъ справлялся въ Трапезундѣ въ русскомъ консульствѣ о некрасовцахъ и получилъ отвѣтъ, что о нихъ теперь не слыхать и что, вѣрно, они отуречились. Если бы даже это было такъ, то интересъ къ казакамъ находящимся на такой удивительной стадії, долженъ еще усилиться, и надо думать, что кто нибудь возьметъ, наконецъ, на себя трудъ провѣрить всякие слухи на мѣстѣ и собрать все возможныя данныя о положеніи нашихъ заброшенныхъ и забытыхъ соотечественниковъ.

¹⁾ Ходжа—учитель, духовное мусульманское лицо, а хаджи—всій человѣкъ, совершившій паломничество въ Мекку.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Между тѣмъ какъ народное творчество потомковъ запорожскихъ казаковъ, живущихъ въ Добруджѣ, давно уже стало предметомъ внимательныхъ изслѣдовавій, и изъ пѣсень ихъ извлечены интересные для исторіи факты и выводы¹⁾, эта сторона жизни некрасовцевъ была до сихъ поръ весьма мало затронута, и материаловъ по этому вопросу было собрано очень мало. Однако, уже и то, что имѣется, позволяетъ дѣлать нѣкоторыя заключенія, если не историческая, то филологическая. Редакціей „Живой Старины“ было дано описание и опредѣленіе говора некрасовцевъ, на основаніи записанныхъ на Мадѣ для Я. И. Смирнова 2 пѣсень. Въ результатѣ онъ былъ отнесенъ къ южновеликорусскимъ, сильно акающими говорамъ, на подобіе рязанскихъ. „Безударное *o=a, a* же подъ удареніемъ=*o* (срав. наше пальто, во мн. ч. болты, плотежь), *e* съ удар.=*u*; безъ удар.=*a* (во чисту помя); *u* безъ удар. (послѣ шип.)=*y* (дарожунъка); *i=i=h*, отсюда=*e* (вой вмѣсто гой); вм. *e=i=u* въ концѣ слога *x* (казачкохъ, род. мн.), отсюда и коникъ род. мн. Любопытно употребленіе буквы *ю* вм. ю разабюмъ, цирялютъ (верелѣтъ)²⁾... Вм. ка,—*кя*; ть въ 3 л. наст. мн. ч. (бягутъ)³⁾.

Съ этими замѣчаніями вполнѣ согласны и тѣ небольшіе отрывки пѣсень, которые намъ пришлось услыхать на Майносѣ. Ср. пакарѣтесь (съ удар. пакоритесь), зямлѣ, обогрѣйка, сидять, и т. д. Интересно управление предлога за: „за тѣхъ за столикахъ“. Отмѣтимъ также формы: спачяримумши, лятаитъ, утираеща, лоточки (лодочки). Скажемъ кстати, что, если аканье въ пѣсняхъ, записанныхъ для г. Смирнова, выступаетъ ярче, чѣмъ у насъ, то это объясняется тѣмъ, что мы писали обычное *o* всякой разъ, какъ *a* не рѣзalo уха, особенно противъ московского говора.

Въ виду всего сказанного представляются крайне странными утвержденія г. Ганька, въ „Буковинѣ“, что наряду съ произношеніемъ безударнаго *o*, какъ *a* казаки „выговаривають „*какъ i* (?)“ и что „рѣчь ихъ не великорусская (не московська), но и не украин-

1) См. Кондратовичъ, задунайская сѣчь по воспоминаніямъ и т. д. Въ К. С. 1883 г.

2) Намъ это замѣчаніе непонятно: въ текстѣ Иса. Петр. стоять *цирляютъ*.

3) Живая Старина. 1896 г. вып. I, стр. 121—122.

ская⁴. Въ послѣднемъ, конечно, никто не сомнѣвался, и потому именно, что вѣсъ имѣвшіе случай бесѣдоватъ съ некрасовцами сразу улавливали яркія черты великорусскаго говора. (Ср. пѣсни, воспроизведеніе разговора казаковъ у Кельсіева, В. Г. Короленка и т. д.). На томъ же основаніи мы должны отвергнуть и другое замѣчаніе Ганька, что лексика казаковъ преимущественно малорусская⁵): что касается приводимыхъ имъ словъ: хата, шматокъ, куточъ, то они вѣсъ извѣстны и въ нашихъ великорусскихъ нарѣчіяхъ. Записи г. Ганька поражаютъ нестротой и смѣшнѣемъ говоровъ. Впрочемъ, не повинна ли въ этомъ была редакція „Буковины“, которая могла передѣлать иѣкоторыя выраженія и звуки; въ одномъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, это можно удостовѣрить съ несомнѣнностью⁶). Для примѣра приведемъ одну изъ пѣсень г. Ганька:

Изъ по стечу по широкому
А по морю по глыбокому
Залегала там дороженька простійника
Та нѣкто тою дороженьку
Та не хажувал, та ве юджувал
Ікъ проходжал, якъ проїзджал да Ігнат козак
Онъ не сам проїзджал, козаковъ прівозжал
Та не мало не багато, опріч старого (sic!?) опріч малого
У Ігната козаковъ сорокъ тысячів³ на кони то сѣсть...

¹⁾ Малорусскія слова несомнѣнно есть, и понятно, откуда они заимствованы: некрасовцы въ Добруджѣ жили рядомъ съ руснаками, (такъ называются на Дунай украинцы); въ подкѣхъ Садыка, гдѣ служили они, официальнымъ языкомъ былъ малорусскій и т. д. Но въ общемъ такая примѣсь крайне незначительна, и великорусскій элементъ ярко преобладаетъ надъ всѣми заимствованіями.

²⁾ См. ниже примѣч. А. Е. Крымскаго.

См. также, у Кирѣевскаго, в. 8, стр. 71, пѣсня изъ Обл. В. Донского:
„Онь-то (Некрасовъ) ушель-увель силы рати сорокъ тысячъ,
Опремъ стариковъ староженныхъ,
Опрачъ малолѣтковъ малодѣтныхъ,
И отъ пимовъ прирожденныхъ (ублюдковъ)⁴.“

³⁾ Срав. у Кельсіева стр. 419 и Славян. Сборн. 1875, отрывокъ пѣсни:
„Онъ-ушель увель сорокъ тысячей
Кромъ старыхъ, кромъ малыхъ
Молодыхъ ребять, малыхъ дѣтушекъ“.

Въ другой пѣснѣ (*ibid*, 74) говорится, что съ Дону „Ігнатка—измѣнщи-
чекъ“ бѣжалъ за Дунай (sic), уведя съ собой казачковъ,
„Не служилыхъ старыхъ, а глупыхъ малолѣтковъ“.

Случайно, одна изъ записанныхъ нами цѣсень оказалась записанной раньше г. Ганькомъ, и даже въ лучшей редакціи; что же касается до „системъ транскрипцій“, то представляется возможность судить о нихъ изъ сравненія обѣихъ версій.

Наша запись:

Ты взойди взойди красное солнушко
Надъ горой ¹⁾ взади надъ высокую
А надъ рѣчушкой взади надъ глы-
бокую
Надъ падаю вѣди надъ широкую
Обогрѣйка насть сиротъ бѣдненькихъ
Сиротъ бѣдненькихъ, а ты бисъпе-
реднійвъкихъ (?)
Они строили себѣ церковь знаменну,
Церковь знаменну, ани семиглавину
На восьмой главѣ стоять кресль се-
ребряный
На крестѣ сидѣть черная галочка
Высако сидѣть ана, далеко смотрѣть,
Да смотрѣть ана ва синѣ море
Но синѣ море ана промаячилась
Черной ляточки бѣдны паруса..

Запись 1. Ганька:

Ты войди, войди ясне сонечко
Надъ горой войди надъ высокою
Надъ дѣровою надъ зеленою
Обогрѣй ты насть людый (віс) ²⁾ бід-
ненькихъ
Добрыхъ молодцівъ, людей біглень-
кихъ.
Они ставили церкву знамюшку
Церкву знамюшку—семиглавину
На восьмой главѣ хрестъ посрѣблений
На хрестѣ сидѣть чорна галочка
Чорна галочка, мала пташечка
Высоко сидѣть, далеко глядѣть,
А глядѣть вона, дивиться
Да на сине море.
А у морю синему проморянились три
кораблика.
Три кораблика, иде й легкая лодочка.
Понагруженна она свинцомъ—поро-
хомъ
Подквіччана самопадами
Посередъ еї лежить золота пазна
На казнѣ сидѣть золота дівчина
Асаулова сестра родна
Атаманова, она шельма полюбовница
Асаулови быть вбитому
Атаманови быть зарівану
Красній дівчині, та на волї быть ³⁾.

¹⁾ Г произносится какъ въ словѣ Бога.

²⁾ „Нѣть ни малѣйшаго сомнінія, что форма „людый“ вм. „людей“ напечатана не по записи г. Ганька, а по корректурѣ буквинскаго редактора, который по установившемуся обычаю, исправляетъ правописаніе украинцевъ“. Прим. А. Е. Крымскаго.

³⁾ Мы замѣнили черезъ и стоящее въ оригиналѣ, но малопонятное для русскихъ читателей и.

Остальные отрывки, которые намъ удалось услышать, таковы:

Плыть, плыть лодочка призурешенная.
 Какъ на той да ва лодочка да два столика стоять.
 Какъ за тѣхъ за столикахъ да два молодца сидѣть.
 Ави чешуть, они русы кудерки, свои русы помоев,
 Пускають, да бросаютъ ихъ вѣльи за водой:
 Пловята мои чесочки ко моей да миѣй.
 Гдѣжъ моя миѣя водицу она набрала
 Сиачеривумши на ведёрки ва гару сама взашла.
 Ахъ па тужить ли миѣя, ахъ па тужить ли па миѣ
 Нехай по миѣ тужить земли и воды-а
 Не я дѣвка малодѣ.

„Нижменъ¹⁾ та сокожъ самъ надъ небезымъ лягаетъ
 „Добрый молодецъ самъ съ постелюшкы вставалъ“;
 „Умываеща ключавой свѣтлой водой,
 „Утирающа тонкаю, бѣлою пахатною“.

Ужъ вы славные наши поляки, покаритесь и вы намъ,
 Если вы намъ не пакбритеся, мы вѣсъ парубимъ, пасѣкемъ.

Для полноты картины позволяемъ себѣ переписать и давъ пѣсни, приложенные къ статьѣ Я. И. Смирнова (Жив. Стар. 1896, вып. I, стр. 122). Записывалъ ихъ на Мадѣ казакъ Исаакъ Петровичъ, но, конечно, и на Майносѣ онъ хорошо известны, какъ намъ это подтвердилъ нашъ знакомецъ казакъ Ив. Ник.

Зрѣ эта пѣсня Игнаѣта Ненрѣсовы

За гѣрама да за крѣтами, брацы, было снигавыми
 За лѣсами да за тѣмънами, брацы, было снигавыми
 Стакѣда тамъ да крашбона, брацы, царская діогеюшка²⁾
 Какъ па тое то было ка діогеюшкы оны сажалисі
 Сажалисі увѣчья мурзы брацы, мурзы кабердитскі
 Ави дѣвки да гадѣли, брацы, они думу крѣпкимъ

¹⁾ Смысла слова утерялся майносцами. Присутствовавшая при записываніи хозяйка дома утверждала, что нужно говорить: „Не нижменъ“.

²⁾ Т.-с. девушка (діовеюшка).

Присагу ана присягали, брацы, ани къ басурманишу:
Пайдемъ, разабіомъ ту армюшашу, брацы, а мы царя белава,
Самовб то мы да царевича, брацы, а мы ва падонь вазміомъ,
А Илену мы да царіцу¹⁾, брацы, въ манастырь сашлюмъ.
Зрите господѣ етакъ песньи ковѣцъ.

Песня Игната Некрасова.

Во изъ долика да дзѣка да, былъ за раздѣлика
Ай да а ишшоѣ да тавѣ да падобика былъ за чистуѣ болыя,
Ай да тѣмъ пралѣгавала путь дарбужуньки, аиѣ ни широбкая
Ай да далинобю ана путь дарбужуньки ана канца краю нѣть
Ай да ой никъто же та па той па дарбужуньки никъто же да ни хажаваль
Вой ни хажаваль па дорожуньки никъто же да ни ежаваль
Ни два ліотьнаи два сакблика ани въ пиряліотъ ляятъ
Ай да два салтанушки два тихонскии (?) ани въ пирябѣхъ бѣгутъ
Ууть²⁾ да прибигали аиѣ ка Игнатаву аиѣ ка билу шатъру,
Ани слазивали са добрыхъ вѣнхъ ани на скру зѣмълю
Вой да аиѣ влизивали ка Игнѣту ани за билой шатерь
Ее да какъ снасі та Христость два салтанушки два тихонскии
Ее да какъ зачеемъ же вы два салтанушки ка мъне да приехали?
Ее да какъ с Богъ помочь табе бѣ (sic) да Игнать сударь а самъ да Некрасовицъ.

Какъ даваѣ я с табої мы Игнать сударь с табої позасъпорѣмъ³⁾
Какъ давай я с табої мы Игнать сударь а мы казачкохъ дзялить
Ииши да казачкохъ та дзялить Игнать сударь, на три счастаочки
Ии да на трѣ счастаочки казаваچкохъ (sic) дзялить на три шаиччи...
Етой вѣсни канецъ писаѣ Исаакъ Петровичъ.

1) Любопытно сравнить съ этимъ у Кельсіева (стр. 419) рассказъ некрасовца: „А мы при царицѣ Еленѣ вышли“. На вопросъ автора: „когда же была такая царица? я что-то не припомню“, рассказчикъ отвѣчалъ: „Еще бы тебѣ помнить: ты молодой человѣкъ“. Царица Елена, увидавъ что у Игната во рту въ 2 ряда зубы, испугалась, какъ бы такой человѣкъ не разорилъ ея царство и, въ предупрежденіе этого, стала засыпать сватовъ къ Некрасѣ, но онъ отказался жениться на „еретичкѣ“, сказалъ „спасибо тебѣ на хлѣбѣ на соли, на твоемъ юнто, царскому жалованью“, взялъ народъ и пошелъ въ Туреччину.

Многочисленные совпаденія именъ и фактовъ у Кельсіева съ другими независимыми отъ него источниками еще больше увеличиваютъ цену его прекрасной статьи.

2) По замѣчанію редакціи Ж. С. Ис. Пет. записывая, припѣвали.

3) Нѣсколько подобныхъ примѣровъ, гдѣ безударное о остается и у Ис. Петр. оправдываются также о нашей транскрипціи, которая мы писали всякий разъ, какъ не слышалось яркаго аканья.

Въ заключеніе, въ видѣ курьеза, приведемъ отрывокъ пѣсни, который г. Астафьевъ „слышалъ“ у некрасовцевъ на Кызыль-Ирмакѣ въ селеніи, называемомъ имъ Бинъ Эвле:

„Ой дуб—дуба, дуба,
Дивчина моя люба“. (Прир. и люди 1898, № 26).

Жалко, что авторъ останавливается на именительномъ и родительномъ падежахъ слова „дубъ“; быть можетъ, продолженіе пѣсни пролило бы больше свѣту на особенности склоненія этой пародии у некрасовцевъ...

В. Минорскій.

Москва, 1903 г. марта 20.

Св. Касьянъ и сказка о больной царевнѣ.

Въ „Этногр. Об.“, кн. XLV, г. Менделесонъ напечаталъ сказку о мужикѣ Касьяне, записанную К. В. Бѣляевымъ въ новгородской губ. Въ этой же мѣстности (т.-е. въ окрестностяхъ села Сеглина, валдайскаго уѣзда) г. Бѣляевъ записалъ другую сказку или, вѣрнѣе, легенду, въ которой также упоминается Касьянъ (св. Касьянъ¹⁾).

Сказка о Николѣ и Кассианѣ. Каждыи день и съ ранняго утра всѣ угоднички Божіи являются къ Господу Богу, а Господь Богъ даетъ имъ разные приказы и направляетъ ихъ на добрыя дѣла. Весь день деньской они странствуютъ по землѣ, творя волю Божію, а къ ночи, когда солнышко сядеть за лѣсъ, снова являются къ Богу и отдаютъ ему отчетъ о всѣхъ своихъ дѣяніяхъ.

Разъ раннимъ утромъ вышелъ угодникъ Кассианъ отъ Бога съ приказомъ и идеть онъ берегомъ рѣки, а на рѣкѣ баба мыла концы (холста) да и упустила конецъ въ рѣку. Сидить она и горько плачетъ. Увидѣла Кассиана да такъ и взмолилась къ нему: „Батюшка Кассианушка, угодничекъ Божій, будь милостивъ, добудь конецъ, что я упустила въ рѣку, а то меня за него со свѣту сжинеть свекровь!—„Некогда мнѣ, баба, съ тобой валандаться. Сѣшу отъ Бога съ приказомъ“, сказаль Кассианъ и пошелъ дальше. Еще горше баба залилась слезами.

Случилось, что слѣдомъ за Кассианомъ шелъ и Никола угодникъ. Какъ только баба его увидѣла, начала ему низко кланяться и слезно просить: „Батюшка Никола угодникъ, пожалѣй меня, горемычную, поймай конецъ!“ Никола и договорить ей не далъ, а по добротѣ своей живо скинуль одеженку, прыгнулъ въ воду, досталь

1) Св. Кассианъ Римлянинъ, память которого празднуется 29 февраля, жилъ въ V вѣкѣ, умеръ въ 435 г., родился въ Римѣ; онъ первый ввелъ монашеское общежитіе на Западѣ, основавъ этого типа монастырь въ Марсельѣ, и известенъ сочиненіемъ „о постановленіяхъ киновій“ или общежитій. Въ житіи его вѣроятно включены народныя легенды о Касьяне.

конецъ, отдалъ бабѣ и говорить: „Богъ съ тобой! вотъ твой конецъ!“ и пошелъ самъ дальше.

На вечернемъ докладѣ, когда Кассианъ рассказалъ, какъ онъ исполнилъ Божій приказъ, Богъ спросилъ его: „Все ли ты обсказалъ мнѣ?— „Все, Господи“. — „А какъ же ты не сказалъ мнѣ, что видѣлъ бѣдную женщину въ бѣдѣ и не помогъ ей“? — Я торопился съ твоимъ приказомъ. „Никола тоже торопился, однако помогъ ей. Вотъ за его доброту я даю ему два праздника въ году, а тебѣ за твое нерадѣніе къ ближнему одинъ черезъ три въ четвертый годъ“. (Сказка разсказана мнѣ въ новгородской губ., валдайск. уѣзда, въ селѣ Глиненецъ въ 1900 г. К. Б.).

Эта вторая запись о Касьяне изъ новгородской губерніи не имѣть ничего общаго съ первой; она принадлежитъ къ другой категоріи сказаний о Касьяне, которая представлена въ собраніи Афанасьева (Народн. русск. легенды, лондонск. изданіе, 1859, стр. 42), № 11: „Касьянъ и Никола“, записанный въ Орловской губ. Виѣсто бабы, утопившей конецъ холста, въ орловскомъ варианте мужикъ, завязавшій возъ въ грязи; Касьянъ отказался помочь, пожалѣлъ свое райское платье, а Никола помогъ; за это Богъ присудилъ Касьяну служить молебны только въ высокосные годы, а Николѣ два раза въ годъ.

Къ той же категоріи легендъ о неотзычивомъ святомъ относится и книжная легенда о св. Феоктеристѣ (Лопаревъ, Слово о св. патріархѣ Феоктеристѣ. Къ вопросу о 29-мъ февралѣ въ древней литературѣ. Памятники древней письменности. ХСIV. Спб. 1893). За спасеніе отъ кораблекрушенія по обѣту построили церковь въ честь св. Николая; митрополитъ Феоктеристъ берется вызвать самого святого, молится и ждетъ, что святой явится освятить приготовленную трапезу, но святой замѣшкался; онъ былъ занятъ спасаніемъ корабля, который тонулъ въ Тиверіадскомъ озерѣ. Когда Феоктеристъ отъ пришедшаго наконецъ святого узналъ, какъ скучно его одарили спасенные имъ корабельщики, онъ сказалъ, что изъ-за такой малости онъ, Феоктеристъ, и трехъ шаговъ не сдѣлалъ бы. За эти слова святые отцы приговорили память о св. Феоктеристѣ праздновать только черезъ четыре года¹⁾.

¹⁾ Мусульманская легенда со сходнымъ содержаніемъ записана у киргизъ на Мавгышакъ. (Сборн. сбѣд. о кавк. горцахъ, VII, приложение въ концѣ).

Св. Николай по преимуществу святой, который спасает отъ кораблекрушений; вѣроятно въ орловской и новгородской легендахъ первоначально также стоялъ корабль, а возъ, завязшій въ гризи, и конецъ холста явились позднѣе¹⁾.

Сюжетъ первой новгородской записи, напечатанной г. Мендельсономъ, былъ извѣстенъ и раньше, но безъ имени Касьяна. У Афанасьева это 12-я легенда; она носить название „Золотое Стремя“ (стр. 43). Вместо мужика Касьяна у Афанасьева цыганъ, у которого было семеро дѣтей; въ примѣчаніи подъ строкой сказано, что въ варианѣ вмѣсто цыгана стоитъ бѣдный мужикъ Нестерка,

книги: „Преданіе адаевцевъ о святыхъ“, стр. 8). Гакимъ-ата имѣлъ трехъ сыновей, младшаго звали Султанъ-эпъ. Гакимъ-ата однажды кликнулъ его, но Султанъ-эпъ не отозвался и даже посѣлъ третьяго зова не скоро пришелъ. „Не скоро пришелъ“, сердито выговорилъ ему отецъ. Султанъ-эпъ объяснилъ отцу, что на Карапѣскомъ морѣ разбились два судна, люди просили его спасти ихъ, и онъ спасть ихъ. Гакимъ-ата не поверилъ ему, но сынъ показалъ отцу свое мокрое платье и слѣды веревки, которую онъ вытащивалъ лодки, на спинѣ. Спасенные люди обѣщали принести спасителю въ даръ десять тысячъ тенѣга. Когда Ходжа-Ахмедъ-Эсауй узналъ обо всемъ происшедшемъ, то сдѣлалъ Гакимъ-ата строгій выговоръ за грубое обращеніе съ сыномъ и сказалъ: „да течетъ вода надъ твоей могилой въ продолженіе сорока лѣтъ“. Въ мусульманской легенда Султанъ-эпъ на мѣстѣ св. Николая; онъ вѣ скоро пришелъ на зовъ, за что получилъ выговоръ, какъ Николай отъ Феоктериста. Причина замедленія та же—спасаніе тонущихъ въ морѣ. Слѣды веревки и мокрое платье также свидѣтельствовали о подвигѣ мусульманского святого, какъ запачканное платье христіанскаго въ легендахъ о Касьянѣ и св. Николаѣ. Гакимъ-ата за его честность осужденъ высшимъ судомъ, какъ и Феоктеристъ. Въ примѣчаніи сказано, что киргизы вѣрять, что если погибающіе на водѣ обратятся съ молитвой къ Султанъ-эпѣ, то будутъ спасены непремѣнно.

1) Подобная замѣна корабля возомъ, завязвшимъ въ болотѣ, въ польской сказѣ: мужикъ обѣщаетъ черту, если онъ вытащить завязшую въ болотѣ телѣгу, дать, чего дома не знаетъ, и ему приходится потомъ отдать родившихся къ его отсутствію дѣтей, сына и дочь (Iagic, Archiv für slav Phylologie, VII, 573); въ другихъ вариантахъ на мѣстѣ воза корабль, который не двигается съ мѣста. На то, что въ легендахъ о Касьянѣ телѣга замѣнила корабль, было уже ранѣе указано г. Аничковымъ въ ст. „Микола угодникъ и св. Николай“ (въ „Запискахъ Нео-эмилологич. Общества“ при Имп. Спб. университетѣ, вып. II. № 2, стр. 45). Въ той же статьѣ г. Аничковъ отметилъ сходство легенды о св. Феоктеристѣ съ легендой о патріархѣ Афанасіи, который оскорбилъ икону св. Николая, и за это былъ наказанъ; корабль, на которомъ онъ плылъ, сталь тонуть, я патріархъ спасся только тѣмъ, что стала молиться св. Николаю (стр. 22 и 44).

у которого дѣтей шестерка; вмѣсто св. Николы здѣсь св. Егорій. Содержаніе легенды то же самое, только конецъ различный; птицы, подъ которою Касьянь новгородской легенды будто бы хранить птицу, у Афанасьевы нѣть; вмѣсто того барви и цыганъ идутъ судиться къ сущъ, и послѣдній принимаетъ сторону Касьяна.

Ту же сказку обь обманщикѣ записалъ Колосовъ въ каргопол. у. Олонец. губ., герой сказки здѣсь также Нестеръ, у него дѣтей шестеро (Сборникъ отданія русск. яз. и словесности Имп. Акад. наукъ, т. XVII, № 3, Спб. 1877: Колосовъ. „Замѣтки о языкахъ и народахъ поэзіи въ области сѣв.-великорусск. нарѣчія“, стр. 203).

Въ основѣ этой сказки лежитъ мысль о томъ, что воронство есть божеское установление. Касьянь въ новгородской легендаѣ, цыганъ у Афанасьевы, Нестерко у Афанасьевы и у Колосова, все они просятъ вѣдущаго мимо святого, Егорія или Николая, спросить у Бога, какъ имъ поправить свое состояніе, и Богъ дастъ имъ разрѣшевіе жить обманомъ и воровствомъ. Та же мысль и въ монгольской сказкѣ о хитромъ ворѣ. Богъ создалъ людей съ простымъ сердцемъ и умомъ, но оказалось, что онъ сдѣлалъ ошибку; безъ остроты ума, на землѣ трудно было жить; чтобы привить людямъ остроту ума Богъ послалъ на землю вора и обманщика Балынъ-Сенге. Монгольскій Балынъ-Сенге въ родѣ нашѣхъ Сеньки Малаго, Яшки-шута, Клиники-вора, Кузьки (въ самарской сказкѣ у Садовникова). Во многихъ изъ этихъ сказокъ, какъ русскихъ, такъ и монгольскихъ, герою приписывается ловкій обманъ, посредствомъ котораго онъ, обреченный на смерть или на неподвижное положеніе, ставить на свое мѣсто другого. Иногда онъ въ наказаніе за обманы привязанъ къ дереву, а горбатого пастуха, пригнавшаго стадо, увѣриетъ, будто его привязали, чтобы выпрямить ему горбъ, и пастухъ позволяетъ привязать себя вмѣсто обманщика; иногда онъ лежитъ около проруби, завязанный въ мѣшикѣ, и увѣриетъ человѣка, проходящаго мимо со стадомъ, будто его хотятъ сдѣлать подводнымъ царемъ¹⁾.

1) Извѣстные май случаи этого рода указаны мною въ моихъ книжкахъ: „Тангутотаб. окраина Китая“, II, 170, и „Восточн. мотивы въ средненѣм. европ. япсѣ“, 479. Въ тангутской новести о Гасэрѣ подобный мотивъ пріуроченъ къ Чотову; см. Тавг.-Тиб. окр. Китая, II, 29, 30. Въ набардинской сказкѣ Насръ-Эддинъ обманомъ заставляетъ девять человѣкъ подшрѣть береговой яръ, будто иначе онъ обрушится, а самъ уважаетъ на девяты арбахъ

Въ обоихъ случаихъ обманщикъ угоняетъ стадо обманутаго пастуха. Этотъ же мотивъ введенъ и въ новгородскую сказку; Касьянъ накрылъ шапкой какую-то гадость и увѣряетъ подъѣхавшаго барина, что ему поручили караулить диковинную птицу, спрятанную подъ шапкой¹); баринъ вѣритъ и соглашается замѣнить Касьяна, а Касьянъ садится въ тарантасъ, запряженный шестеркой лошадей, и уѣзжаетъ. Въ самарской сказкѣ у Садовникова (Сказки и нар. пред. самарск. края, Спб., 1884, стр. 139 — 143) Кузька воръ въ числѣ разныхъ продѣлокъ надъ бариномъ наполняетъ саноги гадостью; тутъ такая же нечистоплотная фантазія, но намека на пеподвижное положеніе тутъ нѣтъ. Инцидентъ съ шапкой, какъ мы видимъ, сближаетъ новгородскую сказку о Касьянѣ со сказками о хитромъ обманщикѣ²).

Имя Нестерка, кромѣ сказки „Золотое стремя“, встрѣчается въ сказкахъ съ другими сюжетами. У Афанасьева (Народн. русск. сказки, № 203: „Убогой“) Нестерка, у которого дѣтей шестерка, получаетъ богатство, двѣнадцать возовъ серебра за то, что пожалѣлъ убогаго безногаго и подвезъ его на своеъ возу. Сибирскую сказку о Нестеркѣ помѣщаю въ подстрочномъ примѣчаніи³).

(Сборн. матер. для опис. мѣстн. и пл. Кавказа, в. XXVIII, отд. III, стр. 28); ср. съ монгольскимъ повѣрьемъ о летучей мыши, поддерживающей будто бы готовую обрушиться скалу. (Очерки с.-з. Монг., IV, 175, 763).

¹⁾ Аку-ртъомба, тибетскій Клиника-воръ, обманомъ завладѣлъ лошадью одного человѣка, лошадь привратилъ, а самъ сталь около тарчука (храмовой маечты) и держится за нее: владѣлецъ лошади напечь его въ этомъ положеніи и требуетъ лошадь. Воръ говоритъ, что лошадь цѣла, но ему нельзя отлучиться отъ маечты; монахи заставили его держать маечту, чтобы ее упала. Владѣлецъ лошадь берется поддержать маечту и отпускаетъ обманщика, который уѣзжаетъ на его лошади. (Танг.-тиб. окр. Китая, II, 169).

²⁾ Имя Кузька, которое обманщикъ получилъ въ самарскомъ краѣ, можетъ быть, обязано татарскому влиянію. Хитрый человѣкъ въ киргизскихъ сказкахъносить название Алдаръ-Косѣ. Какъ онъ называется въ сказкахъ поволжскихъ татаръ, мы неизвѣстно. Въ татарско-мусульманскихъ легендахъ среднаго Поволжья упоминается Балынъ-Гузя; не связывалось ли съ этимъ именемъ сюжетъ въ родѣ сказокъ монгольской о Балынъ-Сенге, киргизскихъ обѣ Алдаръ-Косѣ въ русской о Кузькѣ?

³⁾ Сказка о Нестеркѣ. Нестерка былъ совсѣмъ бѣдный человѣкъ; онъ пришелъ къ царю и спрашивается, отчего онъ бѣдный. Царь сказалъ: „Развѣ я могу знать и разсудить такое дѣло“, и прогналъ его. Дочь царя сказала: „Дайте мнѣ, батюшка, вашу корону, и я его разсужу“. Когда царь отдалъ ей корону,

Изъ четырехъ записей сказки о золотомъ стремени, въ двухъ стоитъ имя Нестерка и только въ одномъ новгородскомъ—Касьянъ. Не случайно ли такое пріуроченіе этого имени? Имѣеть ли сюжетъ о Золотомъ стремени какое-нибудь отношеніе къ Касьяну, пожалѣвшему свое рабское платье?

Мы имѣемъ о Касьянѣ двѣ темы:

I) Касьянъ не скорый на помошь; противоположность ему представляетъ св. Николай, который, не задумываясь, немедленно спѣ-

она сказала Нестерку: „Ты женись; можетъ быть, когда у тебя будетъ жена и дати, ты будешь счастливъ и богатъ“. Отецъ осердился; отдалъ дочь за Нестерку и сказалъ: „Вотъ и посмотримъ, какъ вы будете богаты“. Она поселились въ худой избушкѣ и жили бѣдно; она соткала ширинку и вѣвла снести на базаръ и продать за то, что дадутъ, хоть за одно слово. Мужъ пошелъ въ городъ, встрѣтилъ старика и предложилъ ему ширинку. А что просишь?—Что даишь. — Ну я дамъ тебѣ слово: „Безъ року смерти вѣ будеть“.— Вернулся Нестерка и рассказалъ женѣ; та сказала: Ну, хорошо. — Потомъ онъ несетъ другую ширинку; зашелъ въ другую улицу, чтобы не встрѣтить того же человека, но опять долженъ былъ продать ему же за слово: „Суди ни потому, ни по другому“. И въ третій разъ продалъ ширинку ему же за слово: „Подвѣши да не опусти“. Послѣ этого у нихъ уже вышли средства и на ширинки, и онъ панился на корабль, деньги оставилъ женѣ и отплылъ. На пути корабли стали; смотрѣли въ воду, спускали водолазовъ, камней и карчей не нашли. Рѣшили спустить кого-нибудь до дна; никто не соглашается спуститься. Тогда Нестерка подумалъ: Минъ сказано, безъ року смерти не будетъ! и согласился идти въ дно, только съ тѣмъ, чтобы ему дали за это три корабля. Спустили его въ дно; тамъ дворецъ морского царя. Онъ вошелъ. Царь морской спорить съ гостемъ своимъ, польскимъ (т.-е. полевымъ) царемъ; увидѣлъ Нестерку, говорить: „Вы живете на землѣ, торгуете, промышляете; скажи намъ, разрѣши споръ, что дороже: золото да серебро или мѣдь да желѣзо“. Нестерка вспомнилъ второе слово и сказалъ: „И безъ того недѣля и бѣзъ другого; они въ равной ценѣ“. Тогда цари повеселѣли и царь морской сказалъ: „За тѣмъ я и корабли остановилъ, чтобы решить этотъ споръ“. Даль ему бочонокъ золота и сказалъ, что онъ послаетъ огурцы земному царю, чтобы не отобрали у него,—и отпустилъ. Нестерка поднялся на корабль, получилъ три корабля риженыхъ съ товарищами, и корабли пошли. На золото онъ купилъ еще кораблей и товару, и съ тридцатью кораблями вернулся къ женѣ. Она все еще живетъ въ худой избушкѣ. Зашелъ, видѣлъ, она спить съ двумя взрослыми мужчинами, одинъ по правую, другой по лѣвую руку. Онъ замахнулся саблей, но вспомнилъ третье слово: Подними, да на опусти! и остановился; разбудилъ жену и спросилъ ее, что это за люди; она сказала, что это его сыновья; онъ оставилъ жену беременной, когда уѣхалъ изъ дома. (Записано отъ В. Палкина въ городѣ Бійскѣ, Томск. губ.).

шить спасать корабль, тонущий въ водѣ, или возъ, завязшій въ тоцкомъ мѣстѣ. Въ монголобуддійскихъ легендахъ дѣла милосердія приписываются главнымъ образомъ богу Арья-Бало или Авалокитешварѣ; этотъ же богъ, подобно св. Николаю, по преимуществу представляется спасителемъ кораблей, тонущихъ въ морѣ.

2) Касьянъ хитрый обманщикъ; въ монгольскихъ сказкахъ это, какъ выше сказано, Балынъ-Сенге; и Монголы и Тибетцы утверждаютъ, что этотъ обманщикъ есть воплощеніе бога Арья-Бало.

Хотя пока не извѣстно ни одной легенды объ Арья-Бало, которая напоминала бы русскую о двухъ святыхъ, изъ которыхъ одинъ отзывчивый къ чужой бѣдѣ, другой нѣть, все же нельзя не принять къ свѣдѣнію, что въ монголотибетскомъ преданіи мы замѣчаемъ, какъ и въ русскомъ, какую-то связь между легендою о милосердіи богѣ, спасающемъ корабельщиковъ, и рассказами о хитромъ обманщикѣ¹⁾.

По одной монгольской сказкѣ хитрый Балынъ-Сенге обманываетъ Ерлика, царя ада; онъ преувеличиваетъ быстроту бѣга своего быка, промѣниваетъ его Ерлику на дракона, даетъ Ерлику молотокъ, чтобы бить по лбу быка, если тотъ будетъ тихо бѣжать, а самъ на драконѣ уѣзжаетъ въ адъ и садится на тронъ Ерлика. Когда Ерликъ пришелъ въ адъ, адскіе слуги приняли его за самозванца и бросили въ адскую яму, а Балынъ-Сенге воцарился на его мѣстѣ; такимъ образомъ эта сказка сливается съ хитраго обманщика Балына съ царемъ ада. Сходное сліяніе и въ русскомъ повѣрьѣ. По одной записи Касьянъ бьетъ безъ отдыху молотомъ сатану, и только 29 февраля, въ свои именины, прерываетъ эту работу, и сатана пользуется этимъ временемъ, чтобы лакостить людямъ; по другой записи черти бьютъ по головѣ Касьяна непрерывно въ теченіе четырехъ лѣтъ и только 29 февраля даютъ

1) Въ монголотибетскомъ преданіи милосердіе и обманъ приписываются одному и тому же лицу, хотя и являющемся подъ разными именами (Арья-Бало и Балынъ-Сенге), въ русскомъ же съ Касьяномъ связанъ только обманъ, а милосердіе усвоено св. Николаю, Касьянъ же описывается неизлѣчимъ. Но въ указанной выше сказкѣ въ собраниі Афанасьева (№ 203) Нестерикъ приписывается милосердный поступокъ: онъ подвезъ на своемъ возу безногаго человека; тогда какъ въ сказкѣ „Золотое стремя“ Нестерикъ является воровскимъ персонажемъ. И въ русскомъ преданіи, значитъ, есть случаи, когда милосердіе и обманъ пріурочиваются къ одному и тому же персонажу.

Касьяну отдыхъ. Народное повѣрье приписываетъ Касьяну демоническую природу; онъ сидить неподвижно съ опущенными рѣсицами (по-малорусски *віямы*) и только 29 февраляя его вѣки и рѣсицы поднимаются; тогда онъ смотрить на міръ, и все, на что онъ взглянетъ, гибнетъ—представленіе, напоминающее кельтское преданіе о Balor'ѣ¹⁾.

Г. Милорадовичъ, собиратель народныхъ преданій въ лубенскомъ уѣздѣ полтавск. губ., доставилъ мнѣ слѣдующее извѣстіе о Касьянѣ: „Касьянъ у земли стоитъ; єго ангелы забыты и у той день, якъ винъ прысне, подывятся на світъ, то на що подывятся, те буде мертвѣ. Сейчасъ єго ангелы двонадцять молотьямъ бьють и пидъ каменъ пидвернуть и запечатаютъ єго на три года“ (с. Вильшанка отъ Вѣричъ²⁾). „У касьяновскій (высокосный) годъ: 1) не можна братысь (вѣнчаться) и 2) молоко у коровъ одїмається“.

Идея о неподвижномъ положеніи въ трехъ случаяхъ связана съ именемъ Касьяна: 1) въ малорусскомъ повѣрье о св. Касьянѣ, неподвижно сидящемъ въ креслѣ, 2) въ новгородской сказкѣ о

1) См. H. D'Arbois de Jubainville, *Le cicle mythologique irlandais et la mythologie celtique*, Paris, 1884, p. 218. Балоръ (Balor) имѣть одинъ глазъ въ серединѣ лба, другой сзади головы. Взглядъ послѣдняго причиняетъ смерть. Балоръ держалъ его постоянно закрытымъ: открывалъ только, когда хотѣлъ освободиться отъ врага. Отсюда въ Ирландіи выраженіе „глазъ Балора“, *œil Balor*, то же, что французское „le shaunaïs œil“. Это взглядъ, который въ Mag-Tured'ской битвѣ поразилъ на смерть короля Nuada. Одинъ кузнецъ ударилъ Балора сзади въ его волшебный глазъ раскалившимся на огнѣ жезломъ и Балоръ умеръ (стр. 207). Славянское книжное повѣрье смертоносный взглядъ приписываетъ аспиду: „аще что любо навираєсть, то змираєсть“ (*Jagić Archiv*, XV, S. 248). Неподвижное положеніе, нарушеніе котораго влечетъ гибель людей, связано съ птицей Страғиль, сидящей на яицахъ посреди моря; когда она встрепенется, океанъ море воскомыхнется (Вост. мотивы, 650). Версіи имени: страхиль, естрағиль, кострохиль, аштраха, астрахтуръ. Ср. строфокамиль, стрыкокамиль, щръкокамиль, о которомъ повѣрье: птица не сидить на яицахъ, а не отрываясь смотрить за нихъ; какъ только отвернется, яйца портятся или ихъ похищаетъ аспина (аспидъ? *Jagić Archiv*, XV, 250). О заповѣди: „не оглядывайся“! см. Таиг.-тиб. окраина Китая, II, 41, 213, 337.

2) Вероятно, три года тутъ по ошибкѣ вместо четырехъ. Повидимому ангелы глубоко вгоняютъ Касьяна въ землю своими молотами, но онъ старается въ теченіе четырехъ лѣтъ вновь выѣзвѣти изъ-подъ земли подобно тому, какъ казакъ Амирланъ постоянно тянетъ цѣпь и пытается порвать ее; цѣпь становится тонкой, готова порваться, но въ извѣстный день въ году кузнецы бьють молотами по наковальямъ, и цѣпь становится снова толстой.

хитромъ Касьянѣ, караулящемъ шапку, и 3) въ былинѣ о сорока каликахъ, атаманъ которыхъ, Касьянѣ, былъ закопанъ въ землю.

Если действительно въ дохристіанскомъ преданіи былъ образъ, который одновременно далъ элементы и для рассказа о пройдошивомъ мужикѣ Касьянѣ, и для легенды о святомъ Касьянѣ, то значитъ, этотъ образъ имѣлъ двойственный характеръ въ родѣ ламайского божества Арыя Бало, бога свѣта, правды и человѣко любія, воплощеніе которого, однако, народное иовѣрье видѣть въ безпутномъ и плутоватомъ Балынѣ-Сэнгѣ (Вост. мотивы, 466). Такой же двойственный характеръ имѣть и герой монгольской книжной повѣсти о Гэсэрѣ-ханѣ; жизнь Гэсера распадается на двѣ части: въ первой, когда онъ носить название Джоро, это прудной характеръ, озорникъ, который издѣвается надъ своимъ дядей Чотономъ, подводитъ своихъ товарищей и т. п.; во второй— это богатырь, истребитель злыхъ существъ на землѣ, въ родѣ нашего Егорія Храбраго, защитникъ и покровитель правовѣрія. Кажется, такой же двойственный характеръ имѣлъ и Іегешуа средневѣковой ерейской легенды (Вост. мотивы, 493); одни преданія придавали ему, повидимому, свѣтлыхъ чертъ, другія описывали докучливымъ озорникомъ¹⁾. На существованіе въ древнемъ

1) Есть одинъ мотивъ, общий и Касьяну и Іегешуа. Касьяна, хотя и неправильно, обвинили и уличили въ покражѣ чаши и толпа каликъ бѣть его; егешуа похитилъ изъ храма имя Господне и за это толпа евреевъ побивала его камнями (Вост. мотивы, 494). Мотивы монголотибетской Гасврѣады находятся въ киргизскихъ сказкахъ о Козѣ и Козу-Курпешѣ; въ обоихъ сказанияхъ содержится сюжетъ о соперничествѣ изъ-за женщины; Кодаръ, врагъ Козу, повидимому, отвѣчаетъ Чотону, врагу Гэсера; обѣ отношенія Гасврѣады, а также тюркской сказки обѣ Идыгѣ, къ египетскому роману о двухъ братьяхъ см. въ Восточн. мотивахъ, стр. 684 и Ж.-В. Старина, 1897 г., вып. IV, статья „Тюркская сказка о Идыгѣ“ стр. 339). Въ концѣ сказки у Козу является другой противникъ Джиды бай; и догадываюсь, что это вставка изъ другого варианта, въ которомъ Кодаръ вполовину замѣнялся Джиды-баемъ. Судя по сказкѣ обѣ Идыгѣ съ формами Иды, Джиды соединялась роль не врага Козу-Курпеша, а роль его самого. Идыгѣ, когда ему вачила угрожать опасность, вылетѣлъ въ дымовое отверстіе юрты; то же самое при грозившей опасности сдѣмалъ и Козу; послѣ того, какъ Козу вылетѣлъ изъ юрты, сказка находитъ его за вершинѣ дерева; Кодаръ пускаетъ стрѣлу и заставляетъ его упасть с дерева на землю; въ ерейской легенда Іегешуа, убѣгая отъ ловящихъ его евреевъ, поднимается на воздухъ; Іуда спускаетъ его на землю, окрошивъ его нечистой жидкостью; случалось, въ которыхъ летающей противникъ визгѣденъ на землю при помощи дождя (мо-

народномъ повѣрьѣ такого двойственного персонажа указываетъ и русская сказка о кузнецѣ и чортѣ. Чортъ оказываетъ услугу кузнецу, вмѣстѣ съ нимъ перековываетъ старыхъ людей на молодыхъ и здоровыхъ; по уговору полученные деньги они дѣлать пополамъ; кузнечу стало жалко уступать половину, онъ отдѣлился отъ товарища, но одинъ ничего не могъ сдѣлать и только погубилъ людей и попалъ въ тюрьму; тогда чортъ выручилъ его, и съ той поры кузнечу стала относиться къ чорту почтительно. Тутъ очевидно чортъ въ роли бога. И дѣйствительно, въ вариантахъ на мѣстѣ чорта стоитъ Христосъ¹⁾.

жеть быть вызванного при помощи камня джеда или дзада), приведены именемъ въ ст. „Змѣй Горынычъ и Тугаринъ Змѣевичъ“ (Этнограф. Обоз. изв. XXIV, стр. 117). Касьяна обвиняютъ въ похищении чаши у жены Владимира; Гесарь похищаетъ у небожительницы не чашу, а драгоценности (Эрдени), но чаша фигурируетъ и тутъ; Гесарь подносить небожительницѣ семь чащъ съ виномъ; можетъ быть, чудесные силы, которыми были одарены Эрдени, приписывались также и чашамъ, и разсказъ былъ проще, вместо двухъ процессовъ добыванія: сначала чашъ, а потомъ чудодѣйственныхъ Эрдени, добывались только чудодѣйственные чаши. Касьяна за похищеніе чаши зарыли по поясъ въ землю и бьютъ; съ Гесаромъ было поступлено иначе; небожительница столкнула его съ неба,—казнь, напоминающая болѣе судьбу Езона, котораго жрецы обвинили въ покражѣ чаши изъ дельтойскаго храма и столкнули со скалы. Мотивъ вымогавшія секрета у матери, причиняя ей боль (зажимая ея руку съ накаленнымъ жаренымъ просомъ или прищемляя ея шею крышкой ящика) пристроенъ ко всѣмъ тремъ персонажамъ: и къ Гесару, и къ Козу и къ Іегешуа (Потанинъ Тагт.—тиб. окраина Китая, II, 119, и Вост. мотивы, 496).

¹⁾ Этотъ разсказъ принадлежитъ къ категоріи легендъ, культивирующихъ уваженіе къ святымъ изображеніямъ, куда относится также и легенда, указанная г. Аничковымъ, о патріархѣ Афанасіи. Одному благочестивому человѣку указано во снѣ заказать три иконы: Спаса, Богоматери и св. Николая; Афанасій, приглашенный на пиръ вмѣстѣ съ вселенскимъ соборомъ, отслужилъ молебенъ передъ двумя иконами, а икону св. Николая велѣлъ вынести вонъ и позывалъ святого „смердовичемъ“. Послѣ того корабли, на которыхъ плыть Афанасій со вселенскимъ соборомъ, стали тонуть; онъ взмолился Спасу и Богородицѣ, вселенскій соборъ былъ спасенъ, но корабль съ Афанасиемъ продолжаетъ тонуть; тогда онъ призывалъ св. Николая и „смердовичъ“ спасти его (Аничковъ, указ. ст., 22). Въ томъ же смыслѣ русская народная легенда у Афанасьевъ (пароди. русск. легенды, Лондонъ, 1859, стр. 141): Скупой человѣкъ далъ мужику въ долгъ денегъ, подъ порукою иконы св. Николая и не получивъ долга, топчетъ икону св. Николая или ковытъ ее на возвѣ по базару и бьетъ пластью; купеческий сынъ выкупаетъ икону. Святой является къ нему подъ видомъ нанимающагося приказчика, помогаетъ ему разбогатѣть, а потомъ

Опущенные вѣки всѣмъ извѣстны изъ повѣсти Гоголя: „Вій“ Содеряніе повѣсти такое: бурсакъ возить на себѣ вѣдьму; при помощи молитвы освобождается и въ свою очередь садится на нес и ёздитъ до тѣхъ поръ, пока она не упала замертво; передъ смертью она завѣщаетъ, чтобы надъ гробомъ ея читалъ этотъ самый бурсакъ; онъ читаетъ три ночи; покойница по ночамъ встаетъ изъ гроба; церковь, въ которой стоялъ гробъ, наполняется нечистыми духами; они летаютъ по церкви, но не видятъ бурсака; потому что онъ очертился кругомъ: на третью ночь они призываютъ на помощь Вія; у Вія желѣзное лицо и желѣзный палецъ (можетъ быть и все тѣло) и опущенные вѣки; нечистые поднимаютъ ему вѣки, Вій указываетъ пальцемъ на бурсака и тотъ падаетъ мертвый; раздается крикъ пѣтуха, черти бросились вонъ изъ церкви

помогаетъ излечить больную царскую дочь, на которой купеческій сынъ и женится. Въ другой легендѣ изъ Шенкурск. у. Арханг. губ. попъ осердился на св. Николая за то, что служилъ у него въ приходѣ и ничего не выслушивалъ, ударилъ святого ключами по пѣщіи и ушелъ изъ прихода; дорогой встрѣтился старца; это конечно былъ св. Николай; старецъ предложилъ попу ходить вмѣстѣ, излечить народъ, но съ условіемъ деньги дѣлить пополамъ; старецъ уводилъ больного или больную въ баню, разрубалъ на части, перемыкалъ ихъ, складывалъ и оживлялъ; жадный попъ хотѣлъ, чтобы все деньги доставались ему одному, взялся излечить безъ помощи старца, разрубилъ больную на части, по оживить не могъ; его повели въ висѣлицу, но старецъ ожидалъ разрубленную и спасъ попа (Афан., легенды. 119). Въ вариантахъ изъ Чистопол. у. Казанск. губ. также жаднымъ до денегъ изображается попъ, но чудеснымъ исцѣленіемъ производить Христосъ; св. Николай и тутъ упоминается; онъ сопутствуетъ Христу (ib., 15). Сюда же относится и сказка о кузнецѣ и чортѣ: сказка начинается разсказомъ о томъ, что у кузнеца была обычай, когда онъ утромъ входилъ въ кузницу, онъ каждый разъ билъ по лбу чорта изображеніе которого висѣло на стѣнѣ; чортъ, чтобы проучить кузнеца, принимаетъ видъ подмастерья и нанимается къ кузнецу на службу. Въ этой сказкѣ чортъ на мѣстѣ св. Николая, кузнецъ на мѣстѣ попа. Тотъ же смыслъ у чайской легенды объ Аю-бодисатвѣ (или Опо-нойонѣ; см. Очерки сѣв.-зап. Монг. IV, стр. 317); Аю вмѣстѣ съ своей матерью находить на степи человѣка, въ пыли, умирающаго отъ жажды; они очистили его тѣло, обмыли, заполнили его и отнесли въ тѣнистое мѣсто. Это бытъ богъ Бурханъ-бакши; впослѣдствіи богъ принялъ видъ коня, и въ этомъ видѣ привезъ Аю-бодисатвѣ венецъ, царскую дочь. Я думаю, что подъ тѣломъ, найденнымъ въ степи и покрытымъ пылью, надо подразумѣвать статую бога—предположеніе, что подъ именемъ Бурхана-бакши тутъ скрывается богъ Аря-Бало, было мнено высказано въ книгѣ „Вост. мотивы“, стр. 418.

но завязли въ окнахъ и дверяхъ. Повѣсть основана на народной сказкѣ, варианты которой у Афанасьева (Народн. русск. сказки) помѣщены подъ названіемъ: „Разсказы о вѣдьмахъ“ (№ 208) ¹⁾. Въ вариантѣ с волшебницей—королевской дочерью—умираетъ; ее три ночи отчитывается поповскій сынъ; ъзды на волшебницѣ нѣть; поповскій сынъ остается цѣль. Въ вариантѣ с волшебницей—купеческая дочь; вмѣсто поповскаго сына—„солдатъ“; волшебница хочетъ обратить солдата въ жеребца, но солдатъ предупредилъ—ее самой обратилъ въ кобылу, и ъздила на ней и бывъ осиновымъ полѣномъ до тѣхъ поръ, пока не убила; отецъ волшебницы заставляетъ солдата три страшныя ночи читать надъ покойницей. На третью ночь солдатъ спасается на печномъ столбѣ, прикрывшись сковородкой; черти не видятъ его; приходитъ „самый старый чортъ“ (персонажъ, отвѣчающій Вію Гоголя) и указываетъ имъ на солдата; они поджигаютъ столбъ, но раздается крикъ пѣтуха и они бѣгутъ.

Въ другихъ сходныхъ сказкахъ вмѣсто умершей волшебницы живая, но заколдованная—царевна или дѣвица; чтобы освободить ее отъ чаръ, нужно три страшныя ночи отчитывать ее или играть на скрипкѣ; въ № 152, вар. а, у Афанасьева солдатъ проводить три ночи во дворцѣ, играя на скрипкѣ; черти пугаютъ его бурей, громомъ и другими ужасами; является „дѣдушка“ чертей и велитъ устроить кузницу; чтобы донять солдата накаленными прутьями. Въ этомъ вариантѣ заколдованное состояніе королевны выражалось тѣмъ, что тѣло ея было черное; послѣ трехъ ночей солдатскаго труда тѣло ея побѣлѣло. Въ № 90 черти не даютъ царевнѣ спать по ночамъ; избавляетъ ее солдатъ. Въ № 91 чертъ мучаетъ королевну; избавляетъ солдатъ.

Отъ крестьянки села Павлова Нижегородской губерніи, Авдотьи Артамоновны Грузинцевой я записала сказку, въ которой трудъ избавителя не ограничивается однимъ отчитываніемъ или бѣніемъ у гроба, а за нимъ слѣдуетъ еще очищевіе утробы царевны. Расскашница озаглавила сказку: „Николай чудотворецъ и

1) О параллельныхъ къ гоголевскому „Вію“ см. въ статьяхъ: 1) Сумцовъ, Параллели къ повѣсти „Вію“, въ „Кievskой Старинѣ“, 1892, III, 472 и 2) Милорадовичъ, къ вопросу объ источникахъ „Вія“, въ „Kievsk. Starinѣ“, 1896 г., IX, 46—48. Г. Сумцовъ указываетъ между прочимъ на польскую сказку о Балорѣ.

отрокъ". Одинъ стариочекъ спасался въ келейкѣ, къ нему ходилъ одинъ бѣдный отрокъ. Однажды отрокъ говорить старцу: нанялся бы я въ кашевары на корабль, да боюсь. Не бойся, сказалъ стариочекъ. Я тебѣ помогу. Я вмѣстѣ съ тобой пойду, только ты меня называй отцомъ и слушайся. Отрокъ обѣщалъ все дѣлать, хоть въ воду идти. Приплыли въ одно царство на *трехъ* корабляхъ, а тамъ у царя умерла дочь; каждую ночь къ ея трупу въ церковь посыпаютъ караульщика и караульщикъ уже не возвращается; она ъесть ихъ. Царь позволяетъ купцамъ торговаться, но подъ условiemъ—каждый изъ *трехъ* купцовъ долженъ по ночи простоять у царевны. Приходитъ первый купецъ къ старику и говоритъ: дѣдушка, пошли своего отрока караулить царевну, весь корабль ему отдамъ. Дѣдушка говоритъ отроку: ступай, пока-*раулы!*—Страшно, говоритъ, батюшка!—Ничего, не бойся! Ты *змѣй* помолись, а я здѣсь за тебя помолюсь, того пуще и ничего не буде. Вѣдь ты обѣщалъ въ воду идти, если прикажу, а я въ воду посылаю, въ церковь; въ водѣ утонешь.—Отвѣтъ стариекъ отрока въ церковь, очертилъ его кругомъ и далъ ему книгу; отрокъ грамотѣ не зналъ; онъ велѣлъ ему смотрѣть въ книгу, читать молитвы, а по сторонамъ не смотрѣть; „а то цѣль не будешь стоять". Отъ двѣнадцати часовъ до заутрени онъ долженъ былъ стоять. Царевна лежала въ гробу, подвѣшенному на желѣзныхъ рельсахъ; рели загремѣли, гробъ спустился, царевна вышла и началья бросаться, а въ кругъ попасть не могла. Пришелъ пономарь, виноватъ человѣка живымъ, доложилъ попу, тотъ владыкѣ, владыко царю; пришелъ самъ царь посмотреть. На другую ночь отрокъ идетъ за другого купца, на третью за третьяго. Въ послѣднюю ночь царевна бросилась изъ гроба и прямо попала въ кругъ; онъ читаетъ правую стравницу, она лѣвую. Приходитъ на утро пономарь, опять докладываетъ по порядку. Приходитъ царь и видитъ стоять отрокъ и рядомъ съ нимъ его дочь, живая. Она говоритъ: Батюшка, это мой спаситель! Я иду за него замужъ.—Ихъ обѣничали; сколько пожили, дѣдушка говоритъ: теперь тебѣ сыночъ, пора домой отправляться.—Поехали домой. Остановились въ полѣ ночевать. Стариекъ и говоритъ отроку: Сыночъ! ты не одинъ заработалъ это богатство; ты молился, а я пуще тебя. Давай дѣлить его!—Что-жъ, батюшка! говоритъ отрокъ. Дѣли, какъ знаешь.—Стариекъ отдѣлилъ себѣ половину и говоритъ: И жена

твоя должна быть вмѣстимая. Отрокъ задумался.—Что жъ задумался? али жалко ее?—Отрокъ говорить: Да какъ же живого человѣка дѣлить?—Раздѣлимъ пополамъ.—Дѣли, батюшка, какъ знаешь.—Старикъ положилъ жену на землю, три раза провелъ ножомъ по ея брюху, разрѣзаль ее пополамъ, вырѣзаль изъ ея утробы дьявольское гнѣздо и ввергъ въ море, снова сложилъ обѣ половины и стала она живою. Вотъ, сказаль старикъ, твоя жена; теперь она никогда не будетъ больною. Владѣй и всѣмъ этимъ богатствомъ, только не забывай молиться Николаю чудотворцу; самъ съ тобой былъ¹⁾.

Псѣцленіе больвой женщины входитъ въ составъ сказки „Кривда и Правда“ (у Афанасьева № 66). Въ вариантахъ *a* царевну десять годовъ мучаетъ бѣсъ, никто не можетъ его изъ нея выгнать; герой сказки достаетъ образъ Смоленской Божьей Матери, опускаетъ его три раза въ воду и этою водою омываетъ больную; вражья сила клубомъ вылетѣла изъ нея. Въ вариантахъ *c* царевну сосутъ по ночамъ семьдесятъ семь чертенятъ; герой сказки вылѣчиваетъ ее тѣмъ, что срываетъ жаръ-цвѣтъ (есть такой цветъ, когда онъ цвѣтеть, море колыхается). Въ вариантахъ *c* царевна ослѣпла; ее исцѣляютъ травой; въ вариантахъ *d* дочь одного барина изсушена нечистымъ духомъ; герой сказки купаетъ ее въ отварѣ какой-то травы и она выздоравливаетъ; въ вариантахъ *d* герой сказки подслушиваетъ разговоръ трехъ старцевъ и узнаетъ изъ него причину болѣзни царевны, которою она три года больна; царевна уронила крошку просвиры, эту крошку подхватила лягушка и съѣла; нужно добыть эту крошку изъ лягушки, скормить царевнѣ и она выздоровѣеть. Въ подстрочномъ варианте заклятая царевна людей пожирала; нужно достать животворный

¹⁾ Въ монгольскомъ преданіи мотивъ очищенія утробы, повидимому,想起了ся Аря-Бало. Мечеха-вѣдьма преслѣдуетъ пасынка и падчерицу или двухъ пасынковъ, велитъ убить ихъ; но пажи пожалѣли дѣтей и дали имъ возможность убѣжать; потомъ одинъ изъ нихъ (царевичъ Ойо—Чикиту), выросши на сторонѣ, возвращается во дворецъ, застаетъ отца-хана еле живымъ, убийца вѣдьму, курить во дворцѣ травами, поитъ хана молокомъ и такимъ образомъ очищаетъ его отъ вредныхъ заразъ, напущенныхъ вѣдьмой. (Bergmann, Nomadische Streifereien unter d. Kalmuken, Riga, 1805; Потапій Старкій с. в. Монг., IV, 253). Бергманъ говоритъ, что сама редакція заявляетъ, что Ойо—Чикиту есть воплощеніе бога Аря - Бало.

крестъ, который скрыть въ горѣ, и имъ благословить больную; герой сказки достаетъ крестъ, идетъ на съѣденіе царевнѣ вмѣсто другого лица, которому выпалъ жребій, и исцѣляетъ царевну. Потомъ во всѣхъ вариантахъ царь выдаетъ свою дочь замужъ за ея исцѣлителя.

Вариантъ этой сказки записанъ на Кавказѣ; подобно, какъ въ русской сказкѣ „Правда и Кривда“, и здѣсь два брата, богатый и бѣдный, и, какъ тамъ, богатый выткнулъ глаза бѣдному; бѣдный попадаетъ въ пещеру говорящихъ звѣрей (У Афанасьевы вмѣсто звѣрей черти или нечистые духи, но въ одномъ варианте, именно f, тоже звѣри) и уноситъ у чихъ яму съ золотомъ, и ткань, дающую пищу, и узнаетъ секретъ о деревѣ, исцѣляющемъ болѣзни; при посредствѣ этого секрета онъ вылечилъ больного князя. (Сборникъ евѣдѣній о кавказск. горцахъ, вып. III, Осетинскія сказанія, стр. 10—14).

Осетинская сказка представляетъ переходъ къ сказкамъ о трехъ талисманахъ, изъ которыхъ одинъ исцѣляетъ больную царевну. Помѣщаю здѣсь цѣликомъ въ „приложеніи“¹⁾ вариантъ этой сказки, записанный г. Лесевичемъ отъ крестьянина Чмыхала въ селѣ Денисовкѣ, лубенск. у., полтавск. губ., и нигдѣ еще не напечатанный.

У Афанасьевы напечатано три варианта этой сказки, изъ которыхъ одинъ записанъ въ Орловской, другой въ Архангельской губ.; третій безъ указанія мѣста записи; сказкѣ дано название „Рога“ (№113). Въ орловскомъ варианте герой называется батракомъ, въ архангельскомъ Мартышкой, въ третьемъ „дохторомъ“. Въ орловскомъ пріобрѣтаются три талисмана: скатерть-самобранка, коверъ-самолѣтъ²⁾ и салоги-скороходы; въ архангельской кошелекъ, въ которомъ не убываетъ золото, однозолотныя карты, въ которыхъ никогда не проиграешься; въ третьемъ варианте у дохтора были три вещи: шапка-невидимка, неисчерпаемый кошелекъ и тросточка, отъ удара которой по землѣ являются три молодца и начинаютъ служить. Царская дочь выигрываетъ талисманы въ карты; прежний ихъ обладатель, скитаясь въ полѣ, находить двѣ яблони; отъ съѣденаго яблока съ одной изъ нихъ тѣло царевны обро-

¹⁾ См., стр. 116—124.

²⁾ Коверъ, следовательно, на мѣстѣ коня Гиверя полтавской сказки.

стаетъ рогами, отъ яблоковъ съ другой пропадаютъ. Въ архангельскомъ варіантѣ Мартышка сначала одѣвается маркизантомъ, про дающимъ яблоки, а когда у царевны выросли рога, онъ одѣвается докторомъ, идетъ мимо дворца и выкрикиваетъ: „Нѣтъ ли дохтуру работы?“ Въ третьемъ варіантѣ вмѣсто яблонь три куста, одинъ съ черными, другой съ красными, третій съ бѣлыми ягодами; бѣлые ягоды исцѣляютъ царевну. Во всѣхъ варіантахъ мнимый докторъ ведеть царевну въ баню, сначала наказываетъ ее за отобранные талисманы, бѣть ее желѣзными прутьями, а потомъ даетъ яблоко или ягоды, отъ которыхъ рога сваливаются.

Въ бѣлорусскомъ варіантѣ изъ рогаческаго уѣзда (Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, в. III, № 23 „Роги“, стр. 181—186) отецъ, умирая, надѣляетъ своихъ трехъ сыновей подарками, ко торые хранились у него въ скрынѣ на морскомъ островѣ подъ зеленомъ дубомъ; старшему сыну онъ далъ неисчерпаемую трубочку, среднему рожокъ: затрубиши, изъ него пойдетъ войско, и младшему рушникъ, который переносить, куда захочешь. Млад шій братъ играетъ съ царевной картежницей и она овладѣваетъ всѣми тремя подарками. Ограбленный и прогнаный человѣкъ находитъ яблоню, отъ яблоковъ которой наростаютъ на тѣлѣ рога, и другую, отъ яблоковъ которой рога отпадаютъ. Царевна обросла рогами; ограбленный ею человѣкъ берется излѣчить ее; онъ читаетъ надъ ней книгу, возвращаетъ отобранные подарки, ведеть ее въ баню, бѣть ее и потомъ даетъ яблоковъ, снимаю щихъ рога.

Въ смоленскомъ варіантѣ (Добровольскій, Смоленскій Сбор никъ, ч. I, Спб., 1891, № 27, стр. 561—568) курица снесла яйцо; кто съѣсть крылышко цыпленка, у того подъ головой поспѣ спа будетъ являться сто золотыхъ. Съѣвшій крылышко мальчикъ изгнанъ, дошелъ до царя; царевна играетъ съ нимъ въ карты, обыграть не можетъ, у него денегъ безъ конца; она вырвала у него у пьяного косточку изъ-подъ бороды и прогнала его. Она встрѣчаетъ людей, спорящихъ о трехъ вещахъ: шапкѣ-невидимкѣ, мошнѣ-трасейкѣ и плети. Но и эти вещи отбрала царевна. Далѣе разсказъ о двухъ сортахъ яблоковъ; одно яблоко съѣль, на на лбу выросъ рогъ, съѣль другое, рогъ отпалъ. И у царевны послѣ съѣденнаго яблока выросъ рогъ. Обиженный ею человѣкъ снялъ съ нея рогъ, потомъ ударилъ ее „батауѣмъ“; она обрати

лась въ кобылицу, а онъ, надѣвъ шапку-невидимку, убѣжалъ. Конецъ: отъ удара плетью царевна снова принимаетъ человѣческій образъ и выходитъ замужъ за обиженнаго ею человѣка.

Вологодскій варіантъ (Іваніцкій, Матеріалы по этнографії вологодской губерніи, въ Извѣстіяхъ Имп. Общества любит. естествозн. антроп. и этн. при московскомъ университѣтѣ, т. LXIX; Труды этнogr. Отдѣла т. XI, вып. 1, стр. 166—168): Кто съѣсть голову птицы, будетъ плевать червонцами; царевичъ, съѣвшій ее, бѣжалъ изъ отцовскаго дома. Внучка волшебницы лята игралъ въ карты; не можетъ его обыграть; напоила виномъ, и все, выключнутое имъ, съѣла, самого прогнала. Онъ встрѣчаетъ чертенятъ, спорящихъ изъ-за кошелька-самотряса, но картежница отнимаетъ у него кошелекъ; царевичъ пріобрѣтаетъ отъ чертей же коверъ-самолотъ, и когда царевна всходитъ на коверъ, имъя заднюю мысль снова напоить его виномъ, онъ произносить: „коверъ, неси выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго“. Коверъ занесъ ихъ на островъ; здѣсь дѣвица-картежница вытащила коверъ изъ-подъ сонного царевича и вернулась на немъ домой. Царевичъ слышитъ разговоръ трехъ голубей о трехъ вѣткахъ: одна можетъ обратиться въ мостъ, другая въ карету, запряженную тройкой лошадей, третья въ золотую уздечку, накинешь на дѣвицу, дѣвица обратится въ кобылицу. Царевичъ заломалъ три вѣтви, перѣѣхалъ въ каретѣ по мосту и накинулъ на внучку волшебницы уздечку, обратилъ ее въ кобылицу, помучилъ ее ъздой на ней, вновь сдѣлалъ дѣвицей и женился на ней.

Въ армянской сказкѣ (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстн. и плем. Кавказа, вып. XXVIII, отд. II, стр. 80) два брата, съѣдающіе головку и сердце птицы; кошелекъ съ золотомъ, появляющійся всякий разъ послѣ сна; царевна, играющая въ карты; четыре диковинки, которыхъ не могутъ раздѣлить дѣвы: 1) сабля, отъ удара которой является все, что захочешь, 2) коверъ, уносящій куда хочешь, 3) скатерть и 4) феска-невидимка; яблочки, отъ которыхъ человѣкъ становится вверхъ ногами, листья травы. „Эвлицагика“, употребляемой на вѣнки, которые исцѣляютъ болѣзни, проишшедшую отъ яблоковъ; обувь изъ „Заячьей травы“, въ которой можно перейти черезъ море; обращеніе царицы въ бѣлую ослицу.

Сказку съ подобнымъ сюжетомъ я записалъ въ г. Тарсандо

(Да-цзянъ-лу) на восточной окраинѣ Тибета, отъ гуртунъ-ламы изъ ламайскаго монастыря Дочжичжа, находящагося въ окрестностяхъ Тарсандо. Это одна изъ главъ сборника тибетскихъ сказокъ въ родѣ монгольского сборника Шиддикуръ.

Были три товарища: сынъ царя, сынъ вельможи и сынъ тархана (мастера)¹). Они сговорились странствовать и предварительно посадили три дерева и заключили договоръ, что они разойдутся по разнымъ дорогамъ, чтобы чему-нибудь научиться, что если кого изъ нихъ въ дорогѣ постигнетъ весчастье, дерево, посаженное тѣмъ человѣкомъ, посохнеть, и что если кто изъ нихъ вернется къ деревьямъ и увидитъ посохшее дерево, долженъ идти и выручить товарища изъ бѣды. Они разошлись по разнымъ дорогамъ; сынъ царя женился на царской дочери и остался жить въ домѣ ея родителей; сынъ вельможи женился на дочери вдовы и также остался въ домѣ жены. Сынъ тархана встрѣтилъ на своемъ пути толпу тирановъ²), которые о чёмъ-то спорили. „О чёмъ вы спорите?“—спросилъ ихъ сынъ тархана. Тѣ говорятъ: Мы нашли шапку, палку и мѣшокъ и не можемъ раздѣлить. „Дайте, я вамъ раздѣлю эти вещи. Оставьте ихъ здѣсь, а сами отойдите подальше и оттуда пуститесь въ бѣгъ; кто первый прибѣжитъ ко мнѣ, тому я и отдамъ вещи“. Тираны согласились, оставили вещи около сына тархана, а сами поплыли на указанное вдали мѣсто. Въ это время сынъ тархана надѣлъ на себя шапку и сдѣлался невидимъ; онъ взялъ палку и мѣшокъ и пошелъ прочь. Тираны прибѣжали, вещей нѣть и не знаютъ, куда ушелъ сынъ тархана, потому что его въ шапкѣ-невидимкѣ не было видно. Сынъ тархана идетъ со своими вещами дальше и видѣть, какою-то человѣкъ идетъ съ двумя дѣтьми, сыномъ и дочерью. Этотъ человѣкъ подошелъ съ своей семьей къ дереву, на которомъ росли плоды, поднялъ съ земли красныя листья, потеръ ими себѣ лицо и обратился въ обезьяну, залѣзъ на дерево, началъ срывать плоды и бросать внизъ своимъ дѣтямъ. Сынъ тархана, не снимая своей шапки-невидимки, принялъся собирать падающіе плоды. Потомъ

¹⁾ Лама былъ уроженецъ Тарсандо, но онъ впалъ монгольский языкъ и рассказывалъ сказку по-монгольски. По-монгольски тарханъ значить кузнецъ, а также мастеръ, художникъ.

²⁾ Тиранъ-дьяволъ, злое существо.

обезьяна спустилась съ дерева, подняла съ земли бѣлые листья, потерла себѣ ими лицо и обратилась въ человѣка, человѣкъ этотъ осмотрѣлся вокругъ и не видѣть ни одного плода изъ тѣхъ, которые онъ сбросилъ съ дерева. Онъ подивился, потому что не видѣлъ никого, кромѣ своихъ дѣтей. Сынъ тархана взялъ себѣ красныхъ и бѣлыхъ листьевъ. Дочь этого человѣка понравилась сыну тархана и ему захотѣлось овладѣть ею. Онъ просилъ ея отца выдать за него дочь; тотъ не согласился. Тогда онъ взялъ свою палку, отнятую у тирановъ, и сказалъ: „Отнеси меня съ этой дѣвицей на пустой островъ!“ Тотчасъ же онъ вдвоемъ съ дѣвицей очутился на островѣ, гдѣ, кромѣ нихъ, другихъ людей вѣбывало и на которомъ росли всякие плоды въ изобилии. Стали они вдвоемъ жить и прижили ребенка.

Сынъ тархана отправился за яйцами птицы Гаруди, гнѣздо которой находилось на островѣ. Жена догадалась, что палка ея мужа отличается чудеснымъ свойствомъ, въ отсутствіе его взяла ее въ руку и сказала: „Перенеси меня къ моему отцу вмѣстѣ съ моимъ ребенкомъ“. И тотчасъ она была перенесена на родину. Сынъ тархана добылъ три яйца птицы Гаруди; приходить, ни жены, ни ребенка, ни палки нѣть. Сынъ тархана началъ высаживать трехъ птенцовъ; одного кормилъ мясомъ, другого сухожильемъ, а третьяго костями. Когда птенцы выросли, овъ сначала испыталъ того, котораго кормилъ мясомъ; онъ привязалъ ему камень на шею; эта птица была не въ силахъ перелетѣть черезъ море, упала на половинѣ дороги и погибла. Тогда онъ пустилъ съ камнемъ на шеѣ другую птицу, выкорыщенную сухожильемъ; и эта не могла перелетѣть черезъ море и также погибла. Только третья птица, выкорыщенная костями, перелетѣла черезъ море; когда она вернулась на островъ, сынъ тархана сѣлъ на нее, и она перенесла его на другой берегъ моря.

Сынъ тархана приходитъ туда, гдѣ живетъ его жена: ему нужно вновь завладѣть чудесной палкой. Подошедши къ дому жены, онъ принялъ видъ ламы, началъ бить въ бубенъ и читать „лучинъ“. За ворота выбѣжали дѣти его жены. Онъ потеръ имъ лица красными листьями и они обратились въ обезьянъ. Когда они прибѣжали къ матери, та не знаетъ, что случилось съ ея дѣтьми. Она выходитъ изъ дома, видѣть ламу и спрашиваетъ, не можетъ ли онъ объяснить, отчего случилось съ ея дѣтьми такое превра-

щеніе. Лама говоритъ, что въ ся домѣ находится вещь, привнесенная изъ-за моря, и что отъ присутствія этой-то вещи и случилось несчастье съ ея дѣтьми; нужно только выбросить ее изъ дома и дѣти примутъ прежній видъ. Тогда жена его, не узнавши въ ламѣ своего мужа, выбросила палку. Послѣ этого лама потерялъ лица дѣтей бѣлыми листьями, они стали опять людьми. Затѣмъ сынъ тархана взялъ выброшенную палку и пошелъ прочь.

Въ монгольскомъ сборникѣ „Шиддакуръ“ эта сказка составляеть II-ю главу („Шиддикуръ“, перев. Г. Гомбоева въ Этнограф. Сборн., изд. И. Русск. Географ. Общ., т. VI, Спб., 1864 г., стр. 16). Посадки деревьевъ въ монгольской редакціи нѣть¹⁾, начинается сказка иначе. Две лягушки, золотая и синяя, заградили источникъ воды, и жители царства, чтобы получить воду, ежедневно отдавали человѣка на съѣденіе лягушкамъ; идетъ наконецъ на съѣденіе царевичъ, его сопровождаетъ его другъ; изъ подслушанаго разговора лягушекъ они узнаютъ, что, кто поѣсть ихъ мясо, будетъ выпускать изо рта золото и бирюзу; товарищи убили лягушекъ, поѣли ихъ мясо, начали искать и ронять золото и бирюзу. Затѣмъ товарищи попадаютъ къ женщинамъ, которыхъ спаиваютъ ихъ виномъ, чтобы побольше извлечь изъ нихъ золота и бирюзы; догадавшись о хитрыхъ планахъ этихъ жадныхъ женщинъ, товарищи убѣгаютъ отъ нихъ; дорогой встрѣчаютъ мальчиковъ, которые спорятъ изъ-за найденной шапки-невидимки (видунъ туйтукичи), потомъ другую толпу, спорящую изъ-за сапоговъ-скороходовъ; товарищи приобрѣтаютъ эти вещи хитростью; предлагаютъ спорщикамъ бѣжать въ запуски, а сами покрываются шапкой и удаляются.

Добывъ эти вещи, они пожелали очутиться въ царствѣ, где требуется новый хаганъ (царь), и тотчасъ же были доставлены въ такое царство. Они были перенесены въ дупло дерева, на которое съ неба спустилась дурма (конусообразное тѣсто, приносимое въ жертву). Народъ принялъ эту дурму за указаніе свыше, и одного изъ мальчиковъ избрали въ хаганы²⁾; другой товарищъ отправ-

¹⁾ Этотъ мотивъ въ монгольскомъ сборникѣ перенесенъ въ I главу (стр. 11).

²⁾ Вероятно уже въ разговорѣ лягушекъ заключалось предсказаніе, что кто поѣсть мяса лягушки (вероятно одной изъ нихъ, золотой?), тотъ сдается ипотокъ царемъ.

вился странствовать; въ какомъ-то монастырѣ онъ укралъ изображеніе осла, посредствомъ котораго можно было обращать человѣка въ осла, и съ этимъ талисманомъ онъ оторвался къ тѣмъ жаднымъ женщинамъ, которыхъ спаивали двухъ товарищами, чтобы воспользоваться золотомъ и бирюзой¹⁾). Отъ поворота бумажки съ изображеніемъ осла обѣ женщины превратились въ ослиц; три года ослицы должны были возить тяжести, и спины ихъ покрылись ранами; отъ нового поворота бумажки они снова стали женщинами²⁾.

Къ разсказу обѣ исцѣлениіи болѣзни ближе эпизодъ, которымъ кончается IV глава Шиддикура. Это сказка о глупомъ или простоватомъ человѣкѣ, который по недоразумѣнію попалъ въ захары и случайно излѣчиваетъ царскаго сына. Было семь братьевъ царевичей; ракшаса (вѣдьма), принявъ видъ красивой женщины и обративъ своего мужа въ буйвола, вышла на встрѣчу братьямъ; они взяли ее въ свой домъ, послѣ чего братья однѣ за другимъ стали умирать; шесть умерло, остался седьмой, но и тотъ заболѣлъ. Призвали мнѣмаго захаря; тотъ въ изголовье больного поставилъ дурму, и воткнулъ въ нее свою палку, а на верхній конецъ ся надѣль свинью голову, и сталъ читать заклинанія, но потомъ пустился бѣжать изъ дворца и спрятался въ хлѣвѣ; здѣсь онъ послушалъ разговоръ ракшасы съ буйволомъ, узналъ, кто виновники болѣзни царевича и приказалъ сжечь буйвола и ракшасу на кострахъ, послѣ чего больной выздоровѣлъ.

Я записалъ въ Монголіи разсказъ, близкій къ II-й главѣ Шиддикура, но не тождественный. (Очерки с. з. Монголіи, II, 163, 164). Банди (молодой монахъ) встрѣтилъ людей, спорящихъ изъза Эрдени; онъ предложилъ имъ пуститься въ бѣгъ, а самъ проглотилъ Эрдени (драгоценный камень) и убѣжалъ отъ нихъ; послѣ этого онъ сталъ ронять изо рта и сорить золото; царская дочь велѣла связать его подпругой, напоить соленой водой и бить, камень вылетѣль изъ него³⁾, и царевна проглотила его. Банди на-

¹⁾ Вѣроятно, женщины были болѣе виноваты, чѣмъ представлено въ сказкѣ Шиддикура; она вѣроятно совсѣмъ лишила человѣка способности выпускать изо рта золото и бирюзу.

²⁾ Въ Гесеріадѣ лама-волшебникъ обращаетъ Гесера въ осла, и на неѣ возятъ тяжести.

³⁾ Здѣсь женщина наноситъ молодому человѣку болѣе чувствительный ударъ, чѣмъ въ тибетской сказкѣ.

шель средство наказать ее; у него было въ рукахъ письмо, отъ чтенія которого царевна превратилась въ ослицу¹⁾). О возвращеніи въ прежній видъ этотъ вариантъ не говоритьъ.

Другой вариантъ, записанный у дархатовъ (Оч. с. з. Монг., IV, 535—539) начинается, какъ и II-я глава Шиддикура, разсказомъ о съѣденномъ мясѣ, одаренномъ особеннымъ свойствомъ, о съѣденныхъ головкѣ и крылышкахъ воробья. Съѣвшій головку молодой человѣкъ получилъ удачу въ торговлѣ, но одна дѣвица опоила его виномъ; съ нимъ случилась рвота и головка воробья выпала изъ его рта. Затѣмъ онъ встрѣчаетъ семь братьевъ, которые спорятъ изъ-за отцовскаго наслѣдства, состоявшаго изъ трехъ шаеуц: шапки невидимки, ящика, дающаго все, чего захочешь, и посоха, съ которымъ можно по водѣ ходить. Слѣдуетъ бѣгъ братьевъ взапуски; молодой человѣкъ уноситъ вещи, но та же дѣвица опять отнимаетъ ихъ у него, а его самого велитъ выбросить въ поле. Въ наказаніе за это онъ потомъ обращаетъ ее въ лошадь въ то время, какъ она купалась вмѣстѣ съ семью своимъ служанками; это онъ дѣластъ при помощи цветовъ. Потомъ, по просьбѣ отца дѣвицы, молодой человѣкъ возвращаєтъ ей чело южескій видъ и отецъ выдастъ ее за него замужъ.

Угрорусская сказка о диковинкахъ, записанная Верхратскимъ (Записки научового товариства имени Шевченка, т. XXIX (1899, т. III), Львовъ, стр. 132²⁾) не имѣть эпизода о рогахъ или обѣ обращеніи царевны въ кобылицу. Три голубки, три обращенные дѣвицы посадили середи царскаго двора грушу; царскій сынъ Юрко сталъ ходить къ нимъ спать подъ грушей; когда царская служанка, подосланная царемъ, отрѣзала у старшей изъ дѣвицъ косу, голубки улетѣли. Царевичъ идетъ искать дѣвицъ; встрѣчаетъ трехъ братьевъ, у которыхъ умеръ отецъ и оставилъ двѣ вещи: шапку, положивъ на голову, тебя не видно, и колесо, встань на него и скажи: де хбчю, там скбчю! оно туда и скочить; братья дрались изъ-за шапки и колеса; царевичъ берется разсудить ихъ, садится на колесо, переносится къ тремъ дѣвицамъ и женится на старшей изъ нихъ.

1) Царевну въ это время сопровождало семь служанокъ.

2) Я помышляю эту сказку не въ ряду русскихъ и малорусскихъ, а послѣ монгольскихъ и тибетскихъ потому, что о деталяхъ ея можно говорить, только ознакомивъ прежде съ монгольскими и тибетскими версіями.

Въ угрорусской сказкѣ слиты мотивы о трехъ диковинкахъ (въ угрорусской только двѣ, третья пропущена) съ мотивами изъ I-й главы монгольского Шиддикура; шестеро товарищѣ воткнули при устьѣ одной рѣки шесть прутиковъ, чтобы выросли деревьями, и разошлись; одинъ изъ нихъ нашелъ на своемъ пути дѣвицу и стала жить съ ней; ея перстень былъ смесень рѣкой и попался въ руки царю, и царь отобралъ женщину у молодого человѣка. Въ другихъ сходныхъ сказкахъ (Очерки с. з. Монголія, IV, 240., Тангутотиб. окраина Китая, II, 148) рѣка сносить къ царскому дворцу не перстень, а волосы, которые дѣвица вычесала изъ своей головы и которые ея мужъ опустилъ въ рѣку; въ угрорусской сказкѣ осыпавшіеся отъ чесанья волосы обратились въ отрѣзанную косу; разлука съ молодымъ человѣкомъ представлена не въ видѣ насилия со стороны царя, какъ въ Шиддикурѣ, а въ видѣ послѣдствія обиды. Шестеро товарищѣ въ Шиддикурѣ вновь соединяются и летятъ на деревянной птицѣ Гаруди отнимать женщину у царя. Въ угрорусской сказкѣ на мѣстѣ птицы Гаруди колесо, въ тибетской изъ Тарсандо птенецъ птицы Гаруди; въ русскихъ сказкахъ можетъ быть родственный образъ надо видѣть въ коврѣ-самолетѣ (въ тибетской на этомъ мѣстѣ трость), въ малорусской изъ полтавск. губ. въ конѣ Гиверѣ.

Сказки эти основаны на народныхъ повѣрьяхъ о болѣзняхъ. Въ приведенныхъ сказкахъ болѣзнь или причиняется дѣйствіями нечистыхъ силъ, или насыщается человѣкомъ, обладающимъ знаніемъ скрытыхъ силъ природы. Въ одномъ случаѣ симптомы болѣзни принимаютъ сверхъестественную форму; тѣло обростаетъ рогами; въ другихъ случаяхъ они болѣе реальны; женщину мучить бѣсь, сушить ея тѣло, по ночамъ мучить ее безсонницей; такимъ воздействиѳмъ нечистыхъ духовъ народное повѣрье объясняетъ происхожденіе нѣкоторыхъ внутреннихъ болѣзней; когда больной женщины дано лѣкарство, нечистая сила выходитъ изъ нея клубкомъ; иногда, какъ мы видѣли, цѣлитель разрѣзываетъ животъ больной и вычищаетъ внутренности отъ заведшихся въ нихъ гадовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣзнь еще проще: это слѣпота; въ одномъ случаѣ (въ норвежской сказкѣ, приведенной Афанасьевымъ въ примѣчаніи къ № 66, т. е. къ сказкѣ „Правда и Кривда“, н. Р. ск., т. I, стр. 108) царская дочь глухонѣмая, онѣмѣла оттого, что уронила крошку св. хлѣба, а жаба ее проглотила.

Иногда больная представляется уже мертвою, она лежит въ гробу, въ церкви, но это какъ будто только обмирание, временная смерть; отчитываніе въ теченіе трехъ ночей воскрешаетъ мнѣмо умершую. По шаманскому повѣрью болѣзни и смерть происходить оттого, что злые духи, слуги или послы Ерлика, царя ада, овладѣваютъ душой человѣка въ то время, какъ она отдѣлилась отъ тѣла (во время сна); человѣкъ, оставшійся безъ души, заболеваетъ смертельно. Призываются шаманъ, который начинаетъ бормотать заклинанія и бить въ бубенъ, чтобы отнять душу у нечистыхъ духовъ и прогнать ихъ; духи ведутъ борьбу съ шаманомъ, но бормотаніе заклинаній даетъ шаману перевѣсь. Въ вариантахъ, въ которыхъ царевна является умершою, она выдается часто за вѣдьму; она пожираетъ людей; вѣроятно не она сама, а злой духъ, вселившійся въ ея тѣло.

Процессъ исцѣленія различный; если царевна представлена мертвою, то ее нужно отчитывать въ теченіи трехъ ночей или просто только караулить три ночи ея гробъ. Если же царевна живая, то для ея исцѣленія употребляются или особая трава, или ягоды, или яблоки; въ одномъ осетинскомъ варианте, какъ мы видѣли, упоминается дерево, доставляющее исцѣленіе; въ другомъ жаръ-цвѣтъ¹⁾). Въ вариантахъ сказки „Рога“ исцѣленіе происходитъ въ банѣ; въ одномъ варианте сказки „Правда и Кривда“ (Афан., т. I, стр. 104, var. d) больную купаютъ въ отварѣ какой-то травы. Въ сказкѣ „Рога“ больную въ банѣ хлещутъ желѣзными прутьями; это дѣйствіе выдается за кару, которую женщина заслужила своимъ коварнымъ поведеніемъ.

Въ русской сказкѣ у Верхратского (Записки науков. товариства імені Шевченка, т. XXIX, 1899 г., т. III, Львовъ, стр. 138—145) царская дочь отсулена по недоразумѣнію чертямъ и въ опредѣленный срокъ выставлена, чтобы они могли ее унести; Король спасаетъ ее; онъ можетъ ея тѣло какою-то мазью и черти не могутъ къ ней подступиться; Король избиваетъ ихъ мѣднымъ

¹⁾ Афанасьевъ видѣлъ въ этомъ жаръ-цвѣтѣ папоротникъ, добываніе котораго обставлено ужасами въ родѣ описываемыхъ въ сказкѣ обѣ умершей и отчитываемой царевнѣ. Название папороть, папортникъ ср. сѣ паперть; входъ въ храмъ греки называли пагех по имени растенія, въ которомъ Прометей принесъ похищенный огонь.

прутомъ, потомъ смываетъ мазь съ тѣла царевны и въ заключеніе женился на ней ¹⁾.

Сказка о Королѣ состоить изъ трехъ эпизодовъ: 1) встрѣча съ чортомъ, 2) пленъ у песиглавцевъ и 3) избавленіе царевны. Содержаніе первыхъ двухъ эпизодовъ не напоминаетъ сказки о больной царевнѣ, но во второмъ эпизодѣ есть какъ будто отголосокъ этихъ послѣднихъ. Король встрѣчается въ лѣсу отшельника, который даетъ ему рушникъ, доставляющій пищу; этотъ рушникъ напоминаетъ скатерть-самобранку и это заставляетъ предполагать, что въ сказкѣ о Королѣ находился эпизодъ о пріобрѣтеніи трехъ талисмановъ.

Слѣды вліянія сказки о добываніи трехъ талисмановъ можно замѣтить и въ сказкѣ о Бормѣ ²⁾, доставившемъ изъ Вавилона три инсигніи. Въ варіантѣ г. Барсовъ (Ждановъ, Русскій былевой эпосъ, Саб., 1895, стр. 11) Борма по дорогѣ въ Вавилонъ приходитъ къ морю; черезъ море перевозить его какой-то человѣкъ, который назвалъ себя Правдою и который познакомилъ его съ положеніемъ дѣль въ Вавилонѣ. Внутри этого города Борма находится дѣвица, которая въ однихъ варіантахъ относится къ нему благосклонно, въ другихъ враждебно; въ одномъ изъ варіантовъ послѣдняго рода о ней сказано, что она наполовину дѣвица, наполовину змѣя; она грозится съѣсть Борму и гонится за

1) Комочки той же мази онъ разложилъ по кресламъ; черти усѣлись въ кресла и прилипли; это облегчило ему избѣженіе ихъ; когда онъ сталъ ихъ бить прутомъ, они не могли двинуться съ места. Этотъ мотивъ замѣчается и въ другихъ варіантахъ, на которые указывается Афанасьевъ въ примѣч. къ № 113: герой, встрѣтивъ чертей, спорящихъ изъ-за трехъ диковинокъ (Нар. русск. сх., т. I, стр. 332), предлагаетъ имъ пуститься въ бѣгъ съ горы, а предварительно онъ облилъ эту гору смолой; черти побѣжали и прилипли къ смолѣ, онъ воспользовался этимъ и удалился съ талисманами. Въ кавкаѣской сказкѣ четыре наряда, товарища Сирдона, были прилеплены воскомъ къ кресламъ, на которыхъ сидѣли (Сборникъ сказаний о кавк. горцахъ, вып. VII, отд. II. Изъ осетинск. народн. сказаний, стр. 11). Въ повѣсти Гоголя „Вѣй“ черти бросились утекать изъ церкви, когда запѣли пѣтухи, но завязли въ окнахъ и дверяхъ.

2) Въ толковомъ словарѣ Даля: 1) Борма иск. бормотунъ, не внятно, не ясно говорящій; 2) пермск., чрд. воръ; 3) вят. изнанка,ничка, мездра. Въ Ботанич. Словарѣ Анненкова (стр. 398) „борма-трава“, Epilobium angustifolium (Олонецк. губ. Понев. у.); это можетъ быть заимствовано у финновъ; по-карельски это растеніе называется хорма, горма; по-фински horma, vogturuoho.

нимъ. Эта дѣвица-змѣя сближаетъ сказаніе о Бормѣ съ тѣми сказками, въ которыхъ царевна изображается коварной дѣвицей, какъ наприм., въ сказкѣ „Рога“. Имя перевозчика Правды напоминаетъ сказку о двухъ братьяхъ Правдѣ и Кривдѣ, изъ которыхъ первый узнаетъ нѣкоторые секреты и исцѣляетъ больную царевну; безъ вліянія этой сказки имя Правды въ сказаніи о Вавилонѣ является въ нѣкоторой степени неожиданнымъ. Въ сказаніи, правда, нѣть исцѣленія больной дѣвицы, но г. Ждановъ сближаетъ съ сказаниемъ сказку о Весельчакѣ пьяницѣ (*ibid.*, стр. 18); Весельчакъ берется вылечить глазъ у кривой царевны и съ этого цѣлью отправляется за мазью въ змѣиное царство; дальнѣйшія его приключения совершенно тѣ же, что у Бормы въ его побѣздѣ въ Вавилонѣ. Въ виду сказки о Весельчакѣ можно допустить, что сказаніе о завилонскомъ царствѣ мы имѣемъ не въ полной редакціи, что оно было полнѣе, это была сказка въ родѣ сказки о Правдѣ и Кривдѣ и о рѣгахъ, которая подъ давленіемъ новыхъ редакціонныхъ требованій стала утрачивать цѣлые эпизоды.

Къ той же категоріи, кажется, принадлежитъ и легенда поволжскихъ татаръ о трехъ шейхахъ, которые пришли въ городъ Болгари и посредствомъ трехъ подарковъ, полученныхъ отъ Мухаммеда, исцѣлили царевну, болѣвшую въ теченіе *семи лѣтъ* (см. мои „Вост. мотивы въ средневѣков. европ. эпосѣ“, Спб., 1899, стр. 530).

Болѣзнь царевны, какъ сказано въ одномъ мѣстѣ, заключалась въ параличѣ рта; повидимому, царевна была въ теченіе семи лѣтъ нѣмая. Въ сказкахъ, упомянутыхъ выше, нѣмota является въ числѣ болѣзней, которыя приписываются царевнѣ; именно въ норвежскомъ варианте царевна онѣмѣла оттого, что жаба проглотила уроненную крошку св. хлѣба. Подобно тому, какъ въ русскихъ сказкахъ большая царевна иногда отчитывается, въ татарской легендѣ шейхи также читаются, и вслѣдствіе этого чтенія пропростаетъ сухой посохъ¹⁾ и обращается въ дерево *сарбанъ*—березу; шейхи рѣжутъ вѣтви дерева, вяжутъ вѣники, ведутъ больную царевну въ баню и тамъ парятъ ее этими вѣниками. Въ русскихъ

1) Полосъ былъ воткнутъ въ чернильницу (дуатъ); въ Шиддикурѣ; человѣкъ, исцѣляющій царевича (одного изъ семи царевичей братьевъ) на время чтенія сакральнай втыкающей палку въ дурму.

сказкахъ, указанныхъ выше, исцѣленіе также иногда происходитъ въ бани, только вмѣсто вѣниковъ изъ древесныхъ вѣтвей тамъ желѣзные и мѣдные прутья; впрочемъ бани и прутья встречаются только въ сказкахъ о царевнѣ, обросшей рогами и обращенной въ кобылицу, въ сказкахъ же о царевнѣ, одержимой нечистыми силами, бани нѣтъ. Въ осетинской сказкѣ, какъ мы видѣли, является и дерево, дающее исцѣленіе; чаще же упоминается трава; можетъ быть и татарская легенда имѣла варианты съ травой вмѣсто дерева. *Сарбанъ* въ спискѣ поволжскихъ названий растеній, зали-
санныхъ мною (Ізвѣстія общества археол. и этнogr. при казанск. универс., т. III (1882—1880 г.) стр. 246) присвоено травѣ *Melilotus*—которая по-русски называется *донникъ*, *донная трава*, *дойникъ* (Анненковъ, Ботан. слов., 212, 213). Въ примѣчаніи у Анненкова сказано: Название донника произошло вѣроятно отъ названія какой-то болѣзни, что подтверждается словами одного стариннаго рукописнаго цвѣтника, гдѣ говорится: „Донникъ употребляется отъ выхожденія донной; пить, тереться и посыпать на донную“ ¹⁾.

Именемъ дна у русскихъ называлась какая-то женская болѣзнь, какъ это видно изъ заговоровъ, въ связи съ которыми находятся амулеты особого рода, такъ называемые „змѣвики“. Значеніе этого слова выяснено подробно г. Соколовымъ въ его статьѣ: „Новый матеріаль для объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣвики“ (Древности, труды славянск. комиссіи Им. Моск. археолог. общества, т. I, М. 1895, стр. 134). Подъ словомъ дна, дѣна, дѣна, по изслѣдованію г. Соколова, разумѣлись: 1)matrix істѣра, матица, чрево, желудокъ, 2) болѣзнь а) этихъ частей тѣла, б) вообще тяжелая внутренняя болѣзнь и 3) демоническое существо,

¹⁾ Имя *тайнишная трава*, которое у Анненкова стоитъ при растеніи *Aegagia europaem L.*, можетъ быть видоизмѣненіе имени донникъ или дойникъ. Въ примѣчаніи у Анненкова (стр. 52) сказано: Тайникъ въ Сибири называется дѣтей родимецъ и это растеніе съ успѣхомъ употребляется отъ этой болѣзни. Свѣдѣніе это доставлено о. Вербицкимъ, жившемъ въ кузнецк. окр. Томск. губ.; въ бѣлскомъ на р. Чарышѣ я слышалъ это имя въ примѣненіи къ *Geum*, но это тоже можетъ быть не вѣрно; *Geum* безъ цвѣговъ можно смыть по сходству листьевъ съ растеніемъ *Agrimonie Eupatorium L.*, а послѣднее растеніе можетъ быть смытваемо съ *Melilotus*ъ во сходствѣ желтыхъ цвѣтовъ; у Анненкова для *Agrimonie* есть имена *дonna* и *дона*. Въ Малороссіи донникъ называется *буркуномъ*, *воргуномъ*, *барко*; въ Польшѣ по-*strzek*.

причиняющее эту болѣзнь. Въ бѣлорусскихъ заговорахъ той же болѣзни даются имена: золотой донникъ, серебряный донникъ, золотника¹⁾. Существо, причиняющее болѣзнь, представляется чернымъ, лютымъ, со множествомъ ногтей, волосатымъ. Оно лежитъ внутри человѣка около пупа неподвижно; когда оно сдвинется съ мѣста, начнетъ бродить по тѣлу, происходитъ болѣзнь. Для излѣченія этой болѣзни мають животъ и пупъ больного масломъ изъ горькихъ миндалей, варить салатову траву въ водѣ и парить ею брюхо больной женщины (стр. 138); парить больную въ банѣ, какъ видно изъ этого отрывка изъ заговора „якъ етому древу (вѣнику) на кориѣ не сгояць, вѣтками не махаць, такъ етому доннику у днинѣ не уступаць“! Къ этому заговору сдѣлано примѣчаніе: „говорится парючи въ лазни (стр. 139).“

Въ заговорахъ просить донникъ лечь на свое мѣсто, свернувшись; по животу не ходить, сѣсть на золотое кресло и тутъ вѣкъ вѣковать; стать на „пушицу“. Иногда отправляютъ его на синее море, на золотой камень или просить его обернуться золотыи камнемъ (стр. 140). Въ литовскихъ заговорахъ также „мать“ сидѣть въ золотомъ креслѣ и схожденіе ея съ мѣста причиняетъ болѣзнь; литовскіе заговоры также просить „мать“: „Сядь въ кресло... кровь по серединѣ, въ морѣ желѣзный столбъ“.

Выраженія: золотой камень на синемъ морѣ, желѣзный столбъ въ морѣ, и повѣрья, что донникъ лежитъ неподвижно свернувшись около пупа человѣческаго тѣла или сидѣть тутъ на золотомъ креслѣ, заставляютъ вспомнить о терминахъ: пупъ океана, пупъ земли, и о неподвижномъ положеніи Полярной звѣзды, которой даются иногда имена: Желѣзный столбъ или Золотой коль. Тѣ же отраженія и въ заговорахъ съ именемъ Сисинія; одинъ заговоръ начинается словами: „При Черномъ морѣ въ островѣ каменинъ молился св. Сисиній“, изъ моря выходять двадцать дочерей Ирода (стр. 166²⁾). Начало другого: „При морѣ Чернѣмъ столпъ и

1) На вѣзвикахъ греческаго происхожденія съ греческими подписями вместо славянскаго дѣва стоитъ *ιστέρα*.

2) Въ одномъ заговорѣ (стр. 164) не 12, а семь дочерей Ирода. Число семь указывается также въ заговорахъ на стр. 152: „Двинулись 77 вѣръ кровинкъ крованицы съ кровавыми одеждами, съ кровавыми мечами“... они пьютъ человѣческую кровь: или шли 77 вѣръ алыхъ... они испиваютъ сердце (человѣка), его печень, его кровь, его мозги; на стр. 157: авра 77 нечистыхъ. .(ср. 77 чертятъ,

св. мученикъ Синей¹...; выходять двѣнадцать дочерей Ирода (167). Въ другихъ заговорахъ съ именемъ Сисинія вмѣсто двѣнадцати страшныхъ дѣвицъ одно чудовище Гилу¹); Сисиній закидывается въ море „удицу“ и вытаскиваетъ его; здѣсь удочка на мѣстѣ молитвъ вышеприведенного заговора; вѣроятно, Сисиній молился на каменномъ островѣ на Черномъ морѣ такими молитвами, которыхъ должны были вызвать изъ воды дочерей Ирода. Эта форма заговора ближе къ венгро-славянскому повѣрью о Garabonzas djak'ахъ, которые чтеніемъ особой книги заставляютъ дракона выйти изъ озера или болота; другая же форма безъ молитвъ ближе къ одному изъ эпизодовъ Гэсэріады, къ разсказу о томъ, какъ Гэсэръ или Тѣрнъ-Музый осушилъ дно моря, чтобы обнажить и убить чудовище Ань-Долмана.

Въ одной изъ сказокъ у Афанасьева (113, а) больная царевна, которую исцѣляетъ батракъ, добывающій потомъ диковинки, скатерть-самобранку и проч., заболѣла оттого, что къ ней по ночамъ леталъ змѣй; сказка заставляетъ предполагать зачатіе отъ этого сверхъестественного любовника; лѣченіе должно въ такомъ случаѣ имѣть изгнаніе нечистаго зародыша или его истребленіе. Сказки иногда разсказываютъ, что зародышъ отъ нечистаго любовника былъ вырѣзанъ изъ утробы матери. Такъ, наприм., Гэсэръ убиваетъ злое чудовище Ань-Долмана, а потомъ распарываетъ животъ его жены и убиваетъ вышедшаго изъ ея утробы мальчика (Ганг.-тиб. окр. Китая, II, 113). Въ тибетской версіи Гэсэръ убиваетъ сына собственной жены, зачатаго отъ враждебнаго царя (*ibid.*, 37); кажется, дѣло идетъ объ одвомъ и томъ же мальчикѣ; сынъ Ань-Долмана точить стрѣлу и хочетъ убить Гэсера; сынъ жены Гэсера согнуль матицу дома вмѣсто лука и также направляетъ стрѣлу на Гэсера. Нѣсколько строкъ выше (*ibid.*, стр. 33) объ этомъ злому сыну Гэсера сказано, что половина его тѣла была золотая, поло-

которые въ сказкѣ у Афанасьева, № 66, нар. в., сосутъ царевну). Въ заговорѣ въ которомъ вмѣсто Сисинія стоять св. Георгій (стр. 170), ребенка сестры святого уносить не Гилу, какъ въ разсказѣ о Сисиніи, а сѣтува вичерны.

1) У Мелентія, сестры Сисинія, чудовище Гилу унесло уже шесть младенцевъ тотчасъ по ихъ рожденіи; Мелентія собирается родить седьмого, но и этотъ былъ унесенъ чудовищемъ. Сисиній добываетъ чудовище со дна моря и заставляетъ его возвратить всѣхъ проглоченныхъ имъ дѣтей. Ср. въ Шиддикіурѣ, ражшаса съѣма шесть братьевъ царевичей и собирается съѣсть седьмого.

вина серебряная. Въ другихъ случаяхъ матери, родивъ ребенка отъ сожительства со злымъ существомъ, сами убиваютъ его (Тангутотиб. окраина Китая, II, 271 и 291). Въ русской былинѣ богатырь Дунай разрѣзаетъ животъ своей жены и находить зачатаго ребенка съ золотыми руками; былина, кажется, подразумѣваетъ, что это ребенокъ, зачатый отъ него самого. Во всѣхъ ли однако, вариантахъ такъ понимались отвоженія ребенка къ Дунаю? Не приближалась ли иногда былина къ сказкѣ (Афанас., № 119, вар. а) объ Иванѣ-царевичѣ, мать котораго живеть съ Огненнымъ царемъ (т. е. съ огненнымъ змѣемъ)? Мать пытается отравить сына ядовитыми лепешками, но собаки вырываютъ лепешки изъ рукъ Ивана-царевича. О Дунаѣ г. Макаренко записалъ въ Енисейск. губ. отрывокъ, рассказывающій, какъ на кружалѣ поднесли Дунаю чашу съ виномъ, по краямъ которой бѣгали огоньки, а на днѣ лежала шипящая змѣя; повидимому, это была попытка отравить богатыря.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Сказка про козака Мамарыга.

Жывъ себи козакъ Мамарыга; служывъ у мужиковъ 25 лѣтъ, не заслужывъ ни вола, ни коня, ни доброго слова; тоди пишовъ у слуїбу. служывъ 25 лѣтъ, не заслужывъ ни вола, ни коня, ни доброго слова и отъ цара. Прійшовъ тоди опять домой и пойшовъ у путь-дорогу. куды Богъ дастъ. Теперь, якъ узиръ иты, идѣть тыждень, або два,— усе стовповою дорогою.. Зостричайе його парнигѣ.—Здрастуйте, говорыть, що вы есть таке?—Я есть, каже, козакъ Мамарыга, служывъ мужикамъ 25 лѣтъ, не заслужывъ ни вола, ни коня, ни доброго слова, и царю 25 лѣтъ служывъ и не заслужывъ ни вола, ни коня, ни доброго слова; теперь прійшовъ себи домой, то къ пішовъ куды Богъ дастъ. А ты, каже, що есть таке?—Я, каже, у пана, у такого-то, бувъ за поваря, та нисъ посуду большую, дорогую, та спичкинувшъ, ушавъ, побывъ посуду, такъ на меня учерашній день наготовыны иного розегъ, шобъ мене смыты, такъ я оце вткъ. Такъ прыйши мене, брате, козакъ Мамарыга, за меньшого брата; буду тоби служыть.

Побраталысь воны та й йдуть себи.

Таинъ много, немногіо шы воны,—тыжднку, чы болѣе, теперъ зостричайе ихъ третій, зъ батижномъ.—Здрастуйте, каже, братъ! Що вы за люде? Сей каже:—Я есть козакъ Мамарыга; а я, другій одвича, бувъ у пана за поваря, та такъ, якъ иене наалы смыты, такъ я утикъ,

а оце мы побраталысь.—Ну, каже, прыймить и мене за третёго брата.—А ты, шо есть зе чоловикъ.—Я, каже, чумакъ бувъ, гравъ 12 возовъ зъ рыбою чы зъ силью. Розбойники набяглы, та й забрали у мене деньги и худобу мою, та зъ душою тильки я и убрауся, та еть зъ цвмъ батижкомъ.

Прыямы, и оце сталы три браты; и вдуть соби дорогою стовповою: де выпросють соби хлеба, тай идуть. Теперычкы дойшли, що стоять соби стоять и три дороги наизво. Подывиса козакъ Мамарыгага и важе: ттуть, браты мои, треба вамъ ризнystься. Теперь поврощаюсь соби; который на которую хоште, туды и ступайте, а мени, яку покынете, така я буде. Теперычны узямысь—роспрощаюсь и пишлы, той на ту дорогу, той на ту.

Якъ узявъ козакъ Мамарыгага ходить, ходывъ соби годовъ десятонь. Ходывъ и убрауся у лисъ. Ходывъ у лису довго—недовго, находить соби хатку. Кымувся до дверей, заперти двери.—Одчынить! каже, а дви женщины сміютца, ве одчыняють. Просыясь, просыясь, ве одчыняють. Узявъ тоди двери выстававъ, и ходить у хату.—Здраствуйте, каже.

Лежить чоловикъ на печи.—Що ты такой за самоволецъ, що прыйшовъ до мене, та двери выстававъ? Воль я, говорить, якъ устану, та тозиму мъяло, то в тебе попомни, щобъ ты зневъ мене. Що ты юе такое?—Я, говорить, есть возакъ Мамарыгага!—Э, говорить, прости, братъ, що я тебе наругавъ; ты мене есть братъ старший мене.—Яной же, каже, ты мене братъ?—А той, каже, що я отъ пана утихъ, а ты мене прывяви за брата.—Ну, теперь за стиль брата. Садыть його за стиль, йисты и пыть братови даётъ.—Якъ же ты, брате, доси соби помѣста не вайшовъ?—А ийть, говорить, не найдшовъ и доси!

Ну, попымы, погулямы тамъ соби.—Ось, каже, брате, у мене дви жинки, ташь беры, яку хочешъ соби за жинку.—Нѣть, каже, брате, благодарю; я ве хочу.

Побувъ трое сутокъ у того брата, одыхнувъ соби; тоди сказать:—прошайд, брате, благодарю, пойду, вуды Богъ дастъ.

Пийшовъ отъ того брата у путь-дорогу, тай иде соби, вуды Богъ дастъ. Ишовъ вввъ безъ мѣста дней три, або четыри, отъ того брата. Дивытыца—гонить панъ зайци, и бжжитъ той зайцъ дорогою прямо на його; вмвъ ударывъ палькою, тай вбывъ и синъ таиньни коло його. Прыбаглы хорты, подывылисъ и полягали коло його. Добигайте панъ.—Здраствуй, говорить, мужынь! Туть, говорить, зайцъ; ты ве выдавъ?—Нѣть, каже, я, вогъ, зайца убывъ.—Каже:—що есть ты таюе?—Я, каже, есть козакъ Мамарыгага!—Э, говорить, брате, прости, може я тебе наругавъ якъ-небудь?—Сівачутица зъ лошади, беретьца за руки и цикутица.—Ты, говорить, есть мени братъ старший мене. Пожышъ, говорить, якъ вы два браты йшли, а мене третёго прывямы? Такъ, говорить, помлю, якъ же не помлить?—Ну, прошу, брате, до меня у гостя; я теперь жыву харашо. Садысь братъ, на коня на мого.—Нѣть, говорить, благодарю брате, за лошадь, бо я не умю йездить. Ну, идуть соби, побралисъ за руки, коня закинувъ панъ соби на другу

рууву. Идуть в разговорюютъ соби.—Що ты, брате, козакъ Мамарыгы, и доси соби иѣста не иайшовъ? Ось я, говорыть, восемнадцать леть ииъ женился и живу тутъ.

Прайхахъ домой до того пана; уводыть еиъ його у свой домъ. Вишлы, поздраствовалысь.—Это, говорыть, жена, я знайшовъ своего старшаго брата у степу, у дороги. Теперь, посадылы, давай пить, гулить; и не знаютъ де його и дитъ: такъ ради вже воны йому. Теперь прымглашаи винъ брата своего Мамарыгку на свое жытельство; каже:—я тоби, брате, половыну усёго oddамъ. Тебе, братъ, ожению, говорыть; ось, каже, хочъ у оцихъ комнатахъ будешъ, або выстроимъ тоби, або мени. Ить благодарю, брате, говорыть, за твоє слово. Слава Богу, що ты соби назывъ, и я соби назыву, то моje буде.

Нобувъ винъ цвілый иисяцъ у сёго брата, погостювавъ. Ну, теперь, важе, брате, прощай, пойду соби, куды Богъ дасть. Брать и плакавъ, и уговарювавъ: що, брате, оставайся тутъ; такъ иже: благодарю, не хочу.—Меже, каже, брате, дать тоби лошадь харошу на дорогу?—Благадарю, каже, за лошадь. Теперь давъ винъ йому сотъ чы дви, чы трь, ва дорогу, попрощалысь; пішшовъ соби у путь-дорогу опять.

И шовъ опять довго-нев-чедовго, дывытыца, ажъ трь чоломики, бѣгельца на могили. Винъ тоди чавиростецъ швыдче туды.—Здраствуйте, господа, та зашо вы бѣгесь?—За свою батькивщицу, кажутъ; настъ трь бриги есть.—Бакая жъ у васъ батькивщана?—Оце у настъ конь Гыверъ, та торба-волосянка, таза, що дайе иисты и пить, та ще чоботи таки, що поверхъ воды ходагъ. Оце тильки у настъ и батькивщины. Такъ отой важе, я возьму те, а отой каже, що я возьму те; то мы и бѣгемось за те. А ты, каже, що есть за землякъ?—Я, каже, есть козакъ Мамарыгага. Ну роздилы, каже, брате, козакъ Мамарыгага, нашою батькивщиною.—Я, каже, браты, васъ роздилю; никто васъ чыше не роздилыть, якъ я! Согласны на се, що я вамъ буду говорыть?—Согласны, кажутъ воны, абы ты, козакъ Мамарыгага, настъ роздилыть!—Ну, каже, я буду вамъ, братъ, говорыть. Ступайте, каже, за повторы гоны одъ меня, а когда я махну, вы біжнгъ усі разомъ; хто по переду прибіжыть, яка любымая твоя штука, ту и беры, а который второй прибіжыть, той беры соби тожъ любыму штуку, а заднему те, що останетьца.. Воны пішли соби за повторы гоны, тоди оиъ махнувъ. Конь Гыверъ у йихъ скончай осидланный, готовый. Теперь винъ забираи соби торбу-волосянку черезъ плечо, сапаги обувайе, тоди у стремено ножку и сидайе соби на коня, на Гыверя,—Эй! каже конь Гыверъ, якъ, пане, твой честы: чы поверхъ дерева, чы уплинъ дерева, чы поверхъ комышу?—Несы, говорыть, мене уплинъ дерева. Братья біжнгъ назадъ, увидыли, що винъ подався, воны підняли руки у—гору. А винъ и крикнувъ йими: я-жъ вамъ казавъ, що чыше, якъ я, никто васъ не роздилыть!

Винъ пойхахъ, а воны почухали соби головы, та и пішли домой.

Якъ узявъ йихать козакъ Мамарыгага цію лошадью йихавъ покы и санъ, и лошадь не потомылъсь; тоди, стальи соби палаты розбыли.

Торбочку-волосяночку тоди винъ розшморгуйе; —торбочка-волосяночка, дай ѹисты й пыты. Тутъ де узялся столь; —нацытки и найдки разни, и йому и лошади. Наймысь, напымься. —Торбочка, уберись! Воно убралось зновъ у торбу: нѣтъ тогоничего. Ну, теперъ, хазянъ, лошадь пыта, куды будемъ йихать? —Каже: я й самъ не зваю. Ось, якъ я пійшовъ изъ своего мѣста, такъ хожу больше двадцати лѣтъ. —Куда же, каже, вы думаете? —Та, каже, я не знаю самъ; куды Богъ пройзведѣтъ! —Ну, лошадь каже, поѣдимъ у чуму землю; тамъ oddайе король свою дочь за-мижъ; тамъ, у його стойить дубъ у дворца; кто можетъ його зрубать, за того oddайе дочь свою и царство одпysує. Можете, каже лошадь, той дубъ зрубать? —Ну, каже, зрубаемъ ве грубаемъ, а попробуемъ.

Ну, теперъ и пойхали туды; пыхали сутокъ тамъ тройе, чы тамъ четверо; подизжаютъ у лѣсъ, черезъ лѣсъ перейхиваютъ; чують, що у лису, то рубаютъ, то пылаютъ, то гемблуютъ; смотрють, —не выдать людей нике. Потыхоньку ще блыше, дали уставъ зъ лошади, веде йий у рукахъ, прыслухуешьца. Дывыться, ажъ на дуби торба высить дротинка. Винъ ухватывъ орапынъ у руки, якъ лясне, ажъ лува пипла по усему лису; и кръкнувъ тоди: —у торбу убирайтесь соби! Тоди бряжчть усе, да усе у торбынку убирайтесь. Убрались; уже не чутъ тогоничего. Лизе тоди винъ на дуба, пидхвачуйе тую торбышку у своей руки, сидайе на лошадь и гейда.

Прыбигайе у тую землю, до того короли, и опевищаешьца, що прыйхавъ зъ такой земли. Потребовавъ король його у свой домъ. —Ну, зачѣмъ, господынъ ты забывса у мою землю? —Вы, ваше сіятельство, свою дочь отдасте за-мижъ за тога, кто можетъ дуба зрубать вашего. —Это вѣрно, говорить король; такъ; абы ты зрубавъ, то ты мени зятько будешъ. Тильвы, шобъ зрубавъ и корнилья зъ його новытаягавъ, поколовъ и склавъ, и сказавъ. Ежели не зробишь того, що я говорю, —то бачышъ тамъ человичи головы, —то тамъ и твоя голова буде.

Давъ ванъ йому выпить, закусить. —Ступай теперъ; застунай у роботу. Ось тамъ, дубъ стойить одъ крыльца недалеко, такъ иди, зрубай його.

Ось пійшовъ до того дуба: розшморгуйе дротинку. —Ну, теперъ, говорить, ребята, у втотъ дубъ, у середку; и рубите тамъ пры низу. Убрались усё у дуба, такъ що и не выдать. Винъ соби лигъ отдохать. Довго-недовго, а його клычууть обидать. Онъ узявъ-пійшовъ. —Вы, ребята, немножко одохните, пока и покушаю. Пишовъ винъ кушать, а ребята одыхаютъ.

Вышла короливна смотрить на этого дуба; чы винъ много його врубавъ, колы винъ и не трогавъ його. Падходыть до батюшки и каже: —се, каже, якій ледарь до насъ прыбувъ. Ось, каже, инши хотъ почнуть, а сей не почынаў и доси. —Ну, каже, тоничего; його голова буде тамъ, де и тихъ.

Покушавши, сей зновъ прыходыть до дуба. —Що, ребята, говорить, одихнулы? Одихнулы, говорить, господынъ хазянъ. —Ну, беритъца ро-

бята, опять за работу; узялъсь за работу опять. Тутъ, девго-ведо-вго, черезъ часа—мѣста, дубъ бразнувъ объ землю, ажъ земля здыхнула и комнаты забращали.

Выбигайе король ва крыльцо, колы лежать дубъ доли.—Эй, дочь моя, выходь сюды! Се, говорить, найдовся молодецъ: дуба звалынъ. Пойдти, його позовить у комнату мою, та дайте покушать!

Приходить винъ.—Ну, говорить, ты молодецъ, козакъ Мамарыкга! Можетъ, будешъ у мене затькомъ! Это я, говорить, головъ больше сотни на дубъякъ положывъ за того дуба. Пришанувавъ його, давъ йому стаканъ водки, балакавъ зъ йичъ;—усе харашъ.

Покушавши пойшовъ зновъ козакъ Мамарыкга до своей роботы.— Ну, ребята, оддохнуулы? говорить винъ ва свой струментъ.—Уже оддохнуулъ! говорить.—Ну, старайтесь, ребята, щобъ сегодня його скласты, бо уже не рано, и щобъ спалыть и розвівать попель по витру. Ухваты-лись за работу ребята опять. Черезъ часъ-мѣста склали усе у вучу, у-вышки якъ дзвиница, и подпальмы, и згорило чисто, тоди и попель розвіяны.—Ну, теперички, ребята, зберайтесь у свое мѣсто, у торбочку дротину. Собрались воны у мѣсто, узявъ винъ зашибргнувъ.

Посмотрювате король та короливна.—Се, кажуть, не съ простыхъ-що такый узялся!

Ще сонечко не зайдло, пойшовъ козакъ Мамарыкга на базарь, ку-пывъ себи скрыпичку, оришкинъ, пивъ кварти люто гыпрутъ посыла-давъ себи у торбочку приходить до короля зъ базара. Вечоръ.—Дайте, каже король, перекусыть йому де-чого! Дали йому. Винъ перекусывъ. И загадавъ король свойимъ жадарамъ:—укывыте його у комнату до ведмеди, то той його, каже, оженыты! Узялы його, ухватылы його сы-лою, и убросылы туды, у комнату, до ведмеди.

Ушовъ онъ до ведмеди и зарастаетъ. —Здрастуйте, говорить, вед-меди! Ты кывиувъ головою. Прохождайе себи козакъ Мамарыкга по хати тулы-сюды, вынимайе свою скрыпичку, изъ торбочки, торбочку-волосян-ку звимайе зъ свойихъ плечъ:— торбочка-волосянка, дай мени йисть и пить. Тутъ де узялся столъ, вабравшися усякими найндками и напычками. Сивъ, кушайе.—Прощу, говорить, ведмѣдь, кушать до меня идти! Пры-ступывъ ведмѣдь до його стола:—ну, каже, що ты есть та-кое? Я, скажи, тутъ людей пойивъ, ну, такого ве выдивъ, щобъ поставывъ ва столъ на юдки и напытки, що и у короля такихъ нема! Ну, даётъ; ведмѣдь себѣ бе-ётъ, кушайе. Налывайе того спирту у румчику козакъ Мамарыкга, здороваетъца до ведмеди, пьеть.—Що то, говорить, вы пьете такое?—Се, каже, водка така, хороша.—Для чого, каже, вы йий пьете?—Это, каже, для смѣлости мы пьемо водку.—А дайте и мени, я попробую. Налывъ винъ стаканъ йому. Роззиявывъ винъ ротъ; узявъ—высыпавъ йому у ротъ. Давъ закусыть.—Ну, каже, не розграбръ, дайте ще другу. Налывайе винъ другу; той выпыва. Выпывъ закусывъ. Теперь бере козакъ Мамарыкга свою скрыпичку, давай грать. Пойшовъ ведмѣдь танцовывать.—Выпейте ще стаканчикъ для смѣлости. Давъ, еинъ выпывъ и той. Теперь пойшовъ ведмѣдь зновъ танцовывать. Ну, козакъ

Мамарыкга, колыбъ ты выучывъ мене такъ гратъ, якъ самъ грайешъ!— Я, каже, могу выучить сей-часъ, абы скота.— Ну, это моя охота; выучы, пожалуста! Протиморгуй винъ свою дротянку-горбу, вытягайе клынныя зализи и молотъ, а у комнаты лежить половына дуба товстого. Узевъ узять, клыньми набывъ, росколивъ той дубъ харашенько.— Ну, стромлай, каже, сюды ласы, я буду теби выправлять, щобъ ты перебралъ харашо, такъ якъ я. Давай винъ устроимъ у коливатыну свойи лапы, а той каже: ще дали стромлай! Стромлай, покудова що дальше нигде строилить! Узевъ винъ тоди клынья повывавъ, и сступыся дубъ, а ведмедь крутыть задомъ и каже:— выпусти мене, козакъ Мамарыкга, уме ты мене повыправлять руки!— Нѣть каже, ще не пора тебе выпускать. Вотъ, говорить, я столь уберу, та тогда покажу!.. Торбочка-весенючка, уберись! Торбочка убралась. Повисивъ винъ торбочку; вынимайе орапынъ дротянной и давай тоди ведмѣда зъ заду почышать.— Йй, каже, козакъ Мамарыкга, пусты! Защо ты мене бѣйешъ? А ты каже, нашего брата уже много поймавъ! Вотъ я тебе нагодую, ты больше не скочешъ насть йисты! Тоди ставъ його кнутомъ чистыть иззаду таъ, що шерсть летѣть тильвы. Ведмѣдь ревѣтъ, та просытъца, а той чистыть. Ну, бывъ, бывъ, утомысь, лигъ оддохнуть. Одыхнувъ, опьянѣ за свою работу, опьянѣ бѣи. На половыни ведмѣда зъ обоихъ боківъ выбывъ йому шѣсть усю чисто. Лигъ, заснувъ козакъ Мамарыкга.

Теперь развиднілось, свитъ.— Пойдти, посыайе короля, выкиньте кости козака Мамарыги! Подходить до окошка,— окошко перегоржено зализомъ,— смотрѣть у окошка. Увидивъ ведмѣдь йихъ, що прыїшли. Вони обзываютъца до ведмѣда.— Мечить, каже ведмѣдь, бо панъ мій спыть; бо якъ устане, то буде опьянѣть быть. Вони услышыли, назадъ пишлы, говорятъ: щось обзываютъца ведмѣдь; должно бутъ, козакъ Мамарыкга— живой!— Нѣть, не можетъ буть, а пойдти— узнайте!

Пишло йихъ чоловика четыри, чы що. Подходить до дверей, одирають двери. Одынныы, колы ведмѣдь у дубови стромыть и каже:— мечить, бо панъ мій спыть; ступайте соби, бо якъ устане, то буде быть!

Подходить вовы до короля, кажуть:— козакъ Мамарыкга спыть, а ведмѣдь у дубови стромыть.— Нѣть, говорить, я не повѣрю! Хтобъ його у той дубъ засадывъ? Ну, пойдемте теперъ!

Узевъ соби чоловика изъ шесть и пишвъ. Подходить, а тои соби спыть, а ведмѣдь у дубови стромыть, и шерсть лежить ведмѣдеви по клынкамъ. Увійшли; встайе козакъ Мамарыкга.— Що, каже, куды вы мене, господынь, заперли на noct? Щѣ бѣ ведмѣдь мене зѣль! Вотъ я нагодувавъ його; винъ больше не скоче нашего брата йисты!— Ну, козакъ Мамарыкга, выпусти, пожалуста, ведмѣдя изъ этого дуба.— Можно, каже; по вашому слову я могу выпустыть. Вынимайе клынки изъ торбочки и молотъ, наставляйе у роскольну и розводыть дуба опьянѣ.— Ну, выдергуй теперъ ласы! Узевъ винъ повытаягавъ. Повыдавъ винъ свой струментъ у торбу опьянѣ.— Ну, пойдемъ теперъ, козакъ Мамарыкга, теперъ ты будешъ менѣ зятькомъ: такого нѣту и у сѣйтѣ, явъ ты!

Прыводыть його у домъ, угощайе його.—Ну, дочь моя, это твой мужъ, а мій зять; колы вонъ въ ведмедемъ переночувавъ, то дѣлать уже нечего.

Сей-часъ убралъ козака Мамарыкгу у одежду, у саму перву, до свя-
цевишка—вичать. Обвинчалъ йихъ: свѣтбу давай гулять. Свѣтбу од-
гулялы; давъ нинъ комнату:—оттутъ соби живите, у тій комнаты! Одпysуise козакови Мамарызи полевыну царства. Козакъ Мамарыкга
каже:—я не хочу половины царства: у васъ царство малое; одпышить
мене усё царство, а половины я не хочу.—Нѣть, каже, я усёго не
оддамъ; якъ умру, то тоди буде твое усё, а теперь,—твоя половина и
моя половина.—Нѣть, говорыть, половины я не хочу.—Нехочъ—не хотъ,
то твоя воля, а я другой половины не отдамъ, пока не умру.

Выводыть козакъ Мамарыкга своего коня Гыверя въ конюшни, бере
жену за руку;—прощайте, говорыть; когда не хотите одпysывать усёго
царства, такъ я пойду у свое царство въ женю. Сидайде на коня и
жену сажайе.—Эй, пане мій мылый, конь пытайе, якъ тебе несты,
чи поверхъ дерева, чы уплинъ дерева, чы поверхъ комышу?—Несы,
каже, поверхъ дерева!

Поинъ кинъ—Гыверь, тильки кура схватылась. Несёгъ його сутокъ
двойе; ва Чорнайе мора винъ. Моря больше, нижъ земли. Сколько не
йиде, усе море Чорнайе. Найшовъ камень середъ моря; остановылся
на этомъ камни, разбывъ соби палатку, издымайе торбу-волосянку изъ
плачей, изъ свойихъ;—торба-волосника, дай намъ листы и пыть! Туть
столъ сїйчасъ де узялся: найдки, напытки на столи, що короливна-дру-
гавна не выдала и у своего батька такихъ найдкивъ и напытивъ.
Найшлись, напылись;—торба-волосянка, уберысы! Не стало ничего, усе
у торбу убралось. Зашморгнувъ. Течерь одыхамътъ соби на камени.—
Положыте мени голову на колини, то я подывлюсь, чы йе що? Поло-
жызъ винъ голову на колини, давай вова шукать у голови. Довго-нед-
овго вона довбалась у його у голови, покудова винъ заснувъ. Заснувъ
хорошо, мицно; давай вона тоди платье вытягать, и назадъ соби одсову-
ватьца. Высунулась, а винъ лежыть соби—сныть. Вона у стремено
ногу; ковъ Гыверь пытайе:—сударыни, куда тебе несты?—Несы мене,
каже, до мого отца! И забрала вона ти торбочки, и волосянку, и дро-
тиянку. Поинъ йини конъ до батька.

Выспався козакъ Мамарыкга, устайе; иѣту, ни лошади, ни жены.—
Э, козакъ Мамарыкга! Вонъ когда пропавъ! Пишовъ, по камени, туды-
сюды; дывытыци, лежитъ сапаги.—Э, слава Богу, еще козакъ Мама-
рыкга не стыне! Обувайе чоботы, пішовъ соби поверхъ воды.

Перешовъ море, пройшовъ суходомъ одни гоны; стоять кушъ вы-
штвёный изъ ягодыны. Вырывае ягодку, кыдаиye у ротъ: становытыца у
його рогъ у боци; вырывайе другу, кыдаиye у ротъ: стало два рогы.—
Э! Пропавъ козакъ Мамарыкга! Рогы, по аршыну, по крамарському...
Якъ я буду жыть? Полно йихъ кушать! Сколько я йихъ буду кушать,
то усе будутъ рогы ва жеви! Пойшовъ одь тыхъ вышень шаговъ де-
сятокъ,—другой кущыңъ стоять ягодъ. А, дай, каже, вырвать и ско-

попробовать! Що, каже, буде? Вырвай и въйи, и спавь рогъ одынъ, другу укыда у ротъ ягодку,—и спавь и той.—Ну, слава Богу, теперь козакъ Мамарыкга волной! Нарву я сихъ у платочокъ, вернусь, та нариу и тихъ! Нарвавъ, и тихъ, и тихъ, по платочку, и теперь двинувъ у те царство, де його жена.

Подходить туды до прыльца, до ограды, гука по ягоды. — Пойдь, на служебку, каже короливна, що воно за ягоды? Та приходить, здрас-твуетъца: — здраствуйте, важе. — Здраствуй! — Какія ягоды, звиды, чы свѣжы? — Нѣть, каже, свѣжы; у насъ хороши ягоды. — Какъ у васъ рано поспиваютъ! У насть цветуть, а у васъ уже и готовы! — Дороги, важе, ягоды; хороши, такъ дороги! — Почемъ? — По рублю серебра ягода, важе. Пошла вона, одказала короливни: — се, каже, оттави ягоды. Одыш-тала вона рублей пивъ сотни: — На, каже, возьмы, однесы. Прыйшла вона, отдала деньги; винъ давъ ягоды на щотъ. Принести ягоды вона назадъ. Бере короливна - другинина ягоды, укылайе у ротъ становытьца у йайи тры рога, два по бокахъ, а третіе — на животи. Зострахнулась вона: — що се таке? Дай — ище укынуть у ротъ! Укынула ще штуки тры: ще стало тры рогы. Ну, и смаковыти таки ягоды, що не могла удержатьца, и стало по йайи, по усій, рогы. Сорокъ ягода якъ изъйила и сорокъ рогавъ стало по йайи, по усій. И такъ вона на тихъ рогахъ и высыть.

Тутъ сійчасъ до короля: — идти! Що тамъ сталось зъ барышнею? Убигайе король, сострахнувшись: — що се таке? Що ты йила? — Купыла яго-дохъ, каже, носынъ явійсь — то мужыкъ, такъ попойила, и оце стало на мени! — Бишитъ, посытайе садать. Хто носить ягоды? Сюды його ташить!.. Шукалы, шукалы, никого не нашлы зъ ягодыми. Такъ и сидѣть короли-вна на рогахъ. Давай король одпysывать у чужы царства, щобъ булы таки доктори и ликари, щобъ оти рогы зогнать. Позъйидалысь изъ чужыхъ царствовъ и изъ своего царства доктори и ликари. Посмотрѣли, посмотрѣли, — ничего не здѣлаютъ: не ходить, чынъ тамъ не мазалы, — одына вово!

Розъїхалось те усё опять по своимъ mestамъ, а чоловикъ ходить по базарю и каже: — я могу эти рогы изогнать короливни безъ зилья. Тутъ далы знать королю сійчасъ же. — Де вонъ есть той молодецъ? Преставте його у мой домъ! Узали — преставили його королю. — Можешъ ты изогнать рогы безъ зилья у моей дочери? — Могу! — Вотъ одпysую тоби царство, и ось твой жена! — Вылезитъ мени козовъ изъ два три скота на плошадь, и вылиздить усъ городане за 25 верстъ отъ города. Буду таки ликарства распускать, що якъ зайде, то умре народъ укесь. Вытащить йайи у седъ до этой купы дровъ! Вытаскалы вони йайи до дрокъ и тоди убралиси вони усъ. Узваетъ винъ дрова запалывать, тры быча вырубывъ дубовыхъ, запарывать; бере тоди бычы и потягайе минъ рогамы. Вона кричать. — Се, каже бѣть теби козакъ Мамарыкга, твой мужъ. Де ты моего коня Гывера дила? — Твой конь живой, — на станку; не мучь менъ! — А торба — волосянка, та дротинка, — де? — Это у батюшки усе поховане. Буде теби передъ лицемъ усё, тильки меве не мучъ! — Больше жъ мене не будешь выдать? — Не буду до вику ичиюго! Ну тоди онъ беретъ ягодку,

роздавлююше йій у ротъ, и спадайе рогъ, подімайе вона тоди голову выше, а то винъ бычамъ йій зовсімъ унічтоживъ. Укыдайе йій изнову ягодъ дви, три у ротъ: пойила, що три рогы спало. Осипльвила вона ище.. Тоди ще дайе йій ще побольше: ти рогы на йій осипаютьца. И з'явила штуку 40 ягодъ;—побсыпаць рогы, стала королевна - другицна така, якъ и буда.—Ну, смотри, щобъ ты знала, якъ за-мижъ шти! Пошли у комнаты, тамъ найшли, що пить, що ясты; попмы, нойни.

Черезъ часъ - мѣста біжуть городяне у городъ. Прыбигайе король у комнаты, зостричайе його дочь. Слава Богу, слава Богу, що Господь пустывъ тебе на сей світъ!

Теперички давай пить-тулять.. — Зъ какой ты земли, хто ты есть, пытайе король того, що зигнавъ рогы.—Я есть козакъ Мамарыкга, говорить, вашъ зять первый; мені винчатьца ве нада: я уже винчаний.— Такъ это ты?—Я, говорить.—Ну, одпysую тоби усе царство.

На томъ оснуваніи и царствуйе козакъ Мамарыкга у томъ царстви. Винъ почтайте жену, а жена його, и живутъ вони соби у томъ царстви¹⁾.

Г. Потанинъ.

1) Въ сказкѣ изъ Черниговской губ. (Гринченко, Этнограф. матеріалахъ, собранныхъ въ Черниговской и соєдніхъ съ неї губерніахъ, вып. 2, 1896 г., стр. 247: № 183, „Про гусючку, що вела Золоту Яйця“) двѣ яблони; отъ яблоковъ одвоє тѣло человѣка покрывається шерстю и виростаютъ рога (какъ будто человѣкъ превращается въ рогатаго звѣря), отъ другой безобразіе сим'няється красотой.

Къ новымъ записямъ былинъ изъ Донской области.

Три былины, записанныя въ Донской области г. Харламовымъ и помещенные въ „приложениі“ къ настоящей статьѣ, являются интереснымъ пополненiemъ къ скучному остатку былевыхъ пѣсень, известныхъ въ той же области и изданныхъ въ сборникѣ А. Пивоварова¹⁾. При отсутствіи прочной былинной традиціи повсюду въ Россіи, кромѣ губерній Олонецкой и Архангельской, мы, конечно, не можемъ надѣяться найти на Дону тѣхъ обширныхъ стройныхъ „старинъ“, которыя были записаны изъ усть сѣверныхъ „сказителей“. Въ появившихся въ послѣдніе годы записяхъ былинъ въ Пермской губернії (г. Коссивцева), въ Терской области и на Дону приходится постоянно отмѣтывать такія же черты захуданія и путаницы, которыми характеризуютъ большую часть былинъ, записанныхъ въ западныхъ, центральныхъ, южныхъ и восточныхъ частяхъ Великороссіи и вошедшихъ въ сборникъ Кирѣевскаго. Но собираліе и такихъ убогихъ былинъ не лишено научнаго интереса. То немногое, что уцѣлѣло въ этихъ областяхъ отъ стариннаго былевого инвентаря, показываетъ, какія эпическія личности и какіе сюжеты пользовались наибольшей популярностью и распространенностью.

Разсмотримъ три новыхъ былины, записанныя г. Харламовымъ.

1-я былина о Добрынѣ, какъ и обѣ другія, замѣнила эпическій длинный стихъ короткимъ (б. ч. четырехстопнымъ) пѣсеннымъ. Сюжетъ ея, несмотря на порядочное для доискихъ былинъ число стиховъ (150), не развитъ: очевидно, на Дону помнили кое-что о Добрынѣ, но помнили нетвердо и не умѣли довести до конца ни одного сюжета. Въ длинныхъ пѣсняхъ, каковы эпическія, какъ

1) Послѣднія тоже приводятся въ „приложениі“, равно какъ и былина, записанная А. М. Листопадовымъ и еще имъ не напечатанная.

извѣстно, окончачіе всего чаще комкаются. Какъ многія былины о Добрынѣ, такъ и донская начинаетъ разсказъ о немъ издалека: упоминаетъ объ его умершемъ отцѣ, о матери „молодой вдовѣ“, о его воспитаніи. Но сейчасъ же начинается путаница, объясняющаяся тѣмъ, что слагатели смутно помнятъ о девятилѣтней службѣ Добрыни (въ приворотникахъ, стольникахъ, ключникахъ) у князя Владимира. Въ записи отъ казака Мартынова оказывается, что девятилѣтняя служба Добрыни началась въ люлькѣ: три года богатырскій младенецъ въ люлькѣ лежалъ, затѣмъ три года золоты ключи держалъ и три года былъ ключникомъ. Послѣ этихъ девятилѣтнихъ занятій Добрыню отдаютъ учить грамотѣ къ князю Владимиру, какъ будто князь содержалъ школу грамотности. Въ болѣе толковыхъ былинахъ о Добрынѣ, какъ извѣстно, сначала упоминается обученіе грамотности, а затѣмъ ужъ девятилѣтняя служба при дворѣ Владимира. Даѣе Мартыновъ (или его источникъ) приписалъ Добрынѣ-мальчику молодецкія шуточки („ково за руку возьметь,—руку прочь оторветь, ково въ голову ударить,—голова съ плечь слятить“), которыя свойственны Василію Буслаевичу или Борису-Збуту королевичу, а не былинному Добрынѣ, отличающемся „вѣжествомъ“. Упоминается и жалоба на Добрыню за его шуточки передъ княземъ, но вскорѣ, безъ всякихъ послѣдствій. Щѣкоторые воспоминанія изъ хорошей традиціи замѣтны въ дальнѣйшихъ стихахъ, рассказывающихъ объ обращеніи Д. съ просьбой къ матери, Амельфѣ Тимофеевнѣ, его отпустить и обѣ его оборахъ. Эпическая картинка съданія коня еще сохранилась въ памяти Мартынова. Интересна и дальнѣйшая черта: встрѣча Добрыни съ Ильей Муромцемъ, старымъ-старичкомъ, отъ котораго онъ узнаетъ, гдѣ Маринкинъ дворъ. Такая роль указанія старикомъ юношѣ, гдѣ живеть прелестница—положимъ, не совсѣмъ пристала старому казаку. Но она навязана ему не впервые въ этой былинѣ: она встрѣчается еще разъ въ небольшой былинѣ о Добрынѣ и Маринѣ, записанной въ Москвѣ г. Лапшинымъ и представляющей (съ 16 стиха.) самый близкій варіантъ къ донской. Послѣдняя, впрочемъ, въ этомъ эпизодѣ толковѣе московской. По записи г. Лапшина ¹⁾, на слова Добрыни:

— Хожу ли я, ищу ли я Маринкана двора—

¹⁾ Былины старой и новой записи, II, стр. 80.

Илья сообщаетъ ему, что Маришквицъ дворъ стоитъ середь Киева, середь площади и затѣмъ описываетъ его тынъ и терема. Въ донской былинѣ Илья поясняетъ, откуда онъ знаетъ про Маривкинъ дворъ:

Какъ мы съ батюшкой
Твоими погуливали,

Разговоръ у насъ былъ
Про Маривкинъ дворъ.

И далѣе, упомянувъ о желѣзномъ тынѣ съ головой на каждой тыниночкѣ, Илья предостерегаетъ Добрыню, првбавляя:

Быть то Добрыня

Твоей тамъ головѣ.

Дальнѣйшія подробности—стрѣлянѣе Добрыни въ пѣлующихся голубей на теремѣ Маринѣ, нечаянное убіеніе змѣя лютаго въ отсутствіе Маринѣ, приходъ ея и встрѣча съ Добрыней—описаны довольно полно въ былинѣ, но на этихъ обоюдныхъ угрозахъ она обрываются, такъ же какъ записанная въ Москвѣ г. Лапшинъ. Объ обращеніи Добрыни въ тура и избавленіи его отъ звѣринааго образа его сестрой или матерью уже забыли на Дону и, вѣроятно, давно, если заключать по аналогичному окончанію московскаго варианта. Обѣ записи, совпадающія въ главнѣйшихъ чертахъ содержанія и въ окончаніи, повидимому, указываютъ на то, что существовала „упрощенная“ редакція былины о Маринѣ, въ которой встрѣча ея съ Добрыней кончалась взаимными угрозами обратить противника въ то или другое животное. Такая редакція подтверждается и краткой былиной, записанной среди уральскихъ казаковъ¹⁾). Въ ней вѣтъ встрѣчи Добрыни съ Ильей, но во всемъ прочемъ она совпадаетъ съ Лапшинской и Харламовской и кончается угрозой Добрыни обернуть Маринку „сорокой бѣлобокой, кобылицей водовозною“.

Во 2-ой донской былинѣ, разсказывающей о состязаніи конями между кн. Владимиромъ и Иваномъ Гостинымъ, послѣдній названъ Иваномъ Гардиновичемъ по смѣшению съ другимъ богатыремъ Иваномъ Годиновичемъ, называющимся иногда въ былинахъ Горденовичемъ. Такое же смѣшеніе въ именахъ находимъ въ былинѣ Гильфердинга № 307. Начало былины—пиръ у Владимира, хвастанье присутствующихъ кто чѣмъ можетъ, похвальба князя своими конями, вызовъ желающихъ состязаться съ нимъ въ скачкѣ, со

¹⁾ Былины старой и новой записи, стр. 280.

гласіе Ивана принять вызовъ—рассказано довольно стройно. Упомнилъ пѣвецъ былины также, какъ конь рветъ на хозяинѣ шубу ударомъ копытъ и отвѣтъ Ванюши дивящимся боярамъ:

„Я поболѣлъ поживу

Себѣ шубу поживу“...

Но весь дальнѣйшій разсказъ уже не соотвѣтствуетъ обычному эпическому преданію. Въ извѣстныхъ былинахъ обѣ Иванѣ Гостинымъ до настоящаго бѣга коней—Иванова и княжескихъ—дѣло не доходитъ. Конь Ивана уже на княжескомъ дворѣ разгоняетъ жеребцовъ Владимира и производить своимъ страшнымъ видомъ такой переполохъ среди князей и бояръ, что состязаніе не можетъ состояться. Въ донской же былинѣ дѣло разсказано иначе: Владимиръ серьезно готовится къ скачкѣ, причемъ

Разстановливаетъ князь
Своихъ добрыхъ лошадей

На каждой верстѣ
И на полверстѣ.

Затѣмъ онъ, повидимому, въ скачкѣ сначала опередилъ Ивана, а затѣмъ тотъ нагналъ его на девятой верстѣ и хотѣлъ по уговору срубить ему голову. Князь спасъ конь Ивана, посовѣтовавъ хозяину пощадить Владимира, взявъ съ него вмѣсто головы все сго имѣніе. Въ такомъ окончаніи былины можно видѣть продуктъ мѣстнаго творчества. Казаки, извѣстные кавалеристы, не удовлетворялись обычной редакціей былины безъ настоящей скачки и передѣлали старую пѣсню по своему, внеси въ нее невозможную въ нашемъ эпосѣ картинку—скачущаго князя Владимира и готовящагося снести голову Ивана Гардивовича. Такую же попытку окончить старую былину скачкой находимъ въ „старинкѣ“ обѣ Иванѣ Кулаковѣ, записанной въ Якутской области г. Богородскомъ¹⁾. Здѣсь Владимиръ ставить призомъ скачки руку своей племянницы Марфы Сеславьевны, а Иванъ бьется о своей буйной головѣ. Скачка состоялась, но рассказчикъ (Кулдаръ) не помнилъ окончанія былины стихами и досказалъ словами, что Иванъ Кулаковъ успѣлъ досказать изъ Киева до Чернигова и вернуться въ Киевъ, пока еще длилась обѣдня, и взялъ племянницу Владимира.

Третья короткая былинка о Дюкѣ Степановичѣ ограничивается описаніемъ выѣзда этого богатыря, его коня, вооруженія и стрѣль, въ томъ числѣ чудесныхъ трехъ, которыми цѣна не сказана, не объявлена. Не болѣе того помнятъ былину о Дюкѣ казаки на

1) Издана мною въ Изв. Отд. р. яз. и слов. И. А. Наукъ т. V., кн. 1-я.

Уралъ и Терекъ, а также крестьяне въ Пермской губерніи. Съ донской пѣсней очень близки варіанты Кирѣевскаго ¹⁾ и Мякушина ²⁾, записанные среди уральскихъ казаковъ. Варіантъ г. Карпинскаго изъ станицы Червленой на Терекѣ у гребенскихъ казаковъ ³⁾ и варіантъ г. Косвинцева изъ Кунгурскаго уѣзда Пермской губерніи ⁴⁾. Какъ въ гребенской, такъ и въ донской пѣсни Дюкъ Степановичъ выѣзжаетъ изъ села Карабачева, папавшаго сюда некстата изъ былинъ о выѣздѣ Ильи Муромца. Любопытно отмѣтить полное забвение среди казаковъ конской породы, извѣстной встарину подъ названіемъ *бахматъ*. Уральские казаки сблизили устарѣлое слово *бахматъ* повидимому съ *бешметомъ* и поютъ:

„Выѣзжалъ-то тутъ добрый молодецъ Дюкъ Степановичъ. На своеемъ-то на добромъ конѣ *съ буромъ бахматъ*“⁵⁾. А донскіе казаки пошли еще дальше въ непониманіи этого названія, видя въ бахматѣ какое то свойство копыть:

Подъ нимъ конь—

Копыть—*бахматомъ*,

Роено лютай змѣй (т.-е. завѣрь),

Грива—*злесомъ*,

Буръ—косматъ:

Кстати, приведу сообщеніе о коняхъ-бахматахъ, занесенное Богданомъ въ его описаніи Украины (изд. 1660 г., стр. 38). По его словамъ, бахматы лошади нескладныя и некрасивыя по виду, но крайне выносливые. Онѣ могутъ безъ отдыху скакать отъ 20 до 30 лѣт. Грива у нихъ густая, длинная, доходящая до земли; хвосты также длинные, волочащіеся позади ихъ ⁶⁾. Это напоминаетъ былинаго коня бурушка-косматочку.

Вс. Миллеръ.

1) Пѣсни т. III., стр. 100.

2) Сборникъ уральскихъ казачьихъ пѣсень, стр., 7-я, перепечатано въ Былин. стар. и новой записи II., стр. 188.

3) Сборн. материаловъ для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа Вып. XXII Отд. III, стр. 37.

4) Этнограф. Обозр. кн. XLIII, стр. 93.

5) „C'est une certaine sorte de chevaux mal faits et laids, mais bon au possible pour la fatigue, car pour faire des courses de 20 à 30 lieues d'une traite il n'appartient qu'à ces *baquemates* (ainsi appellent-ils ces sortes de chevaux) qui ont le crin du col fort touffu et pendant jusqu'en terre et cestui de la queue leur traîne derrière“. Beauplan—Description d'Ukraine, изд. 1660 г. стр. 38.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Былины изъ Донской области.

Предлагаемые здѣсь и разсмотрѣнныя выше проф. Вс. Ф. Миллеромъ три былины записаны мною въ Донской области, въ станицахъ Усть-Быстрицкой и Нижне-Кундрюческой. Въ лѣтніе мѣсяцы 1899 и 1900 годовъ я занимался собираниемъ народныхъ пѣсень и заговоровъ. Вслушиваясь въ пѣсни, которыхъ поетъ молодежь обоего пола, я замѣчалъ, что пѣсни эти недавняго происхожденія, что они въ большей части представляютъ продуктъ запимствованія и своеобразной переработки текста и мелодіи модныхъ фабричныхъ романсовъ и пѣсень: «Чудный мѣсяцъ», «Потеряла я колечко», «Разлука» и проч. — Чаще всего мнѣ приходилось слышать ихъ въ исполненіи молодежи. Желаніе найти пѣсню чисто народного творчества заставило меня обратиться къ старикамъ. Правда, ихъ пѣсенка уже спѣта, но они сохранили преданія своей молодости и рѣдко отказываются подѣлиться ими. Я просилъ пѣть и рассказывать старинные эпсы, — и одинъ изъ первыхъ, который были сообщены мнѣ, это — былины. Всѣ пѣвцы называли эти былины *старинными пѣснями*; другого названія для нихъ мнѣ не пришлоось усъшать.

Въ районѣ двухъ указанныхъ станицъ мнѣ удалось записать только вти три былины. Лучшія редакціи первыхъ двухъ — о Добрынѣ Никитичѣ и Иванѣ Гардиновичѣ — я записалъ на хуторѣ Кременскомъ Усть-Быстрицкой станицы отъ казака Федора Максимовича Мартынова. Звали эти былины и другія лица, преимущественно пожилыя и старыя женщины, но не въ цѣломъ видѣ, а въ большинѣ или мѣньшихъ отрывкахъ. Варианты этихъ записей приведены мною подъ текстомъ. Былина о Дюкѣ Степановичѣ записана въ Нижне-Кундрюческой станицѣ отъ урядника Петра Алексѣевича Рышкина. Ог҃ь другихъ пѣвцовъ мнѣ не удалось услышать ее. Этотъ первый опытъ записи былинъ, конечно, не лишенъ недостатковъ техническаго характера, такъ какъ записывалъ я не съ пѣнія, а съ говора.

Мнѣ кажется, что на основаніи незначительного количества записанныхъ мною былинъ нельзя говорить вообще о бѣдности былинного материала на Дону. Лица изъ мѣстной интелигенціи, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдоватъ по поводу собиравія былинъ и народныхъ пѣсень, указывали на среднее теченіе Дона съ его населеніемъ, где, по ихъ наблюденіямъ, можно больше всего найти и былинъ, и старинныхъ мѣстныхъ народныхъ пѣсень. Здѣсь большая часть населенія — старообрядцы, а этотъ элементъ народа лучше сохраняетъ, какъ извѣстно, традиціи своей жизни во всемъ ея объемѣ. Жители тѣхъ станицъ, въ которыхъ записаны мною былины, принадлежатъ къ такъ называемымъ «низовымъ»

казакъ». Составъ этой части населенія Донской области и характеръ его народной жизни значительно отличаются отъ тѣхъ же сторонъ жизни населенія средняго и верхняго теченія Дона, отъ «верховыхъ казаковъ».

«Верховые казаки» — это исторически позднійшіе насельники, выходцы изъ центральныхъ великорусскихъ губерній, до сихъ поръ еще сохранившіе и къ говорѣ, и въ складѣ жизни, и въ народномъ характерѣ черты своего происхожденія. Здѣсь значительно раньше жизнь стала сѣдлой, земледѣльческой, утратила чисто-военный, гулевой, казачій характеръ.

«Низовые казаки», первоначальное ядро Донского казачества, хотя въ большей своей части и были великорусскими выходцами, но въ значительной степени подверглись вліянію малорусского племени и сосѣднихъ кочевыхъ племенъ. Въ ихъ языке попадаются слова татарскія и турецкія, въ своемъ характерѣ они болѣе «казаки», въ техническомъ значеніи этого слова, болѣе подвижны, воспріимчивы, впечатлительны, чѣмъ верховые, въ ихъ обычаяхъ и быту семейномъ много малорусскихъ чертъ. Любопытно, что сами «низовые казаки» сознаютъ это различіе и несколько съ презрѣніемъ смотрѣтъ на верховыхъ за то, что тѣ больше походить на «руakovъ», «караповъ»; говорятъ, что они не настоящіе казаки.

Эти этнографическія особенности казачьаго населенія Донской области, искажается, могутъ служить подтвержденіемъ высказанаго предположенія, что въ среднемъ теченьи Дона, среди «верховыхъ казаковъ», долженъ оказаться болѣе обильный былинный эпосъ, чѣмъ среди «низовыхъ», и, въ частности, въ той мѣстности, где мнѣ пришлось записать былины.

Текстъ комѣщаемыхъ здѣсь былинъ записанъ съ тѣми особенностями народного говора, которыхъ свойственны той мѣстности.

1. Былина о Добрынѣ Никитичѣ.

Жилъ то былъ Микитушка	15. Онъ три года Добрыня—
Богатай человѣкъ.	У лыжки лежалъ;
Не богатай онъ былъ	Ишо три года Добрыня—
Не убогай слыши ¹⁾ ,	Золоты ключи держалъ;
5. А тапёрица Микита	Ишо трий года Добрыня—
Самъ състарился (2)	Онъ клюшничкомъ былъ,—
Микита переславился.	И тану, сену былъ.
Аставалася въ невѣ	Ровно девять лѣтъ.
Всѧ имѣть євѣ бытѣ (2)	На десятомъ то году
10. Всѧ имѣница ево,	Отдавала єво матушка
А ишо та аставалась	25. Грамоту учить
Мазада євѣ жена (2)	Кы тому то кназю,
Съ малыни дѣтишаю	Кназю Владимирову.
Сы Добрынушкою.	Онъ грамоту учить

¹⁾ Вероятно:

Онъ богатый не убогай

Многомилостивай.

- И по улицамъ ходилъ (2)
30. Шуточки шутишъ
Онь шуточки шутишъ
Все не маленькия:
Кавб за руку взъметь,—
Руку прочь атарвѣтъ;
35. Кавб въ голову ударить,—
Галава съ мечъ слятишъ.
Туть многа на Добриню
Люди жаловались:
«Батюшка ты нашъ,
40. Володиеръ князъ,
Ты вайин вѣтво юнашу.»
Маладецкая сердечушка
У Добринушки загарчива.
45. Бѣ роднай мамушкѣ сваѣй:
«Ты родная май,
Родная матушка,
Ты Анельса Тимофеевна,
50. Ты позволь мнѣ, мамушка,
Свою силу богатырскую
Все воспробовать».
Отвѣчала ему мамушка:
«Ты чадо, май чадушка,
55. Ты ишо малёхонекъ».
«Родная май мамушка,
Позволь мнѣ поѣхати»
Съдлантъ Добринушка
Атцовскава каня,
60. Накидантъ Добринушка
Черкесская сѣдло,
Подтягантъ Добринушка
Двѣнадцать подпрухъ (2)
Сы подпружечка—
65. Не для красоты
А для крѣости
Подпружечки у нево—
Все шалковыя,
На нихъ прѣжечки—
70. Все булатныя.
Садится Добриня
На сваво добрава коня,
Выѣзжантъ Добриня
Во чистѣ поле гулять.
75. На устрѣчу Добринѣ
Старь старичекъ идѣтъ,
Старь старичекъ—
Илья Муромецъ.
У старинушки
80. Галовушка бѣёхонъка,
А бородушка сѣдёхонъка.
Ты скажи, скажи, старинка,
Гдѣ Маринка живеть (2)
Гдѣ Маринкинъ дворъ.
85. Какъ и сталъ старичекъ
Добриню журить и бранить
И рѣчью гаварить:
«Ты далека, май чадушка,
Загуливасси!
90. Какъ мы съ батюшкой
Твоимъ погуливали,
Разговоръ у насъ былъ
Про Маринкинъ дворъ.
Маринкинъ дворъ
95. Отсудова семь верстовъ,
Отсудова семьсталбовъ:
Около Маринкина двора
Тынъ же лѣзнай стантъ.
На всякой тыниночкѣ—
100. По маковочкѣ (2)
По буйной галавѣ.
На адной тыниночкѣ
Нѣть маковочки,
Нѣть буйной галавы,—
105. Быть то, Добриня,
Твоей тамъ галавѣ».
Маладецкая сердечушка
У Добринушки загарчива,
Какъ и бѣть то Добривя
110. Славо дѣбраво коня
По крутымъ ево бедрамъ
Пріѣзжантъ то Добриня
Бѣ широку еї двору.
На Маринкиномъ теремѣ
115. Сидять два голубы
Цѣлюются, мылаются
Они обнимаются.
Онъ узводить Добриня
Свой тугой лукъ,
120. Онъ и бѣть то Добривя

- По этымъ голубямъ.
Ево правая нога оступилася,
Ево лѣвая рука обишуллася.
Не попадъ онъ голубей,—
125. Пепаль въ стѣну єё.
Онъ разбиль то Добрыня
Стѣну каменную, (2)
Грубу малярную.
Онъ убилъ то Добрыня
180. Змѣя лѣгаво,—
Маринкинова друга илава.
Какъ и тутъ то Маринка
Не случилася во дворѣ:
Маринка была—
135. Въ банѣ парилася.
- Какъ прихода Маринка
Къ шираку сваму двару,
Кричить то Маринка
Громкимъ голосомъ своимъ:
140. «Ой что это такое
За невѣма пришель, (2)
Не отеческой сынь?
Я тибе, Добрыня,
Какъ хочу ворочу:
145. Издѣлаю тибе Добрыня
Сѣрымъ заспакай.
Врешь ты, шельма,
Маринка, сбываешься,
Я издѣлаю тибе
105. Кабылаю вадавознишай!

II. Былина объ Иванѣ Гардиновичѣ.

Ой да какъ леталъ то, леталъ
Младъ сизой арѣль
По крутымъ горамъ.
Какъ летающи арель
Самъ състарился:
Ой да пробивала у арла
Она бы сѣдунушка

Между сизыхъ крыль;
Побѣдѣла у арла
Буйная галовушка
Ровно бѣлай сѣльгъ ^{1).}
1. Какъ во стольномъ было
Во городѣ, славномъ Біевѣ ^{2).}
Какъ у князюшки было,

¹⁾ Начало этой былины не имѣть никакой связи съ ея дальнѣйшимъ содержаніемъ. Я передаю ее такъ, какъ записалъ въ рассказѣ многихъ пѣвцовъ. На мои замѣткія, что первые стихи объ орлѣ не имѣютъ никакого отношенія къ рассказу о князѣ Владимирѣ и Иванѣ Гардиновичѣ, пѣвцы отвѣчали, что они „играютъ эту пѣсню такъ, какъ заучили отъ отцовъ и дѣдовъ“. Былина эта исполняется протяжнымъ напѣвомъ, съ повтореніемъ словъ и вставками частичъ между отдельными словами стиха. Такъ наприм., первые два стиха въ исполненіи пѣвца имѣютъ такой видъ:

Ай да какъ леталъ та, бы да леталъ
Вотъ и младъ сизой, младъ сизой арѣль...

У А. Пивоварова это начало былины объ Иванѣ Гардиновичѣ служитъ первыми строфами пѣсни о старости орла, которая продолжается такъ:

Потусытиц у него, сиза орла, очи ясны,
Примахаль сизой орель свои крылья развязы,
Обломаль свои остры когти вплоть до пальчиковъ.
Прилетали бы сизу орлу три черныхъ ворона,
Прилетали къ нему и въ глаза глядять ему,
Во глаза то глядять, ему рѣчи говорять:
Полно, полно тебѣ, старъ сизой орель,
По крутымъ горамъ летать, гусей лебедей биватъ...

Пѣсня оканчивается смертью орла. (Донскія казачьи пѣсни, отдѣль 1-й стр. 53).

²⁾ По одному изъ пѣвцовъ—Чернеговъ.

- Князя Владимира,
 5. Собиралась у нево
 Пиръ да бесѣдушка,
 Она все почѣствая.
 Ой да честна, хвалила
 Пиръ бесѣдушка,
 10. Ова многорадостная.
 Во пиру то сидѣть
 Они князья, бояры.
 Они нынѣ то ъѣдать,
 Да все похваляются:
 15. Какъ богатый то хвалится
 Онъ богатствомъ своимъ;
 Сильный—своей силою:
 А убогай хвалится
 Божьей милостью,
 20. А князь Владимиръ—
 Своими добрыми каньми:
 Какъ и есть то у мене
 Полтараста мирильевъ, (2)
 Девяносто жеребцовъ;
 25. Какъ и кто бѣ то са иной
 Заспорилъ бы скакать?
 Всѣ то князья-бояры
 Умолчали отъ нево,
 А одинъ то абъозвался—
 30. Сынъ Ванюша Гардиновичъ:
 Какъ и я съ тобой
 Князь Владимиръ,
 Заспорю скакать.
 35. И заспорили они
 Не обѣ сто то рублемъ,
 Не обѣ тысячу,—
 Обѣ своихъ то о бѣзныхъ
- Обѣ головушки.
 Назначали ани
 40. Мѣстечка урочная.
 Разстановливать князь
 Своихъ добрыхъ лошадей
 На каждой верстѣ
 И на полъ верстѣ.
 45. Какъ выводить то Ванюша
 Славо добрavo коня,
 Сѣдлантъ онъ черкесская сѣдло
 Подтягивать двѣнадцать под-
 пругъ
 Недля красоты—ради крѣпости.
 50. Тутъ конечекъ сталь возыгры-
 вать,
 Поводыца попрашивывать,
 Онъ за плечики пощипывать ¹⁾.
 Ваниль конь засгралъ,
 На немъ шубу разорваль.
 55. Тутъ то князья—бояры
 Сильно дивовалися:
 «Ванюшка, Ванюша,
 Твой конь засгралъ,
 На тебѣ шубу порваль».
 60. — Я поболѣ поживу, —
 Себѣ шубу наживу,
 А такова вона —
 Мнѣ во вѣкъ не нажить ²⁾
 Садится Ванюша
 65. На славо добрavo коня
 Догонять то князя
 На девятой на верстѣ,
 И хотить то съ князя
 Срубить голову,

¹⁾ Строѣ: сѣдлантъ онъ черкесская сѣдло.....

..... онъ за плечики пощипывать..... не было въ редакціи бывшаго, за-
 писанной отъ Ф. М. Мартынова, онъ вставлены изъ вспомогательной записи отъ дру-
 гого пѣвца.

²⁾ Вариантъ:

Ваниль вона засгралъ,
 Клюю шубу разорваль.
 Какъ возвговариль то князь:
 Что съ тобой дѣлать?
 Не судъ съ тобой судить,
 Не погъ судъ отдавать,
 А лучше съ коня голову снять.
 Вынимай внизъ шашку острую,

Хотить снять съ коня голову.
 Тутъ конь рѣчь возвговариль:
 Глупые вы, князья—бояры,
 Неразумные дѣти отеческие!
 Вы поболѣ поживете,—
 Себѣ шубу наживете,
 А такова канечка
 Вамъ во вѣкъ не нажить.

70. Какъ и конь то возговорилъ ево:
Не руби ты князю голову.
А сайдися съ нимъ доброй волею:
- Возьми съ нево всю нижнія
ево,
А оставь его живова.

III. Былина о Дюкѣ Степановичѣ.

- Изъ за горъ то было,
Изъ за крутыхъ горъ,
Изъ за лѣсу было—
Лѣсу тѣинава.
5. Изъ провалъя глубокова,
Изъ ущелья Егишова—
Не ясменъ саколь
Съ горъ вылетывалъ,
Не бѣлой кречеть
10. Перепархивалъ,—
Изъ таво то села
Карачаева
Выѣзжалъ добрый молодецъ,
Русской богатырь
15. Дюкъ Степановичъ.
Подъ нимъ конь—
Ровно лютай змѣй,
Буръ—косматъ;
Копыть—бѣкматомъ,
20. Грива—кѣлесомъ.
- На добру младцу
Стальной панцарь
Какъ заря осягѣтъ,
На боку два волчана.
25. Во колчахъ было
Тридцать стрѣль,
Еще три стрѣлы.
Всѣмъ то стрѣламъ
Цѣна сказана,
30. Всѣмъ объявлены;
А тремъ стрѣламъ—
Цѣны нѣ было,
И не сказано, не объявлено.
Какъ набиты то стрѣлы
35. Мелкии зенчугомъ:
По днамъ стрѣлы стрѣлять,
По ночамъ—собирать,—
Гдѣ стрѣла лежить,
Тамъ снѣча гарить
40. Вооку ярова.

Мнѣ представляется не лишнимъ привести здѣсь еще нѣкоторыя былины, записанные раньше въ Донской области. Одна изъ нихъ никогда не напечатана; это отрывокъ былины о Добрынѣ Никитичѣ, записанный А. М. Листопадовымъ въ станицѣ Екатерининской 1-го Донского округа. Остальные отрывки былинъ напечатаны въ З-емъ отдѣлѣ Сборника донскихъ казачьихъ пѣсенъ А. Н. Пивоварова подъ заглавиемъ «Пѣсни разного содержанія». Этотъ отдѣлъ сборника не поступалъ въ продажу и извѣстенъ въ очень немногихъ экземплярахъ; поэтому помѣщенные въ немъ отрывки былинъ и воспроизводятся здѣсь.

A. Былина о Добрынѣ Никитичѣ.

(Записана А. М. Листопадовымъ).

- По полюшку было, да было жа полю Куликовскому.
Таинъ ходилъ жа вотъ бы младъ Добрынушка,
Да гулялъ жа онъ не годъ, гулялъ онъ не годъ, не два:
Прогулялъ жа вотъ бы младъ Добрынушка
5. Да гулялъ онъ ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ, еще три года,

- Да всего жа трицать три года.
 На четвертомъ али все годочку
 Сталь коникъ, сталь ковикъ спредѣщивать:
10. «Ты хозяинъ мой, ты хозяинъ,
 Да хозяинъ мой ласковый,
 Ты утѣха, вотъ моя утѣха,
 Да моя же молодецкая!
 Ничево жа ты, моя утѣха,
15. Да не знаешь. (2) не вѣдаешь,—
 Родишию али свою мамушку,
 Да ее же спровѣдаешь (sic):
 Какъ твоя то родимая мамушка,
 Да мамушка сѣстрилась
20. Молода твоя шельма-жаненочка,
 Да жаненка просваталась
 Не за князя, али не за барина—
 За Алешу за Поморица,
 За такова то за хорошава,
25. Да за горькаво пьяницу,
 Да за бабьева за насиѣшничка,
 Да за дѣвичья все же перелестничка».
 Опустиль жа вотъ бы иладъ Добрынюшка
 Да свою буйну голову,
30. Опустиль жа ее иладъ Добрынюшка
 Опустиль ниже плечь, плечь могучихъ;
 Опускаль жа вотъ бы иладъ Добрынюшка
 Да онъ ручки во кармашки,
 Доставаль жа вотъ бы иладъ Добрынюшка
35. Доставаль золоты, вѣть овъ золоты ключи,
 Отмыкаль жа вотъ бы иладъ Добрынюшка
 Да свою жа онъ конюшенку;
 Выводилъ жа сваво коня добрavo,
 Да коня, коня богатырскава,
40. Осѣдмаль-то коня богатырскава,
 Осѣдмаль ево черкескинъ сѣдломъ,
 Да побѣжалъ вотъ бы иладъ Добрынюшка
 Ко своей родной матушкѣ.

Б. Добрыня просится показаковать.

(Изъ сборника А. Пивоварова, стр. 223.)

- Пресмылся Добрынюшка у родной матушки своей:
 Мать моя, матушка, ты родища!
 Благослови меня, ты пусти меня, матушка,
 Попить, погулять, показаковать!
 5. Богъ благослови гъ, мое чадушко!

- Идеть, идеть на квартирушку,
 Беретъ уздечку тесьменную, идеть въ конюшенку
 Обратоваль коня сваво неука отцовскаго, богатырскаго,
 Накладывалъ сбѣделичко бухарское,
10. Подтягивалъ двѣнадцать подпругъ шолковыхъ,
 Не для красоты, а для крѣпости.
 Пойхалъ Добрыня во чисто поле гулять,
 Богатырскую силу испробовать,
 Добра коня свою понаѣзживати,
15. Приказывалъ своей молодой женѣ:
 Жена моя, сударыня!
 Не ходи ты ровно тридцать лѣтъ замужъ,
 А пойдешь ты за сына, за Поповича:
 Мнѣ Поповичъ—названный братъ.

В. Добрыня возвращается со службы.

(Изъ сборника А. Писоварова. стр. 223—224. Сообщилъ П. Г. Никулинъ).

- Какъ и съ вечера Добрынишка вѣдь онъ цыпъ гулялъ,
 Со полуночи, добрый молодецъ, онъ коня сѣдалъ,
 Кы бѣлой варь онъ, Никитьевичъ, со двора сѣзжалъ;
 Его родная матушка провожать пошла.
5. Провожала его родная матушка, слезно плакала,
 Во слезахъ то родная стала спрашиввать:
 Ты когда же, мое чадушко, вонъ домой будешь?
 —Да и жди меня, родная матушка, ровно въ три года,
 Если въ три года не буду, жди меня въ шесть годовъ,
10. Если въ шесть годовъ не буду, жди меня въ девять лѣтъ,
 А въ девять лѣтъ я не буду, тогда поминай меня;
 Молодая моя жена пущай она замужъ идетъ,
 Моя мелкія дѣтушки тогда сироты будутъ.
 Не свѣтило бы красное солнышко оно девять лѣтъ,
15. На девятый годъ красное солнышко оно просіяло
 Да надъ тѣми надъ сѣнами надъ вдовинами
 И надъ тѣми надъ воротами надъ решетчатыми,
 Веротился добрый молодецъ на родину сторону—
 Покончилъ Добрынишка службу царскую!

Г. Разбойники нападаютъ на Илью Муромца.

(Изъ Сборника А. Писоварова. стр. 224—225. Доставлена Атаману Хомутову
 изъ 2-го Донского округа).

Воздалече, воздалече было во чистомъ полѣ,
 Пролегала тамъ дороженька не широкая,
 Долинбо она конца краю нѣть,
 Шириню дорожечка не широкая,

5. Заповѣдала дороженька ровно тридцать лѣть,
Нако по той дороженькѣ не хаживаль,
Ни коннаго, ни пѣшаго слѣду не было,
Только шолъ, прошолъ старой старицѣ,
Старой старицѣ—Илья Муромецъ,
10. На старому шубеночку худымъ худа,
Худымъ худа, вся изматана
Лѣвая пола стоитъ пятьсотъ рублей,
А правая пола стоить тысячу,
А станъ съ рукавами и цѣны нѣть.
15. На правой руки держить онъ тугой лукъ
Пристигала старица темная ноченька.
Сыворачивалъ онъ сы дороженьки,
Выходилъ старицѣ на высокъ курганъ,
На восходъ солнца Богу молится,
20. На всѣ стороны покланяется,
Помолемши онъ Богу, ложился спать,
Лѣвую полу подъ себя стелилъ,
Свой тугой лукъ въ голова кладеть,
А правою полою одѣвается.
25. Середи то ночи, середь полночи
Наѣзжали на старица охотнички
Сорокъ четыре разбойничка,
Хотѣли со старова шубенку снять,
Шубенку снять, да сагайдакъ отнять.
30. Отъ сна старицѣ пробуждается,
Онъ за тугой свой лукъ хватается,
Накладываетъ калену стрѣлу;
Его тугой лукъ какъ левъ реветь,
Каленый его стрѣлы какъ зибы свищутъ.
35. Какъ и туть то охотнички почуялися,
По темнимъ лѣсамъ разбѣжались!

Д. Севрунь.

(Илья сборн. А. Писоварова стр. 225—226. Напечат. изъ сборника *Сказокъ*).

- А кто бы то дозналъ,
Когда бѣлый свѣтъ насталъ,
Праведно солнце взошло,
Ясенъ мѣсяцъ восходилъ,—
5. Севрунь тое дозналъ,
Когда бѣлый свѣтъ насталъ,
Праведно солнце взошло,
Ясенъ мѣсяцъ восходилъ.—
— «А вы люди стародавніе,
10. А давно вы живете—

- Начего не смыслите,
Либо мяѣ хлѣба-соли ставьте,
Либо мяѣ борцовъ дайте,
Либо мяѣ голову срубите!»
15. — «Вотъ тебѣ хлѣбъ-соль на столѣ
И бойцы на дворѣ,
А головушки не будемъ рубить!»
Распился Севрукъ
Разгулялся Севрукъ
20. Семьсотъ казаковъ ваборолъ,
Восемьсотъ татариковъ,
Девятьсотъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Что идутъ, пройдутъ Донцы,
Добры удалы молодцы,
25. На бокъ колпаки поскрявляючи,
Подъ бокъ кулаки зазмыляючи,
Своего Бога похвалиючи:
А дай намъ, Боже, Севрука подолѣть
И съ коренемъ повывертѣть.
30. Пришли они, подивилися,
За бѣлые груди взялися,
Какъ подымутъ Севрука
Вонъ выше себя,
Какъ ударятъ Севрука
35. Объ сырь землю!
Севрукъ глаза вытрешиль,
Севрукова кожа лопнула,
Всѣ ребушки посыпались,
Всѣ косточки повыломались,
40. А Севрукѣва мать
По новыть сѣянцамъ похамываетъ,
Бѣлы ручки поламываетъ:
«А скурвій сынъ,
А проклятый сынъ!»
45. И напѣто было завѣдиться?
И на што было зазымливаться?
Пошла слава по всемъ сѣверу—
Очутимася и въ Кіеву.

E. Туры златогоріе.

(Изъ сборн. А. Писоварова. стр. 226—227. Доставлено Атаману Хомутову изъ 2-го Донского округа).

Вечоръ-то мы, братцы, очень пьяны были,
Заутра мы, братцы, чѣмъ покѣмълись?
Болять у насъ буйные головушки,

- Щемять наши ретивыя сердечушки,
 5. Скинемся мы, братцы, по одной гривенкѣ,
 Зайдемте мы, братцы, во царевъ кабакъ,
 Возьмемте мы, братцы, по одной рюмочкѣ,
 Поки́мъши свои буйныя головушки,
 Взвеселимъ свои ретивыя сердечушки,
10. Пойдемте мы за городъ, проходимся,
 За стольной за Кіевъ прогуляемся,
 Выйдемте на вышку, на высокій курганъ,
 Глянемъ, поглянемъ во всѣ стороны—
 Не пыль, не кура въ полѣ подымается,
15. Не туманушка въ полѣ растялается,
 Бѣгутъ, пробѣгаютъ тамъ гвѣзды туры,
 Гвѣзды туры златорогие.
 Пробѣгаютъ туры ко синю морю,
 Въ синемъ морѣ веды напиваются,
20. Въ зеленыхъ лугахъ травы наѣдаются,
 Напились, наѣлись, сами поплыли,
 На бѣломъ на камушкѣ спочинули,
 Спочинувши туры опять поплыли,
 Приплывають туры къ крутыму берегу,
25. На встѣрѣчу турица златорогая
 Старая турица златорогая
 Стала добрыхъ молодцевъ распрашиватъ:
 Гдѣ вы были, дѣти, гдѣ гуляли вы?
 — Что были мы, матушка, во Іаховѣ,
30. Гуляли мы, матушка, вѣ Іаховѣ,
 Бѣлорусскую землю мы насквозь прошли
 А стольный то Кіевъ на бѣлой зарѣ,
 Нигдѣ такой дваждыни не видѣли,
 У того было собора у Никольского
35. Стояла тамъ красная дѣвица,
 Лицомъ она бѣла, волосомъ черна,
 Въ рукахъ держить книгу незнакомую,
 Читаетъ ту книгу незнакомую,
 Сама плачетъ какъ рѣка льется,
40. Говорить она громко, какъ въ трубу трубить:
 Придетъ то побѣда на нашъ стольный градъ!

Ж. Сватовство за Софию царскую дочь.

(Изъ сборника Писоварова, стр. 228. Сообщ. П. Г. Никулинъ).

Какъ во славномъ во городѣ, вѣ Цареградѣ
 У того то князя Володимира
 Собиралася пиръ-бесѣдушка почестная
 Какъ честна хвалына бесѣда, многорадостна,

5. Ве бесѣдѣ сидѣли князья, бояре,
Они пьють, ёдуть, прохлаждаются,
Промежу собою похваляются,
У нихъ рѣчь зашла про Васильшку,
Про Василія сына Долгорукова,
10. Какъ ты че, Васильшка, не женишься,
Что не женишься не женатъ ходишь,
Не жеять ходишь, холость гуляешь?
— Я бы радъ жениться—да мнѣ негдѣ взять:
Гдѣ мнѣ хочется,—хоть двѣ, три возьми!
15. Гдѣ не хочется,—хочь двѣ, три возьми!
Какъ и кто бы мнѣ службу сослужилъ,
Да пойхалъ въ Ерусалымъ городъ,
Къ тому царю, кы Солокону,
За сго-бѣ дочку мнѣ посватался,
20. За тою Софешушку прекрасную,
Прекрасную, очень мудрую,
Не ученая, уроженая, (?)
Брови черные, соболинны
Глаза желтые, соколиные!
25. Какъ къ тутъ князья перпужались,
Всѣ визиушки разбѣжались,
Остался одинъ Донской казакъ,
Младой ключничекъ,
Онъ съ мяста на мясте передвигается,
30. На цари смотрить, устѣхается—
— Какъ ты батюшка нашъ, православный царь!
Не вели казнить, вели рѣчь говорить:
Нагружай ты, царь, три корабличка
Первый грузи златомъ, серебромъ,
35. А второй грузи мелкимъ земчугомъ,
А третій грузи сладкимъ иойлицемъ,
Отправляй ихъ, царь, во сине море!

3. Змѣй Тугаринъ и княгиня Омельфа.

(Изъ сборника А. Писогарова, стр. 229—230. Сообщила Г. П. Никулина).

- Солнышко было на вечеръ,
У князя была бесѣдушка.
Княгиня по сѣнишкамъ похаживала,
Крупными бедрами поворачивала,
5. Широкими рукавами поразмахивала,
Ну часто въ оконечко посмотривала,
Ждала, пощадала друга милаго къ себѣ
Того-то вѣдь змѣя ну Тугарина,
Немножко княгиня чуть напѣшилась—

10. Не стучь то стучить, не громъ то гремитъ:
 Тутъ ъдеть собака Тугаринъ.
 Какъ конь то подъ нимъ будто лютый звѣрь,
 А онъ на конѣ—что сѣнная копна,
 Что сѣнная копна неподкопненная.
15. Голова у собаки сы пивной, большой котель,
 Глаза у собаки ровно чашиши,
 Между то очей клевоза стрѣла лежитъ.
 Подъѣзжалъ собака кы широкому двору,
 Сказано отъ собаки своему добруму коню:
20. —Заржи ты мой конь по звѣриному!
 А я засвищу по змѣиному!
 Не жилицкія кони всѣ пошарахнулися,
 Порвали ови чумбуры шолковые,
 Поломали комушки всѣ позлащенные.
25. Овечинъ (?) ковь не ворухвется стоять,
 Только ушики єдинъ поваживаеть,
 Глазкаши на баку онъ посматриваетъ.
 Какъ не туть то собака догадался:
 — Мвѣ туть супротивничекъ есть!
30. Вѣзжаетъ собака на широкъ свѣтлый дворъ,
 Слѣзаетъ собака сы добра своего коня,
 Ни къ чему свою коня не привязываетъ,
 Никому свою доброго не приказываетъ.
 Онъ входитъ въ палаты въ блокаменныя,
45. Чуднымъ образамъ Богу не молится,
 Князей то боярь самъ не здравствуетъ,
 Онъ здравствуетъ княгью Омелью;
 Беретъ ее за бѣлые груди,
 Цацуетъ въ уста ее сахарныя;
40. Садится въ большое мѣсто:
 Пониже садится чудныхъ образовъ,
 Повыше садится всѣхъ князей, бояръ
 Какъ туть то ковши напередъ ему несли,
 Онъ пойло то пить, по ведру береть,
45. По цѣлому быку онъ закусываетъ,
 Сѣную утицу онъ за скуль положилъ.
 Алеша сидѣть, самъ рѣчъ говорить:
 Какъ что это къ намъ за невѣжа пришелъ?
 Чуднымъ образамъ Богу не молится,
50. Князей, да боярь самъ не здравствуетъ,
 Здравствуетъ Омелью Тимофеевну.
 У моего у батюшки у родниаго,
 Кобыла была она обжорлива,
 Она сѣна ъла и на ж..у сѣла!
55. ... «А у моего у батюшки у родниаго

- Собачка была она звегливая.
Что намъ тутъ спориться?
Въ чужомъ домѣ не приходится,
А пойдемъ съ тобой во чистомъ полѣ перегѣдася!»
60. Змѣй Тугаринъ натягаль себѣ крылья бумажныя;
Алеша Еасегибѣевичъ просилъ Бога:
Создай мнѣ, Боже, тучу грозную, полуденнюю,
Со сильнымъ дождемъ, съ буйнымъ вѣтромъ!
Тутъ мнѣ откель туча собралася,
65. На Тугарина змѣя она опускалася,
Намочила ему крылья бумажныя—
Упалъ на сырь землю змѣй Тугаринъ.

В. Харламовъ.

СМѢСЬ.

Преданіе о сорока новгородскихъ калинахъ.

Преданіе о хожденіи въ Іерусалимъ сорока калинъ изъ Новгорода было издано въ 1897 г. Бычковымъ¹⁾). Указанное издателемъ акад. Пышину, оно обратило на себя его внимание и вызвало съ его стороны двѣ замѣтки, въ которыхъ онъ провелъ взглядъ на преданіе о калинахъ, какъ на «новый фактъ изъ исторіи древняго паломничества», послужившій, повидимому, основой для былины о сорока калинахъ со каликомъ; напомянуть о калинахъ вѣрно хранилась въ теченіе полутораста лѣтъ въ видѣ «сказанія, быть можетъ, эпической пѣсни»²⁾). Проф. В. О. Миллеръ въ своемъ обстоятельномъ разборѣ былины³⁾ видѣтъ въ преданіи о калинахъ воспроизведеніе о дѣйствительномъ фактѣ, имѣвшемъ мѣсто въ шестидесятыхъ годахъ XII вѣка, а самую запись преданія относитъ къ первой половинѣ XIV ст. Кроме того, В. О. Миллеръ замѣчаетъ, что свѣдѣнія о новгородскихъ калинахъ вмѣстѣ съ сопровождающими ихъ лѣтописными замѣтками составляютъ лѣтопись, веденную въ XIV в. при церкви Спаса въ Торжкѣ. Но какъ ведена была эта лѣтопись? писалъ ли ее очевидецъ или она составлена на основаніи литературного материала? Вотъ этому вопросу, оставленному въ сторонѣ проф. Миллеромъ, я и посвящаю свою замѣтку.

Передъ разсказомъ о хожденіи калинъ въ записи стоять слѣдующія слова, почти тождественные съ извѣстіями новгородскихъ лѣтописей:

Въ лѣто 6671 (1163). Постави- Въ лѣто 6671... Поставиша Иоан-
ша Io(а)на архіепископомъ Новуго- на... архіепископомъ Новугороду...
роду. При сей же ходиша во Іеруза- при кназѣ рустемъ Ростиславѣ⁴⁾.
ліи калинцы и при кназѣ рустемъ
Ростиславѣ.

¹⁾ Отчетъ И. Публичной библиотеки за 1894 годъ, отд. V, стр. 111, 113—6.

²⁾ Вестникъ Европы 1897 г., октябрь; Исторія русской литературы, т. I. Слѣд. 1899 г., стр. 378, 406—7.

³⁾ „Къ былинѣ о сорока калинахъ со каликомъ“. Журналъ Министерства народ. просвѣщенія 1899 г., № 8, отд. 2.

⁴⁾ Полное собрание русскихъ лѣтописей XVI, 45; III, 13, 125; IV, 11; XV, 236. Этотъ годъ только въ лѣтописи Абрамки; въ остальныхъ—6673.

Несомнѣнно, съѣдѣнія эти взяты изъ какой-нибудь старой лѣтописи: кievскій князь былъ «руссіемъ» только въ глазахъ старого лѣтописца, а никакъ не книжника XIV в. Въ предавіи Ростиславъ не упоминается, но «святой владыка Иоанъ» играетъ въ немъ вѣтвистую роль: онъ принимаетъ у калікъ святыни и благословляетъ ихъ. Конечно, имя святого Иоанна (Иллі), фигурировавшее въ преданіи, дало поводъ книжнику XIV в. отнести его ко времени епископства Иоанна, а съѣд. и византийскому Ростиславу. Въ глазахъ записавшаго преданіе архіепископъ былъ святымъ, чего бы не могъ сказать его современникъ. Что касается самого имени Иоанна, то оно легко могло зайти въ преданіе о хожденіи калікъ въ Іерусалимъ, такъ какъ обѣ этомъ архіепископъ была составлена легенда, будто онъ путешествовалъ въ Святую землю на бѣсѣ,—легенда, повторявшаяся въ Новгородѣ даже въ концѣ XV в.

Всльдѣ за записью преданія о сорока калікахъ идетъ продолженіе истории чаши, которую привнесли каліки изъ Іерусалима. Въ этой части преданія фигурировалъ Иванъ Калига, чтѣ дао поводъ прикрѣпить ее къ 1329 году:

Въ лѣто 6837. Ходи князь великий Иванъ Даниловичъ въ Великій Новгородъ на миру. И постояше въ Торжку, и придоша къ нему святого Спаса притворяне...

1328 г. Ходи князь великий Иванъ Даниловичъ (въ орду)... 1329 г. Пріѣде въ Новгородъ за столъ кн. Торжка, и Иванъ въ Торжкѣ съ всѣми византи... а сакъ съѣдѣ въ Торжку отъ Крещенія до Сбора. 1335 г. А кн. Иванъ пріѣхъ въ Торжковъ; а Литва воеваша на миру волость Новоторжскую, и послѣ кн. Иванъ, поже городки литовскимъ¹⁾.

Изъ этого сопоставленія видно, какъ механически пользуется старой лѣтописью записавшій преданіе: онъ беретъ изъ нея выраженія, занесенные подъ разными годами, и бѣлыми нитками пришиваетъ къ нимъ интересующее его преданіе. Выраженія, имѣвшія смыслъ въ лѣтописи, въ насильственной комбинаціи являются уродливыми и невразумительными. Такъ, обычное выражение лѣтописей «ходить въ орду» передѣлано въ неупотребительное сочетаніе словъ: «ходить въ Новгородъ»; «воевать на миру», т. е. во время мира, имѣть ясный и опредѣленный смыслъ, между тѣмъ какъ къ хожденію по дѣламъ въ Новгородъ выраженіе, «на миру» новое не пристало.

Всльдѣ за преданіемъ вдругъ лѣтописная замѣтка о поставлении новгородского архіепископа Василия въ 1331 г., о началѣ ежедневной службы въ церкви Преображенія въ Торжкѣ, подъ 1338 г. Послѣднее извѣстіе составитель лѣтописи могъ почерпнуть изъ какой-нибудь церковной записи. Затѣмъ слѣдуетъ извѣстіе, опять взятое изъ старой лѣтописи:

1) Ibid., IV, 51, 53; XVI, 65—6; III, 76.

Въ лѣто 6880 (1372).

Князь Михаилъ тверскій повоева Торжокъ, подвѣдь втаю рать ливовъ-скую, князя Андрія Полоцкаго, и Дмитрея Дрютскаго и иныхъ ино-гахъ *et cetera*.

Таково же и слѣдующее извѣстіе; но въ концѣ его сдѣлано приписка уже самимъ авторомъ, записавшимъ преданіе:

Въ лѣто 6881 (1373). Пріиде князь великии Дмитрий Ивановичъ со всѣми князями рускими... ко Твери... Онъ же пріять послу и иде къ Великону Новугороду, и кончаша миръ. На ту же осень сыпаша валь въ Торжку. Той же зимѣ и градъ то ставиша Торжекъ.

Самое интересное извѣстіе заключается въ послѣдней замѣткѣ, ка-сающейся Торжка, несомнѣнно, написанной человѣкомъ, близкимъ къ Преображенской церкви:

Въ лѣто 6885 (1377). После взятия новоторжского отъ князя Михаила тверскаго ионовиша вседневная служба у Спаса въ Торжку при благотворномъ великомъ князѣ Дмитриѣ Ивановичѣ и при архимандрите новгородцкомъ Алексѣи³⁾. Поставиша церковь прежде сего лѣта въ Торжку Спасъ, каменъ храмъ замышилеиъ и строенiemъ купцовъ новгород-скихъ, а святиль ю владыка Алексій.

Эта замѣтка свидѣтельствуетъ прежде всего о составленіи лѣтописи при каменномъ храмѣ Спаса около 1377 г. Авторъ послѣдней не на-шель въ лѣтописяхъ года его построенія, но помнить, что это было при кн. Дмитріи Донскомъ и при архиеп. Алексѣї. Въ дѣйствительности, каменныи церковь Спаса въ Торжкѣ поставлена въ 1364 г.; слѣд., лѣтопись составлена позже этого года. Мы видѣли, что въ описаніи событий 1375 г. авторъ ея слѣдуетъ чужой лѣтописи, но прибавляетъ къ нему, вероятно, по памяти, замѣтки о событияхъ въ Торжкѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнія годъ, стоявшій въ его оригиналѣ, за болѣе ранній (1373), въ теченіе которого происходили эти события. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что преданіе о сорока каликахъ было записано въ концѣ семиде-сятихъ годовъ XIV в.

Замѣтимъ, что къ лѣтописи Преображенской церкви впослѣдствіемъ было приписано еще два извѣстія. Лѣтописный разсказъ «О книгинѣ Ульянѣ княжь-Семенове Мъстиславича Вяземскаго», помѣщаемый подъ 1406 г., относится къ смоленскому князю Юрію, книжившему въ это время въ Торжкѣ; немудрено, что такой разсказъ нашелъ себѣ мѣсто въ

Въ лѣто 6880.

Князь Михаило Тверскій под-вѣдь рать ливовскую втаю, князя... Андрія Полоцкого, и Дмитрия Дрют-скаго... и ины князи инози¹⁾ и *et cetera*.

1375 г. Князь Дмитрій пойдератью во Твери... и вси князи рустіи... Князь Дмитрій взя миръ съ кня-земъ Михаиломъ... и тако докон-чаша²⁾.

¹⁾ Ibid., IV, 67; III, 89—90, 230; XVI, 95—8.

²⁾ Ibid. IV, 70—1; XVI, 99—101; XV, 434—5.

³⁾ 1358—1389 гг.

Лѣтописи этого города; трудно сказать, кому онъ принадлежитъ, такъ какъ въ Отчетѣ Публичной библиотеки онъ не поимѣненъ. Другое извѣстіе, несомнѣнно, было прописано другимъ лицомъ, чѣмъ видно изъ его безграмотности, а также изъ выраженія «лѣта», вмѣсто—«въ лѣто»; этой замѣткѣ оканчиваются исѣ лѣтописныхъ замѣткѣ:

Лѣта 6940 (1432), въ Петрониа говѣйна монастыры святаго Савы минуло 35 лѣть, а смерти великаго (князя?) Михаила 34 лѣта ва Ниниевъ день ¹⁾.

Сдѣланый мною выводъ о записи преданія въ концѣ XIV столѣтія подтверждается присутствіемъ въ ней старыхъ словъ, не попадающихъ въ памятникахъ позднѣе этого вѣка: притворяне, вкладъ (=платѣ), гривна новая, гривна золота, берковскѣ, ветола (въ качествѣ одежды духовныхъ лицъ), бракъ (въ смыслѣ свадебнаго шара ²⁾).

Записанное въ семидесятыхъ годахъ XIV в. преданіе касается двухъ событий: принесенія чаши каликамъ въ Торжокъ и поднесенія ея Ивану Балитѣ причтомъ Спасской церкви. Московскій князь былъ въ Торжокѣ въ 1383 г.; смѣд., между поднесеніемъ чаши и временемъ записи преданія прошло около 40 лѣть, такъ что оно могло сохранить почти въ полной неприкословенности дѣйствительный фактъ. Но могла быть и другая основа второй части преданія. Оно записано въ городѣ, принадлежащемъ къ Новгородской области; Иванъ Даниловичъ называется въ немъ «благовѣрныи» княземъ; овъ оказывается особое вниманіе церковному причту, предоставленія ему право ходить къ венцу самому, а также къ его наѣстникамъ, посадникамъ, по свадьbamъ и пять пиво и медъ, и огражданіе исприкосновенности церковниковъ. Слѣдовательно, преданіе было записано при Спасской церкви изъ корыстныхъ видовъ ее причта и могло тенденціозно исказить дѣйствительный фактъ. Не рѣшай этой альтернативы, я замѣчу только, что имя Ивана Балиты было популярно въ Новгородской землѣ въ вызывало особенное сочувствіе сѣверного духовенства. Мовахъ Антоніева Сійского монастыря (на С. Двинѣ) пишутъ въ 1339 г. похвалу московскому великому князю, который, по ихъ славамъ, способствовалъ распространенію церковныхъ кввгъ, «ревнуя правовѣрному царю греческому Мануилу»; онъ именъ «правый судъ наче мѣры... по правиломъ монокануннымъ» ³⁾). Сопоставленіе Балиты съ Мануиломъ и представление московского князя поборникомъ церковнаго суда по византійскому Номоканону тѣсно соприкасается съ былиной о сорока каликахъ, которые выставляютъ на первый планъ свое право самосуда въ, дѣйствительно, казнить одного члена своей дружины со всей жестокостью греческаго свода церковныхъ законовъ ⁴⁾. Вотъ эта парал-

¹⁾ «Отчетъ», стр. 111.

²⁾ Срезневский, Материалы для словаря др.-р. яз. SS. YY.

³⁾ Срезневский, Слѣдѣнія и замѣтки о малозн. и неизв. пам. 1879, стр. 146 - 7.

⁴⁾ О самосудѣ каликѣ упоминается въ Бѣломорскихъ былинахъ, 140, 445, 494, 524; въ Русскихъ былинахъ, Тихонрасова и Миллера, II, 255; выражение „казнь каликѣ“ у Гильфердинга (Онежскія былины, № 173) напекаетъ также на самосудѣ.

дѣль позволяет предполагать, что записавшій преданіе о каликахъ и ихъ часѣ нѣдѣромъ соопоставлялъ два факта, раздѣленные промежуткомъ времени болѣе, нежели въ сто лѣтъ. Если бы между ними не было внутренней связи, онъ, вѣроятно, не изложилъ бы такъ подробно первую часть преданія, рассказывающую исключительно о новгородскихъ каликахъ.

А. Марковъ.

Замѣтка о двухъ лирникахъ Черниговской губ.

Обыкновенно, при упоминаніи лирника, наимъ рисуется старикъ, неспособный къ работѣ и добывающій себѣ пропитаніе сборомъ поданный за его игру и пѣніе, временно существенно духовныхъ стиховъ. Число такихъ старцевъ, по общему убѣжденію, съ каждымъ годомъ уменьшается, также какъ и число бандурристовъ: старые вымираютъ, молодые не являются къ на сцену. Но эти мнѣнія, какъ оказывается, предвзяты и несправедливы. Мне пришлось наткнуться въ г. Глуховѣ на двухъ лирниковъ, доказывающихъ какъ разъ обратное. Вотъ какъ было дѣло.

I. Алексѣй Терентьевичъ Маслюковъ.

Съ улицы послышалось—все ближе и ближе—какое-то заунывное пѣніе; вскорѣ стали доноситься и звуки лиры. Подъ ея аккомпанементъ два голоса тянули—довольно, впрочемъ, складно— псалому:

«Суда-арь батюшка, князь мылославый,
Не нада миѣ зла-ата, не нада и серебра,
Построй миѣ въ своеиѣ двори да келю...»

По улицѣ, ощущая палками дорогу, шли двое сѣницъ-нищихъ и пѣли стихъ про Алексѣя, Божіаго человѣка; одинъ изъ нихъ, помоложе, игралъ на лирѣ. За ними усталой походкой тянулся съ высокой палкой въ руцѣ мальчишъ-новодѣрь. На мою просьбу зайти ко мнѣ старшій нищий отвѣтилъ отказомъ: онъ несъ уже своимъ дѣтины собранное поданіе. Зашелъ младшій съ мальчикомъ.

Алексѣй Терентьевъ Маслюковъ, мѣщанинъ и. Серединой Буды Новгородскоаго у. Черниг. г., родился въ 1879 г. Въ дѣтствѣ онъ былъ зрячимъ и до 16-лѣтнаго возраста помогалъ своему отцу-кузнецу.

Отецъ и старшій братъ Алексѣи были грамотными; отъ нихъ незамѣтно переняли грамоту и послѣдний и въ быстротѣ чтенія перегналъ даже своего брата, окончившаго школу; тогда же научился онъ и писать; пишетъ Маслюковъ еще кое-какъ каравдашомъ и теперь. Золотушный отъ природы, Алексѣй къ 16-годамъ сталъ терять зрѣніе; родители его обратились за помощью къ ворожкамъ, и результатъ ихъ лѣченія не замедлилъ дать себя чувствовать: мальчишъ вскорѣ совершенно ослѣпъ и тѣ-

перъ еле только отличаетъ свѣтъ отъ темноты. Ослѣпъ онъ какъ-то сразу: «Узивъ кружку воды напыца; напывся; потомъ дывлюсь—нема кружки, паче у воду упала... и такъ пошло, пошло... Прыгаждавъ, годовъ изъ пьянъ тому буде, якійсь докторъ изъ Петербурга, дывывсь меве, да каже, шо уже ничего не вѣшъ». И теперь еще не можетъ Маслюковъ примириться съ тяжелой мыслью о потерѣ зрѣнія: «Давъ бы токмо Богъ зреине, скынувъ бы заразъ рубашку, штаны, усе одавъ бы, нешовъ бы хотъ на яку роботу. А то теперь, яке мое жытье! Народъ зробився якій-то угрюмый: зайдешъ куды,—не ходите, кажуть, не шалайтесь! Кидаеця прямо быцца; подметка твого не стойить, а сміеца съ тебе, каменюкою кидае, ругае всякими словами. Зайду въ одно село; дни 3—4 похожу, тоди дальше и дальше. Залышиво го ничево не оставаеця: рубашку заразъ треба помыть,—дагай грозды; да и не токмо, шо на то—ва всѣ нужны деньги».

Узнавъ, что существуютъ училища, въ которыхъ слѣпыхъ учать ручному труду, Маслюковъ воскликнулъ: «Отъ якѣбы попасть у школу таку! Зъ радостью-бъ кинувъ усе и пошовъ бы ва роботу».

Первое время послѣ потери мальчикомъ зрѣнія у Алексѣева отца хватало еще средствъ содергать слѣпого сына, но потомъ дѣла пошатнулись, и Алексѣй вынужденъ былъ поступить въ науку въ Глуховъ къ слѣпцу Николаю Ивану Сидюку. Сидюкъ за годъ выучилъ Маслюкова пѣть псалмы и играть на лирѣ. Въ уплату за науку шель весь толь доходъ, который собиралъ Маслюковъ въ течевіе этого года.—Лѣра зовеца скрипки, а се вже по-нашему, попростому, лѣра. Взята вона одѣ 36 струнъ,—була музыка такая у царя Давыда,—а потомъ сошла на 3 струвы, извѣсно, якъ кажутъ: Господь слѣпцы умудряеть... Доходу лѣра не доставление вейкого, а такъ, охотнѣй поѣться, да якъ мальчика вемае, то веселій ходыши зъ вею. Даютъ всѣ-едино, хоть съ лѣрой, хоть безъ лѣри. Отъ теперь прошли мы зъ Максимомъ Дубыною четыри улицы; заработали по 12 копіекъ ва камвого. Якъ заработкаешь на денѣ, то не хдышъ, одыхаешь, а не хватыть—вновь вѣдѣшъ». Подобную безопасность можно объяснить тѣмъ, что Маслюковъ холость и не имѣть близкихъ родныхъ.

Мальчика-пенодари (лѣтъ 14, везаконор., Артемъ Дихтеровъ, изъ с. Черторый Глух. у.) нанялъ онъ себѣ отъ Петровскаго заговѣнья до Пасхи за 5 р. на готовой одеждѣ. Артемъ перенялъ много пѣсень у Маслюкова, но играть на лирѣ не умѣеть: Маслюковъ еще не имѣть права учить. Хорошимъ учителемъ считается «ядинка Хвылыпъ» (фамиліи его не помнить) въ с. Обломкахъ Глух. у.; онъ учить по 1—2 года съ платой по 10 р. въ годъ; ходить онъ ва кириосъ пѣть и знаетъ наизусть псалтыри.

Но и Филиппъ, какъ и Маслюковъ, вѣ знаетъ никакихъ думъ. На вопросъ, вѣтъ-ли какого-либо извѣстнаго Маслюкову кобзара или лирика, который бы зналъ думы, Алексѣй взвалъ «Мыыхвора Егоровыча Дудкына» (родомъ изъ с. Марчининой Буды Глуховск. у.), знающаго думу про Алексія Поповича; этотъ же Дудинъ знаетъ пѣсни про Сковороды-

на, Чечотку, Дворянку, про Удову и 3 сыновъ (въ данное время Дудкинъ гдѣ-то въ Херсонщинѣ), — Маслюкову же эти пѣсни неизвѣстны. Я прочелъ ему думы, записанные отъ Вересая; слушатель остался къ нимъ вполнѣ равнодушнымъ; даже дума про бѣгство изъ Азова трехъ братьевъ не произвела на него, повидимому, особенного впечатлѣнія. Но зато онъ искренно обрадовался, узнавъ, что у меня есть записи Дворянки, Чечотки, Тети, Соцкаго..., и благодарностямъ его не было конца, когда я подарила ему нѣсколько брошюръ съ этими пѣснями: «Я уже найду такого специалиста, who вунъ буде читать, а я заразъ перейму, — у мене память гарна дуже».

Репертуаръ пѣсень у Маслюкова слѣдующій:

I. Пѣсни духовнаго содержанія.—а) псалмы: 1) про Алексея, Божего человѣка, 2) Лазара, 3) Пѣтнью, 4) Сонъ Пресв. Богородицы, 5) Горе мыни, грѣшники сущу, 6) Ужасныся, человѣче, 7) Когда бъ я зналъ, когда бъ я вѣдалъ свой препослѣдній день, 8) А мы пласть поемъ и возвищаемъ, на бессмертный часъ помышляемъ, 9) А ще сонце не заходить, 10) Возстань ты, душе, 11) А это въ мири являетъ, 12) Свят. Николая, 13) другого Николая («Возславного чудеса пастеру преславный»), 14) гору Ахвенъ, 15) Почаевську Божиу Мати («Паслы пастыры...»); б) престольни: 1) Покрову («Склонитеся вѣки.»), 2) Успенію («О пречудной помощнице, пречистая Мати»), 3) на Преображеніе («Исусе мой премилостивый...»).

II. Наружни писни (т. е. свѣтскаго характера): 1) По городу ходу, руту пѣть я сажу, 2) Говорыны вражы люде, што я замужъ не пойду, 3) Что по Волги рѣки лёгка лодка плывнѣть, 4) Гропъ гремитъ, слава трубомъ, по горамъ Кавказскимъ раздаёца слава бѣ нась, 3) Дуть вѣты, дуть буйны, 6) Бычка (сквернословная), 7) Камаринского и др.

Пѣсни духовныхъ Маслюковъ научился у «дядинъки» Слидюка. Свѣтскія — нѣкоторыя помнить съ дѣтства, другія занѣчасть и теперь. Камаринскую, напр., научился пѣть у солдата; играть ее можетъ и «подскрыбочными строемъ, дудочкой», и подъ гармонію.

№ 1. Про Алексея, Божего человѣка.

Какъ у славному гради а въ Овримію
 Какъ было пры царю пры Онохрю,
 Пры великому князю Евхиміону
 Какъ жилъ себѣ — билъ Евхиміонъ князъ
 Изъ своею обрученою княгинею,
 Да не иѣли у себе отъ роду дѣтища,
 Ни юдиного любезного чада.
 Што й речеть Евхиміонъ князъ своей княгини:
 «Княгиня моя обручная,
 Княгиня моя возлюбленная,
 Давай мы съ тобою Богу жалыца,
 Давай мы съ тобою Богу трудица,

Чы не создастъ намъ Господь дѣтища
 И всѣ единого любезного чада,
 Пре младости лѣтъ на утѣшеніе,
 Пры старости лѣтъ на збереженіе,
 Но смерть жынота на вспомынавіе».
 Оны въ Божиѣ церкви уходжали,
 Частый молебни напоминали:
 «Свѣтъ—пресвятая мать Богородица,
 Што и свѣтъ—пресвятая Владычица»,
 Увоздры ты на наше богомоленіе
 И на Господнєе всѣ боготруденіе!»
 Поградивъ Евхиміонъ зъ Божиѣ церкви,
 Забеременила княгиня єдь Духа Святого
 И отъ мать—пресвятой Богородицы;
 Спорадыла себѣ отъ чрева младенца.
 Евхиміонъ князь израдовался,
 По Вримъ по граду проходжался,
 Собиралъ онъ поповъ и патріарховъ,
 Царей, князей и бояровъ
 И всѣхъ православныхъ христіанъ:
 «Што вы же бо, попы и патріархи,
 Што вы, цари, князь и бояры,
 И всѣ православный христіане!
 Наречите же ми и младенцу имена святыя».
 Нарекли ему имена Алексія,
 Свѣтъ—предбожкого человѣка.
 Становылся Алексій на зрощеніе;
 Оддаётъ ёго батюшина на изученіе
 Святой Божиѣ грамотѣ учиться.
 Семи лѣтъ Алексій грамотѣ учывся,
 Восьмы лѣтъ Алексій грамотѣ уявся.
 Выходило Алексію на десять сѣмь лѣтъ;
 Похотѣвъ ёго батюшка ожениты,
 Восемнанцати лѣтъ одружыты,
 Молодую княгиню за него взять.
 Повелы Алексія въ Божиѣ церкви,
 Становылы Алексія среди церкви,
 Становылы Алексія, обручалы,
 Золотыи, царський венцы воздержалы,
 Перепойную чашу перепывали.
 Повелы Алексія зъ Божиѣ церкви
 Икъ тому граду къ Ауринію,
 Къ тому князю Евхиміону.
 Евхиміонъ князь израдовался,
 Постречавъ свое чадо съ хлѣбомъ-солію;
 Прышалъ онъ свои беліи руки

Подъ Алексѣевы могучый плечи,
 Уводыы Алексѣя иь каменіи палаты,
 Посадыы Алексѣя за столами,
 Кормылы Алексѣя хлѣбомъ-солею.
 Алексѣй хлѣба-соли не вкушасть,—
 Всё на ныщихъ и убогыхъ роздаряеть,
 Дарылы Алексѣя сребромъ и златомъ;
 Алексѣй сребро-злато прынниаетъ
 И всѣ на Божіи церкви розсылаеть.
 Што у первому часу было иочы
 Повелы Алексѣя до спокою,
 Кладовылы Алексѣя на тёлную ложу.
 Во второмъ часу было иочы
 Устававъ Алексѣй со постели,
 И молився Алексѣй Богу со трудами
 И зъ гарачими со слезами:
 «Не дай мни, Господь, на согрѣшенье,
 Создай мни, Господь, душы спасеніе».
 И речеть Алексѣй своей книгыни:
 «Книгыни моя обручонная,
 Книгыни моя вълюбленная!
 Давай мы съ тобою Богу молыца,
 Давай мы съ тобою Богу трудыца
 И за оца, и за мать, и за всю кревную родыву».
 Книгыни на это сомовчала,
 Отвѣту-прывѣту не сказала.
 Алексѣй на это усердывся,
 Изброщаль изъ себе шовковый поясъ,
 Съ правой руки золотой перстень;
 Надмивавъ Алексѣй чорную расу,
 Цеградивъ Алексѣй въ сущую землю
 Къ тому граду къ Іерусалиму,
 Къ той Божіи церкви Матерь-Богородицы,
 Доходывъ Алексѣй до сынаго моря;
 Становывся Алексѣй на корабль.
 Тыхая погода возиялася;
 Прывазывъ Алексѣя самъ Святой Духъ,
 Мать Пресвятая Богородица.
 Устававъ Алексѣй со корабля,
 И входывъ Алексѣй въ Божію церковъ;
 Становывся Алексѣй на колѣнахъ
 По правой руки всѣ за двермы;
 Молився Алексѣй Богу со трудами
 И зъ гарачими со слезами.
 И не много онъ молився—
 Всего трыдцать лѣтъ,

Тридцать лѣтъ и четыры.
 И воздрила Алексія Мать Богородица
 И речеть ко святому Волodyчиа;
 — За младости Алексій Богу молывся,
 За младости Алексій Богу трудыся,
 Прыподобенъ Алексій въ церкви быты,
 Прыподобенъ Алексій обѣдни служыты,
 Каждое пятьныци сповидаца,
 Каждой день суботной ирыобщаца
 И виушать хлѣба-соли поуременно,
 Каждый девь воскресной по просвыри.—
 И речеть ко святому Волodyчиа:
 — Гряды ты, Алексій, зъ Божої церкви,
 Гряды ты, Алексій, въ свой Времій градъ:
 Теперь тебѣ отець-матушка не возняютъ,
 Ны княгыня твоя обручоная.—
 Поградывъ Алексій зъ Божої церкви,
 Поградывъ Алексій въ свой Авремій градъ.
 Доходилъ Алексій до сынаго моря,
 Становился Алексій на корабель.
 Тыхая погода вознялася;
 Пырыбзылъ Алексія самъ Святой Духъ
 И Мать Пресвятая Богородица.
 Уставалъ Алексій со корабля
 И входилъ Алексій въ свой Авремій градъ.
 Тотчасъ ёго батюшка солучыся;
 А сынъ вкъ отцу укловыся:
 «Сударь батюшка, князь мылослывый!
 Создай инѣ, страннику, милостыни,
 Не ради исла, ради своего сына,
 Ради своего сына Алексія,
 Свѣть—предбожого человѣка».
 Ихміонъ тотъ князь сопыныся;
 За слезами онъ свѣта не бачить,
 За рыданіемъ онъ слова не промовыть,
 И стыха слово промовлять;
 — Страннику, страннику Божій!
 Почему жъ ты Алексія звяешьъ,
 Што инѣ радосное слово возвищаешьъ
 Про моего сына Алексія,
 Свѣть-предбожого человѣка?—
 «Сударь батюшка, Ехміонъ князь!
 Какъ же инѣ его, свѣта, не знаты?
 Што мы въ одной странѣ прожывали,
 Въ йдиной мы школы обутчались,
 Едину грамоту съ нымъ читали,

Едину хлѣбъ-соль мы зъ нынѣ вкушали,
 На единой ложи мы зъ нынѣ спочивали,
 Едину одежду мы съ нынѣ носили,
 Потому и его, свѣта, я знаю,
 Вамъ радосное слово предвозвѣщаю
 Про вашего сына Алексія,
 Свѣтъ предбожого человѣка».
 Евхиміонъ князь сопынился,
 И горячими слезами обливаясь,
 И тихо слово промовляя:
 — Самъ я не знаю и не вѣдаю,
 Баковую тебѣ, странному, милостыну дать:
 Или тебѣ накористь хлѣбомъ-солю,
 Или тебѣ надарить сребромъ-златомъ?—
 «Сударь батюшка, князь мылосынъ!
 Не нада мій злата, не нада и сѣребра;
 Построй мій въ своѣмъ дворѣ келію,
 И поставь Божью келію ве такую,
 А поставь Божью келію каменую,
 Поближе свойихъ бѣлыхъ камъяныхъ палатъ,
 И по правой руگѣ на переходѣ,
 Игдѣ твои рабини не заходяшь,
 Перемойной посуды не возмываешь,
 Возмойной воды не возливаешь».
 Евхиміонъ тотъ князь не дослушавъ,
 Построивъ ему келію не такую,
 Построивъ ему келію дровянную,
 Подале свойихъ бѣлыхъ камъяныхъ палатъ
 И по лѣвой руگѣ, въ переходѣ,
 Игдѣ его раби всегда заходяшь,
 И перемойной посуду всегда размываешь,
 И возмойную воду возливаешь.
 Алексій на это не угибъялся;
 Да изъ радосчу Алексій Богу молился,
 Да изъ радосчу Алексій Богу трудился,
 И не много молился—всего трѣдцать лѣтъ,
 Трѣдцать лѣтъ и четыри.
 И освятилася келія Божиѧ Духомъ.
 И воздрила Алексія смерть-скончаніе.
 Напысавше рукопысьмо, переславши.
 Святыни Божиѧ Духомъ звоны зазвонили,
 Святыни Божиѧ Духомъ книги зачитались,
 Святыни Божиѧ Духомъ свѣчи замыгалися,
 Святыни Божиѧ Духомъ ладаны запахли
 По всему по граду по Авримію
 И по всему по царствию по небесному.

Устававъ антреполецъ ¹⁾ икъ заутрени,
 И речеть антреполицъ попамъ и патріархамъ,
 И речеть царямъ, князямъ и боярамъ;
 И всѣмъ православныимъ хрестинамъ:
 — Штось у нашоу гради санъ Святой Духъ:
 Што Святыиъ Духомъ звоны зазвонылъся,
 Святыиъ Божмыъ Духомъ книги зачыталъся,
 Святыиъ Божмыъ Духомъ свѣчи замыгалъся,
 Святыиъ Божмыъ Духомъ ладавы запахлы.—
 Ухбдывъ антреполецъ у Божию мелю,
 И лежать святайи мощи переславлени,
 А въ руцахъ дерматъ рукописаніе.
 Антреполецъ икъ мощамъ преклонивъся,
 И гарячими слезами вынь облышился,
 И стыха слово промовляєшъ:
 — Мощи, вы мощи, мощи святый!
 Издавайте вы свое рукописаніе
 И явите свой вы похожденіе.—
 Не далось руопысьмо антрепольцу,
 Даюсь нысьмо князю Евхиміону.
 Евхиміонъ князь нысьмо прочытае,
 И дочытався своего сына Алексія,
 Свѣть-предбожого человѣка,
 И грядеть ко святому, сильно плачетъ,
 Гробницу слезами облываетъ
 И стыха слово промовляєшъ:
 — Сыну мой, сыну, сыну Алексію!
 Почему ты долго жыть, не созналъся?
 То бъ ты у насть такъ не страдалъ бы:
 Построилъ бы я тебѣ келю ве такую,
 Построилъ бы я тебѣ ваменую:—
 Какъ досыпалась ёго родная матушка,
 Грядеть ко святому сыну, сильно плачетъ,
 Гробницу слезами облываетъ
 И стыха слово промовляєшъ:
 «Сыну мой, сыну прылюбезный!
 Серцю моему сладость есть болѣзни:
 Почему ты долго жыть и не созналъся?
 То ты бъ у насть такъ не страдалъ бы:
 Носылъ бы въ насть ризу шовковую».
 Какъ досыпалась его обручная княгиня;
 Грядеть ко святому, сильно плачетъ,
 Гробницу слезами облываетъ

¹⁾ антреполецъ—антреполитъ (патрополитъ) значить, отъ якъ у Черниговъ.—Поясненіе пѣвца.

И стыха слово промолвляетъ:
 «Ой другъ ты мой, другъ возлюбленный!
 Почему ты долго мыль и не сознался?
 То ты бы у насть такъ не страдаль бы:
 Ходила бы и до тебе всегда тайно,
 Молчались бы мы Богу съ тобой вѣсты,
 Простынь бы Господь насть заедыно».
 Съ етими понеслы Алексія хоронить,
 Хоронилы святыйи мощы а во Времій;
 Спочываютъ святыйи мощы въ Ерусалымъ гради.
 Немного неслы—всего три дня,
 Три дня и три ночы.
 За мыромъ Алексія не возрity,
 За мыромъ Алексія не проглянуты.
 Евхиміонъ князь назадъ воротился
 Въ свой бѣлыйи палаты,
 Набыралъ сребра-злата по карманахъ
 И разброяшъ сребро-злато на сырую землю,
 Чи не обозрить мыръ на возниу,
 А мыръ на вазнѣ не обозрився,
 А въ святыхъ мощамъ прыломылся,
 А исъ святыхъ мощей было прощено:
 Слипымъ Господь даровалъ возреніе,
 Безрукимъ, безногимъ на исцѣленіе,
 А всему мыру на спасеніе
 За Алексіево богомоленіе,
 За Алексіево боготруджденіе.
 Амілуха, амілуха, амілуха!
 Со святыхъ упокой. Мы славимъ Тебе,
 Христе Боже нашъ.

№ 2. А ще сонце не заходить.

А ще сонце—сонце не заходить,
 Я спать не можуса;
 До сповиди готовуся—
 Богу же молуся.
 Спамятай же, грѣшный человѣче,
 На прежніи дары,
 Або какъ возьмутъ твое грѣшное тѣло,
 Положуть на мары,
 И понесутъ твоѣ грѣшное тѣло
 До глыбокой ямы,
 И упустютъ твое грѣшное тѣло
 Во глыбовую яму,

И пасыпають песку на очы,
То й не глянешъ искобы.
Охъ, не дай, Боже, мнъ сейчасъ умерты,
Охъ, мой крѣвивой Боже!
Останёца много сребра и злата,
Дорогийи шаты.
Роздавъ бы я на Божийи на церкви,
Померши, не встану;
Забрали бы я съ собою на той свѣтъ,
Тамъ сего не нада.
Какъ исьдеть Михаилъ Архангель
На сіяньюскую гору,
И въ синигласную трубу онъ вострубыть:
«Уставайте, праведныйи и грѣшныйи души,
Васъ Господь судить буде».
Праведныи душамъ рай прославляющи,
А грѣшныи душамъ адъ растворяющи.

№ 3. Говорылы вражы люди...

Говорылы вражы люди, что я замужъ не пойду.
Несъила васылѣки во зеленому саду.
Ростить, мои васылечки, да и повыше бурьяну;
Когда выростете больши, тогда я васъ прополю;
Пополовише васылѣки, слѣоньками оболью.—
Выходыла красна дѣвка за новыи ворота,
Закладала бѣлы руки къ свойму мылому въ карманъ
А съ кармана вынимала бѣлой розовый платокъ
И втыкала кары очы ше и румъяное лицо,
А втеравше говорыла:—Теперь вже я не твой,
Шукай соби чернавойи, чтобъ васъ парочка была.—

№ 4. Ишовъ улыцей Варваркою¹⁾.

Ишовъ улыцей Варваркою
По признанію съ кухаркою.
По недѣльямъ, понедѣльникамъ,
По хорошимъ всѣ издѣлицамъ.
Заходылы въ заведеніе.
Завазавъ чайку двѣ парочки
Зли сибе и зли вухарочки,
Повыѣль узять бутылочку
Угостити свою милочку;

¹⁾ Передѣлка стихотворенія Трефолева: „Февраль двадцать девятаго...“ Ред.

Давъ двадцать рублей бунажками,
 Полтора рубля монетами:
 Подай порцію съ катлетами!
 Фивралъ двадцать девятаво—
 Это было на Касьянова—
 Провожала мужа пьянова;
 Вона въ тотъ день була сказница:
 Гдѣ мой милый безобразница?
 Пресвятая Бог. родицѣ,
 Гдѣ жъ мой милый скороходица?
 А въ прикрасномъ вабакѣ-кабакѣ,
 И побивъ свойи смазныи сапоги,
 На гармошечку тыли-тыли-тыли!

II. Ягоръ Ёсыповычъ Охременко.

Это—парень 19 лѣтъ, родомъ изъ с. Литвиновиchi Глуховск. у., ходость, одинокъ, сѣйшой отъ рождения; опредѣленаго мастеромъства теперь не имѣть, а ходить по Глухову и разныи селанія Глуховскаго у. Въ дѣтствѣ слѣпого мальчика не пріучали ни къ какой работѣ, а лѣтъ 10 онъ, по желанію отца, поступилъ въ науку къ слѣпцу Хведоту Зазирскому, жившему въ томъ же селѣ и умершему уже лѣтъ шесть тому назадъ. Проживъ у Зазирскаго года два, Охременко научился пѣть иѣсолько псальмы и сталъ самостоятельно ходить собирать милостынію. Годъ тому назадъ онъ купилъ себѣ «мѣру» въ с. Березъ Глуховск. у. у мастера Федора Григорьевича Ходорыча, который продаєтъ ихъ рубля по два за штуку. (Гораздо лучшія мѣры выдѣльваются въ Глуховѣ на Усовкѣ по 5 р.). Доходу мѣра Охременку не прібавима; пѣвцу самому веселѣе съ нею ходить. Слушатели, по словамъ Охременка, мало интересуются содержаніемъ пѣсни: что ни пой, иль все равно; дасть тебѣ копейку, и отправляйся дальше. Зарабатываетъ Егоръ рублей по 10 въ мѣсяцъ. Своему поводарю—сиротѣ изъ того же села Литвиновичи, Павлу Базырову, Охременко платить по 6 р. въ годъ.

Репертуаръ пѣсень у Охременка не великъ: псалмы про Лазари, Алексея Б. человѣка, Мыколая («Охъ кто-что Мыколай любыть»), Пытныцио, Соинъ пресв. Богородицы, Горе мынѣ грѣшнику, Когда бъ я зналъ; иѣсолько «наружныхъ» пѣсень, которыя распѣваются на улицѣ да по огородамъ девчата,—и все. Зазирскій зналъ больше псалмъ; умѣть онъ пѣть и сатирическия пѣсни (Чечотку, Тещу, Хому и Ярену); Охременко ихъ не знаетъ.

№ 1. Горе мынѣ, грѣшнику...

Горѣ мынѣ грѣшнику сущы,
 Горѣ мынѣ блгїи-дѣлныи мощи!
 Какъ я предъ судь Божій явлюся,

Такъ я со святыми уселися,
 Отступыхомъ оть Бога влюблю,
 Грѣхъ возлюбивъ самыхъ собою.
 Темнота плачутъ и въ свѣти хахавой,
 А въ свѣти благодати не маю;
 Совѣткуся съ первойн одѣжды,
 Обѣщуся въ Божейн надежды,
 Пакаюся безсмертному Владыки;
 Недастоецъ быты человѣки;
 Адайду я далече на страну.
 Какъ мынѣ бѣдному сатварыты,
 Какъ прыдеть Господь усѣхъ судыты?
 Горе мынѣ грѣшному суще,
 Горѣ мынѣ благій-дѣльный мощи!

№ 2. Сонъ Богородицы.

Да и сонъ Багародыцы явися.
 И свѣтъ-Матерь Марыя пресвятая,
 Што изъ вечера Метушка мало спала,
 Да немножко воснула, сонъ выдала
 Да про свое Чадіе превосвятое:
 Какъ бы я сибе Чадіе спорадыла,
 Да и спорадывши, сплеменыла,
 Да шелковымъ поясомъ сповыдала.
 Залатою рыжою лыкъ покрывала,
 Какъ у славному гради ивъ Ирусальми
 На святой рики было на Іордані,
 На Сіанськой гори было на вертепії
 Выростало тамъ древъ привосвятое;
 Што на томъ древи прысвятемъ да на кипарысовой
 Пречудовный Христосъ образъ явывся;
 Онъ явывшися, сонъ прамовывся:
 «Што я й сонъ вѣтъ, Матушка, знаю,
 Сонъ воистину, Дѣва, расуждаю;
 Што какъ быть мвѣ, Матушка, на крестѣ роснатому,
 Што быть миѣ збіенному, мѣки скривленному,
 Да во груди капъёмъ прагруженному
 И руце-нове гвоздемъ прыбіенному,
 Тростю по глави разбіенному,
 Да терновый винецъ на главу наложмыль еси».
 Какъ расплачеща Матерь пресвятая,
 Какъ расплачеща Матерь Марія:
 — Ой Сыну мой, Сыну, Царь и бесеной мой!
 На како миѣ, Матерь пресвятую, спокідаешь?

На како Дѣву привосвяту спокидаешь?—
 Што пророкъ (=прорѣкъ) Иисусъ Христосъ Матерь Марії:
 «Не плачь, не рыйдай, Матерь Марія!
 Не йдінъ тибе, Матушка, спокидаю,
 Не йдінъ Дѣву привосвяту оставляю:
 Спакидаю тибе, Матушка, оставлю,
 Спакидаю тибе, Матушка, ва святого Іоанна Богослова,
 На хторого сына, на друзя Христова;
 Пакудова тѣло сбѣмуть,
 Кровь ёго святую разольютъ,
 Тогда я, Матушка, изнаграждуся
 И у вовому гроби сплажуся,
 Самъ у плащеныю запышуся,
 Самъ на небеса вознесуся
 Съ смиа грозными херовыми мами,
 Съ смиа страшными сераховыми мами,
 Се своими дванацатими апостольими;
 По твою, Матушка, душу ангели сбѣшлють,
 А по моши твой сами со небесъ сбѣдутъ;
 Ихъ святыми твойими мощамъ прыклонюся,
 Преклонившися къ святымъ ибощамъ, Матушка, самъ прращуся:
 Прасты, Матушка Марія,
 Прасты, Дѣва пресвятая!
 Напышу я твой лысь, Боже, ва икони,
 Поставлю твой образъ на престоли,
 Во святой Божій церкви Матери въ собори
 Передъ Царскими вратами,
 Передъ чудовинными образами:
 Што туда будуть, Матушка, люде прыхождаты
 И службы и молебны будуть наниматы,
 Землянныи поклоны будуть уклоняты,
 Вакавыйи свѣчи будуть замыгаты,
 И тибе будуть, Матушка, величать,
 И во векъ Суса Крыста будуть прославляты».
 И кто жъ этотъ сонъ, Боже, выслушаше,
 Господь ему гриховъ уменьшае.
 Кто же этотъ сонъ, Боже, перепойме,
 Избавлень будеть царства небесного,
 Наслѣдованъ будеть царства небесного,
 Удобенъ воинъ быты у раю пресвѣтому.
 Вѣрнымъ Богъ даруе ва спасеніе,
 Безвѣрнымъ Богъ даруе вѣчную муку,
 А мы стихи поемъ: азилуя!
 Мы же славимъ тибе, Христе Боже нашъ!

А. Малинна.

Замѣтка о пѣснѣ „Ванька-Ключникъ“.

Эта старинная русская пѣсня въ настоящее время распѣвается фабричными и мастеровыми промышленного центрального района¹⁾ совсѣмъ въ томъ видѣ, въ какою она известна по записямъ Биревскаго, Рыбникова, Шейна и др. Текстъ современной русской пѣсни «Ванька-Ключникъ» близко подходитъ къ балладѣ того же названія, написанной В. Крестовскимъ, авторомъ «Петербургскихъ Трущобъ», въ первоначальномъ видѣ въ 1861 г.²⁾. Затѣмъ уже онъ, при выпускѣ своихъ «Стихотвореній»³⁾ отдельно, многое прибавилъ, и некоторые мѣста измѣнилъ.

Привожу сначала текстъ такъ, какъ онъ былъ напечатанъ впервые въ журналѣ «Время».

1. Словно ягодка лѣсная,
И укрыта въ спѣва,
Свѣтъ-княгиня молодая
Въ княжемъ теремѣ жила.	8. «Гой, холопья, вы подите,
Быть на дыбѣ вами въ огнь!
Вы подите, приведите
Ваньку-Ключника ко мнѣ!»
* * *	
2. У княгинѣ мужъ ревнивый,
Хоть и сѣдъ, а и правъ врутъ,
Царской милостью спѣшивый,
Вѣдалъ Думу лишь да судъ.	9. Охъ, ведуть къ нему Ванюшу,
Вѣтеръ кудри Ванѣ бѣть;
А княгиня-то всю душу
За Ванюшу отдаетъ!..
* * *	
3. А у князя Ваня-Ключникъ
Кудрятый, удалой,
Ваня-Ключникъ—злой разлуч-
никъ
Мужа старого съ женой.	17. «Ты скажи ли мнѣ, Ванюшка,
Какъ съ княгиней жиль досель?»
— «Охъ, то вѣдѣть подушка
Да пуховая постель!
* * *	
4. Хоть не дариваль княгинѣ
Ни монистъ, ви кумачу,
А вѣдь льнула же къ дѣтинаѣ,
Что сорочка ко плечу!	18. Ай и хмѣль-то былъ угаренъ,—
Такъ позволь же мнѣ скорѣ
Спѣть въ послѣдній разъ, боя-
ринъ,
Пѣсню милости твоей:
* * *	
5. Цалovalа, миловала,
Подносила къ чаркѣ хмѣль,
И тайкомъ съ собою клала
Что на княжью постель.	19. «Много тамъ было понито
«Да поругано тебя,
«А и въ-краснѣ-то понито,
«И цѣловано, любя!»
* * *	
6. Да известныи наговоромъ,
Князь дознался всю вину,—
Какъ дознался, такъ съ покоромъ
И замкнулъ на ключъ жену.	20. «На кровати, въ волю княжью,
«Тамъ полежано у насъ
«И за грудь-ли, грудь лебяжью
«Было хватано не разъ!»

¹⁾ Я слышала въ Московской и Ярославской губ.

²⁾ Журналъ „Время“ 1861 г.

³⁾ Стихотворенія В. Крестовскаго. Изд. Саб. 1862 г. А. Озерова и К°. Т. I

21. — «Ай да пѣсня!.. видно хвата! 22. Вѣтеръ Ванюшку качаетъ,
Испозать, за то люблю!— Что былинку на межѣ,—
Вы повѣсьте-ка, ребята, А княгиня умираетъ
На шелковую петлю!» Во свѣтлицѣ, на ножѣ...
Въ сбражіи же стихотвореній Крестовскаго (изд. 1862 г.) сдѣланы
следующія дополненія:

7. И дознался изъ передней, 13. Но молчкомъ—молчить Ивашка,
Оть ревнинныхъ оть очей, И опять его ведутъ:
Что оть самой оть послѣдней Въ дыряхъ мокрая рубашка,
Сынокъ дѣвушки своей. Будри ключьями встаютъ;

- * * *
10. «Озвѣчай-ка, сынъ ты вражий, 14. — Кандалы на рѣзыхъ ножкахъ,
Разсважи-ка, варваръ мой, А идеть онъ, словно въ рай,
Какъ гулялъ ты въ сказъиѣ Только хлюпаетъ въ сапожкахъ
княжей Кровь ручьями черезъ край...
Съ нашей княжеской женой?»

- * * *
11. — «Ничего, сударь, не знаю, 15. Видитъ—два столбя кленовыхъ,
Я не вѣдаю про то!.. Перекладинка на нихъ:
«Ну, не знаешь, допытай!— Знать, ужъ мукъ не будетъ но-
А застѣночъ-то на чѣ?..»— вѣхъ,
* * * Знать, готовить про другихъ,—

12. И работаютъ въ застѣнкѣ— 16. «Отведу же я, моль, душу,
Только кости, знай, хрестятъ! Распотѣшусь предъ концомъ—
Перевязлены колѣни, Ужъ пускай же, князь, Ванюшу
Локти скручены назадъ. Хоть вспомнишь ты добротъ!..»

Выпущена совершенно 18-ая строфа, а измѣнены:
Въ строфѣ 9-ой послѣднія двѣ строчки, напечатанныя такъ:

Вѣсть шелкову рубашку, Къ бѣлу-тѣму такъ и льнетъ.

Въ строфе 5-ой сказано вмѣсто словъ:

«Подносила къ чаркѣ хмѣль»— — Обивала словно хмѣль.

Оставлены измѣненія незначительны и касаются только отдельныхъ словъ; такъ, напримѣръ: въ 1-ой строфи вмѣсто «княжемъ» напечатано «бѣлокомъ»; въ 2-омъ—вмѣсто—«судъ»—«кнутъ»; въ 9-омъ—вмѣсто—«Ванюшу»—«Ивашку»; въ 21-мъ—вмѣсто—«пѣсня»—«сказка» и вмѣсто «Изъ шелковую—«да» шелковую.

Ф. Красильниковъ.

О былинахъ на Печорѣ.

А. Д. Григорьевъ въ отчетѣ о своихъ поездкахъ въ Архангельскую губернію, что, какъ можно было узнать изъ опросовъ, «старины» прошли между прочими и на Печорѣ (см. Извѣстія Огд. р. яз. и слов.

И. А. Н., т. V, кн. 2-я). Это сообщение вполнѣ подтверждается теперь статьей г. Н. Ончукова, помещенной въ № 9311 «Нов. Вр.» отъ 4-го февраля текущего года, съ которой небезынтересно познакомиться.

Лѣтомъ прошлаго года г. Ончукову пришлось быть въ селѣ Усть-Цильмѣ, на Низовой Печорѣ; явился онъ не специально для записыванія былинъ, но, услыхавъ отъ крестьянъ, что старины о богатыряхъ поютъ ся въ самомъ селѣ, рѣшился прокѣрить, дѣйствительно ли это былины, или что-нибудь другое. Въ первое же воскресеніе черезъ посредство хозяина квартиры г. Ончуковъ прыгнали къ себѣ «пѣвуновъ-знатоковъ» старинъ и послѣ предварительныхъ пустыхъ разговоровъ завелъ рѣчь о «старинахъ», и гости согласились ему сѣѣть ихъ. Пока хозяинъ отирали за виномъ, чтобы пѣвцы могли для храбрости промочить горло, въ избѣ шла бесѣда о старинѣ: «Все было не такъ въ старину-то, эхъ-иа! Старинщики хорошие вымираютъ, старины забываются... Пѣсни новые начинаютъ позывать какія-то смѣшные, куцыны, точно топоромъ ихъ рубить, отсѣкаютъ концы (частушки). А по старинному, заведешь старину, когда изъ двора выѣдешь, дорога двадцать верстъ, а на дорогу хватить. Бдешь и поешь, и выводишь, а самому жалостно, да хорошо и товарищу, если съ тобой онъ, не скучно. Поешь другой разъ и надорвешь сердце, и поплачешь, а дорога и прошла незамѣтно». Ожиданія г. Ончукова не были обмануты: пѣсни дѣйствительно оказались былинами. «Когда пѣвцу кончили первую былну, говорить онъ, то стало совершенно ясно уже, что Печорскія былины не только прекрасно сохранились качественно и удержали свой, можетъ быть, очень древній нацѣвъ, но и удѣльны въ большомъ количествѣ». Автору удалось записать только 7 былинъ, такъ какъ вскорѣ наступилъ Петровъ день, когда все взрослое населеніе отправляется на покосъ и на ловлю сѣмы, и этнографу пришлось превратить такъ удачно начатое дѣло, «имѣя въ виду дальнѣйшія записи напредки». Жаль, что авторъ мало сообщаетъ свѣдѣній о состояніи былинной традиціи въ Усть-Цильмѣ, умалчивая о томъ, сколько тамъ «старинщиковъ», каковъ ихъ репертуаръ, какіи именно былины онъ записалъ и т. п. Судя по тому, что одинъ изъ пѣвцовъ, Дмитрій Дуркинъ («ѣть 40, высокій, здоровый мужикъ съ большими лбомъ и съ бородой лопатой») знаетъ, по собственнымъ его словамъ, до 70 штуку былинъ, и другой пѣвецъ, старикъ, до 50; можно надѣяться въ будущемъ на новое пополненіе нашего эпоса.

Приведу теперь начало былины о Манаевомъ побоищѣ въ томъ видѣ, какъ оно печатается г. Ончуковымъ.

Аи бѣжала-ле Калика Переходная
А отъ того отъ моря отъ студеного,
Алатыра камешка, Алатыра;
Она по три дни бѣжитъ, по три ночи.

5. Прибѣжала Калика ко маткѣ Клесей-рѣкѣ¹⁾,

¹⁾ Надо бы „Къ Лесей-рѣкѣ“, вѣроятно, вм. Енисей-рѣки.

- Захотѣла Калика тутъ попить, поись,
 Она попить, поись и тутъ огия добыть,
 Огия добыть, платье повысушть.
 Не успѣла Калива опочиниться¹⁾, —
10. Накатается вдругъ туча темная,
 А бы темна туча, туча грозная;
 Навалилася орда неѣтная;
 Прибѣгалъ собака Кудреванко-царь;
 15. Онъ со тимъ со зятемъ, со Биршиномъ,
 У его, собаки, силы множество.
 Прибѣгалъ собака къ Елесей-рѣкѣ;
 Онъ мосты мостили тутъ калиновы,
 20. Переизадны, кладеть дубовны,
 Переносится собака, перемозится...
 Становился собака на поле Куликово;
 Ставилъ онъ шатры да чернобѣрхатны.
 25. Отъ того отъ шару лошадинаго,
 А и поблѣло красно солнчишко,
 Помертвѣлъ батюшко скѣтель мѣснцъ,
 А и потерялся-ле тутъ да звѣзды частны,
 Звѣзды частны, да зори ясны...
30. А и силы у собаки числа-смѣту иѣть...
 Кабы самъ онъ, собака, заговорщикъ злой;
 А и стала онъ по силы потѣживать,
 Кабы стала онъ силу заговаривать —
 Не брала чтобы силу сабля вострая,
35. Не ломила бы палица бѣзвая
 Не колола бы копейцо бурзомецкое...

Конечно, трудно сказать что-нибудь определенное на основаніи одного отрывка, но сразу бросается въ глаза сходство именъ царя и его зятя съ именами ихъ въ старинѣ о Василии Пьяницѣ, записанной А. Марковымъ («Бѣломорскія былины», стр. 409): Кудреванко-Царь и зять его Быршикъ). Имена Биршинъ и Миршинъ — парные, т.-е. представляютъ образование такого же рода, какъ Бастрюкъ-Мастрюкъ и т. п. Странное начало былины можно объяснить какъ искашеніе зачина былины о Василии Пьяницѣ, которой присвоенъ древній зачинъ, изображающій бесѣду турровъ и турицы. Важно название поле — Куликово, сохранившееся также въ петербургскомъ варианте этой былины (Кирьевский, I, стр. 58).

Н. В. В.

¹⁾ Отъ слова „опочинъ“ = „опочивъ“, обыкновенно употребляющагося въ былинкахъ (опочивъ держать).

Критика и библіографія.

В. Г. Богоразъ. *Очеркъ материальнаю быта оленныхъ чукчей, составленный на основаниі коллекцій Н. Л. Гондатти, находящихся въ этнографическомъ музее Императорской Академии Наукъ. Съ XXV таблицами рисунковъ въ конецъ текста.* (Сборникъ музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии Наукъ). Спб. 1901 г. 65 стр.+XXV таблицъ.

Настоящая книга представляетъ весьма крупный вкладъ въ русскую этнографическую литературу и даетъ подробное и отчетливое понитіе о всѣхъ сторонахъ материальной жизни одного изъ племенъ крайняго сѣверо-востока Сибири. Въ связи съ предшествующими работами того же автора, основанными на близкомъ и продолжительномъ знакомствѣ съ данными народомъ, она впервые даетъ намъ систематическое и строго научное представление о чукчахъ, о которыхъ въ литературѣ раньше имѣлись довольно случайныя и разрозненные сведения.

Работу г. Богораза отнюдь нельзя назвать простымъ описаніемъ коллекцій этнографического музея Академіи Наукъ, и заглавіе не вполнѣ вѣрно опредѣляетъ содержаніе «Очерка», говоря, что онъ составленъ на основаніи коллекцій Н. Л. Гондатти. Личное знакомство автора съ описываемыми народомъ играло несравненно большую роль, чѣмъ изученіе собранныхъ другимъ коллекцій, и безъ него было бы положительно невозможно такое обстоятельное и отчетливое описание, какое мы имѣемъ въ настоящей книгѣ. Съ одной стороны, только такое знакомство и даетъ возможность разобраться въ коллекціи и оцѣнить, какъ слѣдуетъ, назначеніе каждого отдельного предмета, а съ другой, г. Богоразъ затрогиваетъ въ своемъ описаніи многие такие факты, которые не могутъ быть иллюстрируемы никакими коллекціями. Такимъ образомъ, нравыльне было бы сказать, что книга составлена преимущественно на основаніи личныхъ наблюдений, а коллекціи этнографического музея послужили для нея лишь материаломъ для иллюстрацій.

Книга состоитъ всего изъ двѣнадцати главъ: «Пища», «Одежда», «Украшени», «Мылище», «Утварь», «Оружіе», «Орудія», «Олениводство», «Охота», «Игры и игрушки», «Идолы и домашнія святыни», «Костяные издѣлія». Рисунки, приложенные къ книгѣ, достаточно обильны (266 предметовъ на 25 таблицахъ) и по своему исполненію вполнѣ удовлетворительны. Можно было бы пожелать большей отчетливости и

большихъ размѣровъ рисунку 2-му таблицы XIX; на этомъ рисункѣ, представляющемъ снимокъ съ чукотской карты рѣки Анадыра, совершенно не вышли изображенные на ней олени и охотники за ними, людскій жилица и лѣса, медведи и т. п., о которыхъ говорится въ текстѣ (стр. 55).

Не довольствуясь описаніемъ чукотского быта, авторъ постоянно проводить параллель между бытомъ чукчей и бытомъ кѣль ближайшихъ со-сѣдей, якутовъ, коряковъ и др.; изъ рисунковъ тоже очень многое, иногда цѣлые таблицы, представляютъ изображенія предметовъ обихода этихъ народовъ. Разумѣется, что отъ такого сравнительного описанія материальной культуры чукочъ, значеніе книги еще увеличивается.

Въ заключеніе необходимо указать очень существенный корректурный недочетъ. Вторая половина 56-й страницы совершенно исказена и, повидимому, набрана съ какого-нибудь случайно попавшаго и исправленія го чернового листка. Благодаря этому ова отчасти повторена вторично въ 57-й стр., а въ прочихъ строкахъ номера рисунковъ, даваемые въ текстѣ, не сходятся съ номерами, простоявшими на таблицѣ XIX.

A. Максимовъ.

В. И. Іохелсонъ. Матеріалы по изученію юкагирскаго языка и фольклора, собранные въ Колымскомъ округѣ. Часть I-я. Образцы народной словесности юкагировъ (тексты съ переводомъ). Изданіе Императорской Академіи Наукъ (Труды Якутской экспедиціи, снаружишней на средства И. М. Сабирякова. Отдѣль III. Томъ IX. Часть III.) Слѣд. 1900 г. VIII+XIV+240 стр.

Нѣть сомнѣнія, что изслѣдованія В. И. Іохельсона надъ юкагирами представляютъ самый крупный фактъ въ исторіи русской этнографіи за послѣднее время, такъ какъ можно сказать, что г-ну Іохельсону удалось открыть совершенно новый и неисследованный народъ. То что можно найти объ юкагирахъ у прежнихъ авторовъ (Брангали, Августиновича и Майделя) на столько скучно, что не можетъ собственно говоря идти въ счетъ, тѣмъ болѣе, что даже и эти скучны свѣдѣнія относятся не столько къ юкагирамъ, сколько къ нѣкоторымъ смѣшаннымъ племенамъ, живущимъ съ ними въ сосѣдствѣ. Настоящихъ юкагировъ этнографы уже готовы были признать вымершимъ народомъ, и вдругъ оказалось, что они не только существуетъ, но и сохранили въ полной неподѣльности свою своеобразную культуру. Насколько интересны для этнографа юкагиры, можетъ служить припомощь хотя бы тотъ фактъ, что они одинъ изъ всѣхъ народовъ сѣверной Азии сохранили такой любопытный институтъ, какъ материнское право.

Настоящая книга г. Іохельсона нѣть прежде всего особую цѣнность для лингвистовъ, и на этомъ обстоятельствѣ нѣть никакой надобности останавливаться. Достаточно указать на то, что юкагирский языкъ былъ раньше известенъ только по нѣсколькоимъ отрывочнымъ и къ тому же невѣрно записаннымъ фразамъ, собраннымъ бар. Майделемъ и дру-

тии путешественниками¹⁾. Только теперь и является возможность действительного серьезного изучения юкагирского языка и надо надеяться, что специалисты-лингвисты не замедлят воспользоваться новымъ богатыемъ материаломъ и помогутъ намъ решить загадку о происхождении этого народа.

Приводимые г. Іохельсономъ материалы не только важны, какъ образцы народного творчества, но и какъ лингвистические материалы. Съ вѣшней стороны народное творчество юкагировъ представляетъ многое своеобразія, и прежде всего бросается въ глаза одна черта, подчеркиваемая самимъ г. Іохельсономъ, это сухость и схематичность разсказа. Среди собранныхъ въ книгу произведений юкагирского творчества есть и очень короткия, есть и сравнительно очень длинныя, но суха они одинаково. Юкагиръ старается всячески избегать лишнихъ отступлений, не относящихся непосредственно къ дѣлу описаній, вводныхъ подробностей и т. д.; однимъ словомъ, онъ старается какъ можно сжѣтѣе передать самую фабулу разсказа, исклучительно не заботясь объ ея украшеніяхъ. Часто онъ ведетъ разсказъ отрывочными фразами, съ пропусками, предоставивъ самому слушателю восполнить недостающее и оживить по мѣрѣ силъ, сухую фабулу.

По содержанию собранные г. Іохельсономъ материалы отличаются большими разнообразіемъ; здѣсь есть и сказки (27 номеровъ), и историческій преданія, и разсказы о современномъ бытѣ, и шамансіе тексты, и пѣсни, и формулы сватовства, и номенклатуры родства и т. д.; отсутствуютъ вполнѣ лишь востогонческіе сказанія, изъ нихъ не удалось записать ви одного. Про сказки можно думать, что многія изъ нихъ заимствованы юкагирами у соѣдей, и за такое предположеніе говорить не только то, что сюжеты большинства юкагирскихъ сказокъ можно встрѣтить и у другихъ народностей сѣверо-востока Сибири, но и то болѣе вѣсное соображеніе, что черты быта, рисуемыя въ этикѣ сказкахъ, сплошь да рядомъ непохожи ни на древній, ни на современный юкагирский бытъ. Такъ, для юкагирской семьи характерно отсутствіе калмыма и переселеніе мужа въ домъ жены, а въ сказкахъ очень часто мужъ покупаетъ жену у тестя и беретъ ее къ себѣ въ домъ (сказки 5-я, 6-я, 7-я, 12-я). Съ большою вѣрностию бытовые особенности юкагировъ сохранились въ историческихъ преданіяхъ, которые, впрочемъ, очень интересны и помимо того, что представляютъ извѣстныя воспоминанія о быльихъ отношенияхъ между племенами и отдельными родами, о пріицѣствіи русскихъ и т. д. Такъ, напримѣръ, чрезвычайно интересно и во многихъ отвѣщеніяхъ поучительно преданіе о первоначальномъ крещеніи юкагировъ (стр. 84—86). Шамансіе тексты, заклинанія и формулы сватовства тоже весьма важны и интересны, чего нельзя сказать про пѣсни и загадки, очень слабо представленные въ сборнике; такъ, загадокъ всего записано только четыре. Система родства у юкагировъ записана г. Іохель-

¹⁾ Можно также указать статью С. М. Шаргородского—Объ юкагирскихъ письменахъ. Съ таблицею рисунковъ. „Землевѣдѣніе“ 1895 г., кн. 2—3, стр. 135—148.

сонаомъ съ образцовой обстоятельностью и отличается большою оригинальностью. Старшаго брата матери юкагиры называютъ такъ же, какъ дѣда, старшую сестру отца такъ же, какъ бабку, но зато младшій братъ матери, старшій братъ отца, младшій братъ отца, младшая сестра отца, старшая сестра матери и младшая сестра матери всѣ имѣютъ каждый особое для себя название. Такое строгое обособленіе отцовскихъ родственниковъ отъ материнскихъ тѣмъ больше интересно, что въ связи съ которой обыкновенно наблюдается подобная черта, у юкагаровъ нѣть.

Большинство материаловъ записано на верхне-колымскомъ нарѣчи, наиболѣе чистомъ, и только нѣсколько номеровъ представлены двумя параллельными текстами: на верхне колымскомъ нарѣчи и на тундренскомъ, испытавшемъ влияніе тунгусского языка. Подлинныи текстамъ всегда съѣдуютъ русскіе переводы, снабженные обильными примѣчаніями.

Какъ видимъ, работа г. Іохельсона, по своему богатому содержанію представляетъ крупный интерес для самыхъ разнообразныхъ отраслей этнографіи, и можно лишь пожелать, чтобы и другіе собранные имъ среди юкагировъ материалы были изданы поскорѣе и съ такою же тщательностью, какъ настоящій выпускъ.

A. Максимовъ.

Ермоловъ, А. Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. I. Всенародный мыслящий словарь. Спб. 1901. 8°. IX+620 стр. Ц. 3 руб.

Авторитетный знатокъ русского сельского хозяйства, его практическихъ и научныхъ положеній, А. С. Ермоловъ является теперь передъ читателемъ съ своимъ въ высшей степени интереснымъ трудомъ по народнымъ пословицамъ. Въ этомъ труде сгруппированъ цѣлый рядъ явлений въ сельскохозяйственной жизни народа, освѣщенныхъ не поучительнымъ опытомъ интеллигентнаго агронома и не какими-либо взысканиями агрономической науки вообще, а простою мудростью самого наарода, сказавшегося въ его пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ.

Въ послѣднее время, кажется, все ярче и ярче обнаруживается въ русскомъ просвѣщенномъ человѣкѣ сознаніе, что ни съ какими благими цѣлями или результатами науки нельзя подойти къ народу, не зная самого народа: во-первыхъ, потому, что у него есть свои званія, которыхъ надо или разрушить или признать, прежде чѣмъ давать новые, во-вторыхъ, потому, что эти его знанія часто бывають такъ основательны, детальны, точны, что сама наука нуждается въ нихъ.

Въ рѣчи, произнесенной авторомъ разбираемой книги при открытии 1-го метеорологического съѣзда въ Петербургѣ, съ привѣтствиемъ объединеніе общихъ усилий русскихъ учёныхъ метеорологовъ и въ то же время выражаетъ пожеланіе, «чтобы при такомъ объединеніи наука не забыла своей старшей годами, во-домынѣ, въ сожалѣнію, пребывающей еще въ загонѣ сестры—вѣковой на одной мудрости, являющейся результатомъ вѣками накопленного, почти безсознательного, изъ рода въ родъ передаваемаго опыта и наблюденія, производимаго не точными физиче-

скими приборами, но повседневнымъ общевиемъ съ природой чуткаго къ ея явлениямъ, съ которыми связаны всѣ его жизненные интересы, простого земледельца-крестьянинна». Они выразились въ цѣломъ рядѣ примѣтъ, пословицъ и поговорокъ, и авторъ называетъ ихъ «колоныемъ вашей настоящей науки». (2—3 стр.). Народная религія, поэзія, семейно-правовая отвешенія уже давно служатъ источникомъ разныхъ научныхъ изысканій, теорій и размышеній о выданіи исторической культуры на укладъ народной жизни; но народная мудрость въ пословицахъ для этого еще почти не бралась въ соображеніе. Ни изслѣдованія Снегирева, ни собранія Сахарова, Шейна, Максимовчика, Щурова, Чубинского, Михельсона и др., ни «Толкованія» Даля не имѣли въ виду этой связи народной мудрости и современного научного критерія. Правда, можно указать на прекрасные сборники А. А. Коринескаго («Народная Русь»), Н. К. Симони («Старинные сборники русскихъ пословицъ XVII—XIX ст.»), А. В. Смоленскаго («Чувашская примѣты») и некоторые другие; но всѣ они, при большихъ достоинствахъ содержащагося въ нихъ этнографического материала, лишены такой систематической группировки, которая одно, другое, третье народное изреченье ставила бы не въ узкия рамки эпохи, быта или племени, а развернулась бы на обширномъ пространствѣ многихъ эпохъ, многихъ племенъ, многихъ послѣдовательно связанныхъ условій быта. Въ такомъ видѣ для сжатой, не рѣдко какъ бы отъ чего-то оторванной мысли легко находится ея надлежащее мѣсто. Этимъ путемъ авторъ думалъ «подѣлить то, что подмѣтилъ и закрѣпить своимъ мѣткомъ словомъ русскій простолюдинъ,—такимъ же опытомъ и наблюдениемъ земледѣльцевъ другихъ странъ, при другихъ условіяхъ климата, почвы, хозяйственной обстановки, во въ области этой же корнины и русскаго и чужеземнаго крестьянина—матери-природы». (3 стр.). Конечно, не къ чему напоминать, насколько этотъ сравнительный методъ сопоставленій оказался полезнымъ во многихъ другихъ вопросахъ этнографической науки.

Что касается самой обработки имѣвшихся у автора материаловъ, то енъ самъ указываетъ, что не могъ «взять за себя научной разработки, такъ какъ подобная работа требуетъ и слишкомъ много времени и такихъ специальныхъ познаній, которыми я (авторъ) не обладаю». (стр. 7). Позволительно сомнѣваться, чтобы вообще вступило время «научно разработать» такой материалъ. Сколько другихъ этнографическихъ данныхъ нужно для этого, такихъ данныхъ, которыхъ на самотъ дѣлъ неѣть: хотя сколько-нибудь научно-основательная исторія религій, семейного и общественного быта, экономическихъ теченій, народныхъ и политическихъ передвиженій—все это должно быть разработано прежде, потому что все это есть материалъ, надъ которымъ оперировала народная мудрость.

Такимъ образомъ, полная систематическая сводка пословицъ, примѣтъ и поговорокъ, которую предпринялъ уважаемый авторъ, является единственной возможной научной работой въ этой области, научной, потому что это требуетъ большихъ знаній, научной опыта и умѣнія изъ разрозненныхъ частей составить цѣлое.

Авторъ и здѣсь указываетъ, что его трудъ не можетъ претендовать и на completeness, но и въ томъ огромномъ матеріалѣ, которымъ онъ пользовался, нельзя не указать на такую, напр., цѣнную въ отношеніи completeness особенность, какъ на слѣдующую: сначала авторъ хотѣлъ собрать пословицы и примѣты только на погоду и на урожай; но, пѣнившись «кладеземъ народной мудрости», онъ расширилъ рамки своего труда, «счелъ себя не въ правѣ подходить къ этому дѣлу съ какимъ бы то ни было предвзятымъ субъективнымъ взглядомъ», «не сталъ даже отѣльять пшеницу отъ пшевель, а стала собирать и систематизировать все, прида въ тому убѣждѣнію, что, быть можетъ, тотъ уровень научныхъ знаній, которыми мы можемъ теперь располагать, недостаточенъ еще для того, чтобы безошибочно отбирать одно доброе зерно». (8 стр.).

По содержанію весь трудъ А. С. Ермолова разсчитанъ на три части (собственно двѣ, съ двумя подотдѣлами въ первої). I. Всенародный мѣсяцесловъ. II. Народныя сельскохозяйственныя пословицы, поговорки и примѣты—своего рода народный оракулъ для угадчикъ. III. Сюда «войдеть то, что характеризуетъ сельскохозяйственный годъ въ его совокупности, весь циклъ народной сельскохозяйственной жизни, и затѣмъ тутъ же будуть приведены пословицы, поговорки и примѣты на солнце, мѣсяцы, звѣзды, на разныя явленія природы, громъ, дождь, вѣтры, туманъ, утро, вечеръ, день, ночь, на почву, урожай, на животныхъ, на растенія и т. п.» (стр. 9). Такъ какъ разбираемый выпускъ помѣченъ просто цифрою I, безъ указанія подраздѣленія, то, надо полагать, что второй выпускъ придется отмѣтить цифрою II, а вторую часть или 3-й выпускъ, цифрою III. Впрочемъ, это несущественный вопросъ.

Итакъ, всѣ эти 620 страницъ убористой печати посвящены «всенародному мѣсяцеслову». Кстати, отмѣтили здѣсь одно общее интересное явленіе: народы Зап. Европы, живя теперь по новому стилю, въ пословицахъ руководствуются старымъ стилемъ; авторъ уѣдился въ этомъ на такихъ явленіяхъ, какъ равноденствіе, солнечостояніе и т. п. Матеріалъ расположенъ такъ, что мѣсяцы, числа идутъ въ хронологическомъ порядке; кроме того, времена года, праздники, посты и другія годичныя перемѣны тоже последовательно проходятъ одни за другими. «Мудрость» русскаго человѣка доминируетъ все время; во, кроме того, пословицы и другихъ славянъ, а также русскихъ и другихъ инородцевъ, вародовъ Зап. Европы всплатаются, особенно тамъ, где чувствуется что-нибудь или недоказанное, или неубѣдительное у русскаго сельского хозяина. Получается цѣлая наглядная картина жизни, которую яркой, сжатой и выразительной мыслью рисуетъ простой человѣкъ. Скажемъ больше: оттѣ обильный фактический матеріалъ въ такой систематической группировкѣ легко будить отвлеченную мысль этнографа, зоветъ ее къ специальными вопросамъ этнографіи и, если не разрѣшасть ихъ, зато даетъ весьма сильный толчокъ къ тому. Особенно это надо сказать относительно религіозныхъ воззрѣй на природу въ связи съ экологическими быт旣ми. Здѣсь тѣ разнообразны гипотезы, которые существуютъ въ науцѣ, являются какъ бы на смотрѣ и значительно должны видоизмѣнить или подкрѣпить свои положенія.

Вообще, почтенный труд А. С. Ермолова, очень важный и своеобразный не только для сельскохозяйственной, но и для этнографической науки, должен встретить полное сочувствие у русского читателя. Объединив можно сказать, что въ концѣ не приложенъ «указатель» предметный, географический и т. д., столь необходимый въ такихъ изданіяхъ. Впрочемъ, б. и., онъ и имѣется въ виду, когда выйдетъ послѣдній выпускъ. Указатель источниковъ (на русскомъ, немецкомъ, французскомъ, итальянскомъ и английскомъ языкахъ), приложенный въ концѣ 1-го выпуска на четырехъ страницахъ, еще больше подтверждаетъ уже высказанный здѣсь отзывъ о солидности и полезности этого выпуска.

B&E

Тумановъ, Г. М., князь. Земельные вопросы и преступность на Каоказѣ. Сиб. 1901 г.

Экономические и социально-политические вопросы на Кавказѣ еще не имѣютъ достойнаго изслѣдователя въ то время, какъ географически и этнографически названный край изученъ достаточно. Авторъ вышеупомянутаго сочиненія восполняетъ существующій въ кавказовѣдѣніи пробѣлъ, касающійся изученія «человѣка и жгучихъ вопросовъ въ жизни» на основаніи свѣжихъ материаловъ и непосредственнаго знакомства съ бытомъ края. «О волюющихъ нуждахъ современного Кавказа» кн. Г. М. Тумановъ помѣщалъ статью частью въ «Вѣстникѣ Евр.» и «Рус. Мысли», частью же въ редактируемой имъ тифлисской газетѣ «Новое Обозрѣніе». Нынѣ онъ эти отдельныя разбросанныя статьи соединилъ въ одну книгу подъ заглавиемъ: «Земельные вопросы и преступность на Кавказѣ». Связь между этими двумя факторами авторомъ установлена яркими доказательствами: земельная неурядица, отсутствіе окончательного размежеванія, слабое развитіе выкупныхъ сдѣлокъ временно-обязанныхъ крестьянъ съ бывшими помѣщиками, самоуправство при распределеніи общественной воды, неудовлетворительность разрѣшенія вопроса о хизанахъ (чиншевики грузинскіе) и неопределенность сословныхъ правъ обусловливаютъ саморасправу и разбоя, вызываемые неудовлетворительными чувствомъ справедливости и неудовлетворительными имущественными требованиями. Основное положеніе автора — «неудовлетворенность экономическихъ интересовъ является единственнымъ мотивомъ многихъ и многихъ преступленій на Кавказѣ» — не подлежитъ никакому сомнѣнію и на разрѣшеніе этого вопроса прежде всего должно быть обращено вниманіе.

A. Хахановъ.

Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества,
т. XXXVII. 1901 г., вып. IV и V.

Весь 4-й выпуск занят исключительно письмами къ секретарю начальника Тибетской экспедиціи, П. К. Козлова, и одного изъ его спутниковъ, фельдфебеля Иванова. Помѣщенные въ этомъ выпускѣ письма охватываютъ какъ разъ наиболѣе интересный, по крайней мѣрѣ въ этнографическомъ отношеніи, періодъ дѣятельности экспедиціи, а именно—

ея пребывавіе въ Восточномъ Тибетѣ, въ бассейнахъ рѣкъ Хуань-хѣ, Ян-цы-цзяна и Меконга. Экспедиція пришлось близко сталкиваться съ местнымъ населеніемъ и, какъ сообщаетъ письмо отъ июня 1:01 г., со «получено много интересныхъ свѣдѣй по этнографіи и исторіи обитателей Кама», т.-е. тангутовъ, живущихъ въ горной области рр. Ян-цы-цзяна и Меконга и подчиненныхъ вѣдѣнію Сининскаго губернатора. Такъ какъ эти тангуты почти совершенно не обследованы въ этнографическомъ отношеніи, то можно надѣяться, что когда будуть опубликованы подробные результаты экспедиціи П. К. Козлова, они составятъ цѣнное пріобрѣтеніе для этнографіи. Пока въ своихъ предварительныхъ замѣткахъ П. К. Козловъ преимущественно подтверждаетъ то, что уже было известно о тангутахъ-камъ изъ работъ пок. Йаго Н. Г. Пржевальского, но кое-что новое можно найти даже и въ этихъ замѣткахъ. Такъ, напримѣръ, Пржевальский просто ограничивается указаниемъ на существование у тангутовъ поліандрии, Козловъ же сообщаетъ, что наряду съ поліандрией встречается, у богатыхъ разумѣется, и полигинія.—5-й выпускъ «Извѣстій» тоже весь цѣлкомъ посвященъ одной статьѣ, а именно отчету Г. И. Потанина о «Поѣздкѣ въ среднюю часть Большого Хингана лѣтомъ 1899 года». Г. И. Потанину приходилось проходить по мѣстамъ, еще ве посѣдавшимъ europейцами и представляющимъ значительный географический интересъ. Этнографические результаты поѣздки менѣе значительны; краткость времени, отсутствие продолжительныхъ остановокъ и еще болѣе недовѣрчивое отношеніе къ путешественникамъ мѣстного населенія были существенной помѣхой для собирания этнографическихъ свѣдѣній. Кое-что все таки удалось собрать, между прочимъ и о баргутахъ, одинъ изъ наименѣе извѣстныхъ подраздѣленій монголовъ. Г. И. Потанинъ думаетъ, что основу баргутовъ составляютъ омонголившиеся тунгусы, къ которымъ лишь впослѣдствіи присоединились дѣйствительные монголы. Насколько основательно такое предположеніе, покажутъ, разумѣется, лишь болѣе детальная изслѣдованія.

А. Максимовъ.

Извѣстія Оренбургскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Вып. 16 І. Оренбургъ. 1901 г.

Изъ статей этнографического содержанія наиболѣй интересъ представляеть маленевая замѣтка А. И. Добросмысова, «Салы у киргизовъ». Салами въ старину назывались у киргизовъ особые щеголи, посвящавшіе себя ухаживанію за женщинами. Нарядившись въ изысканный костюмъ и на богато украшенній юшади «салъ» отправлялся въ какой-нибудь ауль, извѣстный красотою своихъ дѣвушекъ. Здѣсь по срединѣ аула онъ остававливалъ коня и, держа его за поводъ, ложился на землю, остававшись въ такомъ положеніи иногда болѣе сутокъ, пока дѣвушки не поднимали его и ве относили на рукахъ въ кибитку. Въ кибиткѣ саль проводилъ за разными увеселеніями ночь съ дѣвушками или съ одной дѣвушкой, но передъ разсвѣтомъ долженъ былъ покинуть ауль, оставивъ при этомъ всю свою одежду, украшенія и коня съ уборомъ; одежда и украшенія

шли дѣвушкамъ, а лошадь козину єбнитв, такъ что салъ возвращался домой пѣшкомъ и въ одной рубашкѣ. Такія похождевія продолжались до тѣхъ поръ, пока салъ не проживалъ всего своего состоянія.— Кромѣ этой статьи, необходимо отметить обстоятельную работу А. А. Петрова, «Библіографическій перечень книгъ, статей и замѣтокъ, касающихся черемицъ», не свободный, къ сожалѣнію, отъ существенныхъ пробѣловъ: не упомянуты, напр., статья Мендіарова въ Энгл. Озер., статьи А. Ф. Комова въ Уфимск. Губ. Вѣд. 1889 г. и т. д.; г. Петровъ не выключилъ въ свой указатель даже и нѣкоторыхъ изъ тѣхъ работъ, которыхъ отмѣчены Е. И. Якушкинымъ въ его „Обычномъ Правѣ“. Кромѣ того, указателю сильно вредить полное отсутствіе указаній на содержаніе и цѣнность отдельныхъ статей; несомнѣнно, что авторъ могъ бы до извѣстной степени дать и оцѣнку если ве всѣхъ, то многихъ работъ, и этимъ бы онъ во много разъ увеличилъ цѣнность своего указателя.— Въ приложениі къ «Извѣстіямъ» печатается обширное изслѣдовавіе А. И. Добросмысюва „Тургайская область. Исторический очеркъ“, дающее много материала для исторіи киргизовъ и ихъ отношеній къ русскимъ, но затрагивающее попутно и другие народы: казаковъ, башкиръ и т. д.

А. Максимовъ.

Tiersot Julien *«Chanson d'amour des paysans des Alpes fran aises».*
(Статья въ февральской книжкѣ 1902 г. «La Grande Revue»).

Жюльенъ Тіерсо (Julien Tiersot), издавшій въ 1889 году интересную книгу о французской народной пѣснѣ¹⁾, до сихъ поръ не перестаетъ заниматься собираниемъ и изученіемъ народныхъ пѣсень. Результатомъ его занятій появилась вышеупомянутая интересная статья.

Въ ней авторъ разбираетъ пѣсни, записанные въ провинціяхъ Дофине (Dauphin ) и Савоїи (Savoie), при чемъ замѣчаетъ, что пѣсни эти ве могутъ считаться исключительной принадлежностью этихъ провинцій, такъ какъ онѣ, измѣняясь лишь въ незначительной степени, поются во многихъ мѣстностяхъ Франціи.

Рассматриваемыя пѣсни сохранились въ устной передачѣ и лишь очень немногія попадаются записанными въ различныхъ сборникахъ; пѣсни эти, несмотря на нѣкоторую небрѣжность формы и несвязность въ мысляхъ, отличаются жизненностью, искренностью чувства, образностью выражений, красотою непосредственности. Вліяние природы мѣстности отразилось на характерѣ разбираемыхъ пѣсень: тѣ, которые поются въ провинціи Дофине—на югѣ,—отличаются сдержанностью и нѣкоторою блѣдностью красокъ, между тѣмъ какъ пѣсни Савоїи отражаютъ въ себѣ блескъ южной природы и звучатъ товами провансальской поэзіи. Нѣкоторыя пѣсни отличаются выдержанною литературною формою, такъ что наводятъ въ мысль объ участіи въ нихъ сложеніи невѣдомыхъ поэтовъ, которымъ было не чуждо знаніе стихосложенія.—

¹⁾ Julien Tiersot: *Histoire de la chanson populaire en France*. Paris. 1889.

Лирическія пѣсни, приводимыя Тіерсо, изображаютъ зарожденіе чувства любви, которое еще неопределенно и неясно:

*Rossignolet du bois, rossignolet sauvage!
Apprends-moi ton langage, apprends moi-z-à parler,
Apprends-moi la mani re comment il faut aimer.*

Выразительницами сильнаго чувства служатъ серенады (*ébaudes*, прованская *aubades*), носящія ясныя слѣды провансальской поэзіи. (Обычай пѣть серенады подъ окнами любимой девушки¹⁾ въ настоящее время исчезъ, но самыя серенады сохранились въ большомъ количествѣ и поются народомъ. Обыкновенно они представляютъ собою диалогъ между девушкой и юношой съ сентиментальнымъ или шутливымъ оттенкомъ:

<i>Belle faites moi un bouquet Qui soit de rose et de muguet. Nous le lierons</i>	<i>Nous l'attacherons Avec un fil d'argent Que nos amours y soient dedans.</i>
---	--

Сerenады носятъ также специальное название «Les r eveillez», такъ какъ они начинались по большей части со словъ: «r eveillez-vous» (проснись) по адресу любимой девушки. Во всѣхъ этихъ пѣсняхъ постоянно упоминается золовей, къ которому обращаются поющіе. Въ пѣсняхъ, воспѣвающихъ любовь, рѣдко говорится о бракѣ, съ другой стороны, въ свадебныхъ пѣсняхъ не упоминается про любовь. Въ этомъ сказывается влияніе провансальной поэзіи, которая никогда не соединяла понятіе любви съ бракомъ.

Споры влюбленныхъ, постепенное охлажденіе, разлука—служать, тема-ми лирическихъ пѣсень, приведенныхъ авторомъ. Такія пѣсни отличаются грустнымъ характеромъ, заключаютъ въ себѣ жалобы на то, что «l'amour n'est qu'un badinage l'amour n'est qu'un passetemps»; полны тоскливыхъ обращеній къ птицамъ, бабочкамъ.—Диалогическая форма преобладаетъ, причемъ на иѣжные упреки получаются равнодушные, иногда довольно грубые отвѣты.—Многія пѣсни изображаютъ печальный конецъ отвергнутаго поклонника, заливающаго свою печаль виномъ.

Несмотря на то, что пѣсни провинцій Савойи и Дофине подъ влия-
ніемъ современныхъ понятій и особенностей быта нѣсколько измѣнились,
по опредѣлению автора, все они относятся къ далекимъ временамъ, нѣ-
которые изъ нихъ восходятъ къ 15 в. Такая живучесть пѣсни можетъ
быть объяснена любовью народа къ родной поэзіи и художественнымъ
изображеніемъ тѣхъ чувствъ, которыхъ и теперь, какъ и прежде, вол-
ниуютъ, тревожатъ и радуютъ человѣческое сердце.

E.

Edmond Doutt . *Mahomet Cardinal*. Chalons-sur-Marne. 1899.
Работа названного автора знакомить насъ съ интересной формой средне-

¹⁾ Серенады пѣлись цѣльнымъ хоромъ, при звукахъ скрипки или др. инстру-
ментовъ, и слушались всеми желающими.

въковой легенды о Мухаммедѣ, которая сохранилась въ романѣ *Kenart le Contrefait* (состав. въ первой половинѣ 14 в. Jean Leclerc'омъ von Troyes). По этой легендѣ Мухаммедъ былъ очень ученымъ и краснорѣчивымъ кардиналомъ; ему было поручено обратить сарацинъ въ христианство. Онъ согласился на это подъ условіемъ быть со временемъ папой. Сарацины были обращены въ христианство, во Мухаммедъ папой вѣ сдѣланъ; тогда онъ своимъ краснорѣчіемъ заставилъ сарацинъ оять стать язычниками. Дутте указываетъ, что приведенная легенда стоять въ связи съ личностью монаха Bahira, отъ которого, по преданію, Мухаммедъ получилъ познаніе о Богѣ.

E.

Heinrich Schurtz. *Urgeschichte der Kultur.* Leipzig und Wien. 1900 г.

Названная книга представляетъ собою интересный матеріалъ по исторіи культуры. Въ ней отведенъ обширный отдѣль, касающійся религіи, супѣрій, магіи, колдовства, мноовъ, представлений о загробной жизни у различныхъ народовъ. Книга написана легкимъ языкомъ и чтеніе ея можетъ дать интересный свѣдѣнія по исторіи сравнительной культуры; въ ней мелочамъ, утомляющимъ вниманіе, отведено мало мѣста.

E.

Sell, Rev. E. *Essays of Islam.* London. 1901.

Названной книгѣ предшествовали труды того же автора «The Faith of Islam» и «The Historical Development of the Quran». Въ этихъ работахъ авторъ предлагаетъ свѣдѣнія о развитіи ислама въ Персіи, Египтѣ, о различныхъ сектахъ мусульманъ, объ историческомъ развитіи корана и о современномъ состояніи ислама.

E.

Hildebrand, Rudolf. *Materialien sur Geschichte des deutschen Volkslieds.* 1-я часть. Das ältere Volkslied. Leipzig 1900.

Гильдебрандъ, любитель и знатокъ народной поэзіи, приступилъ къ печатанію своихъ университетскихъ чтеній, касающихся вѣмецкой народной пѣсни. Первая часть его труда посвящена разбору старинныхъ народныхъ пѣсень. Здѣсь авторъ приводитъ образцы древнихъ пѣсень, связанныхъ съ обычаями народными, причемъ отмѣчаетъ 16 вѣкъ, какъ время особенного развитія пѣсни. Гильдебрандъ считается народнымъ пѣсню открытою силою какъ въ общественной, такъ и въ духовной жизни народа, крѣпко связанною съ бытомъ и съ міровоззрѣніемъ народными. Приводятъ историческія, бытовыя, дѣтскія пѣсни, авторъ отмѣчаетъ особенности техническихъ приемовъ: напр., частое употребленіе розы, кавъ символа. Книга Гильдебранда снабжена словаремъ собственныхъ именъ и предметовъ. (Deutsche Rundschau, янв. 1902).

E.

Памятная книжка Вятской губерніи за 1902 годъ.

Это полезное издание ежегодно даетъ, помимо специальныхъ справочныхъ свѣдѣній, нѣкоторыя статьи и замѣтки, относящіяся къ этнографіи. Такъ, здѣсь помещена статья *А. С. В.-на*: Вятскій Успенскій монастырь при преп. Трифонѣ (по подлинному документу 1601 г.). Съ предисловіемъ и поясненіями. Здѣсь, между прочимъ, приводятся выдержки изъ сказаний объ отношеніяхъ преп. Трифона къ Григорію Огрѣпьеву. Даны поясненія слованъ: алтабасъ, басманъ, ворворка, зен-денъ, кулига, курья, перекъсъ, тока (тца, цка), табло, шти (ш-стя) и др.—Далѣе статья *того же автора*: «Почитаніе Николы Можайскаго въ XVII вѣкѣ», интересна по материаламъ, относящимся къ Вятскому краю. *А. Буевскій* помѣстилъ продолженіе своей статьи: «Эпизоды изъ жизни основателя Вятской семинаріи. IV. Архіерейство по Вятѣ (1733—1737)» (см. календари 1899—1901 гг.). Эта статья можетъ быть важна для бытовыхъ справокъ, которые такъ часто нужны даже въ вопросѣ о бытовыхъ основахъ былинныхъ сюжетовъ.—*В. Ф. Кудрловцевъ* помѣстилъ продолженіе своего очерка (см. пам. ин. 1901 г.): «Старина, памятники, преданія и легенды Прикамского края». Эта часть очерка посвящена почти исключительно Аланьинскому могильнику.

Пожелаемъ редакціи календаря продолжать обогащеніе его подобными статьями и материалами.

В.Л. Б.

Памятная книжка Смоленской губерніи на 1902 годъ.

Въ этой книжкѣ *Я. А. Пилецкій* помѣстилъ очеркъ «Промыслы государственныхъ крестьянъ Смоленской губерніи въ 1850-хъ годахъ». Очеркъ этотъ разработанъ по даннымъ, собраннымъ въ 1850 г. чинами Министерства Госуд. Имущество для цѣлей кадастраціи. Представляя изъ себя рядъ цифръ, они дѣлаютъ очень достовѣрными выводы, построенные на нихъ. Населеніе и разселеніе, занятія и землевладѣніе, отход на заработки, урожай и другія экономическія выгоды, разные виды промысловъ извозчики, деревенскіе ремесленники и кустари, сельскохозяйственные рабочіе и пастухи, плотники, рабочіе за барахль и платохъ, землекопы, фабричные и заводскіе рабочіе, торговцы и предприниматели—все это, основанное на цифрахъ, представлено въ цѣлой картинѣ народнаго быта. Далѣе—*М. Н. Неклюдовъ* и *С. П. Писаревъ* въ очеркѣ «О раскопкахъ въ Смоленскѣ» даютъ описание собранію предметовъ, найденныхъ въ 1900 г. при сооруженіи электрической станціи на берегу Днѣпра. Авторы систематизируютъ ихъ, какъ «остатки новѣйшей эпохи», «эпохи до нашествія французовъ въ Смоленскъ», «Польской эпохи», «Московскаго владычества въ Смоленскѣ», «Литовскаго периода», «Киевской эпохи» и «Языческаго периода Смоленска». Къ статьѣ приложены таблицы снимковъ съ описываемыхъ коллекцій. Представляемъ судить о нихъ и о самомъ описаніи специалистамъ-археологамъ.

В.Л. Б.

ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ.

Archiv für Religionswissenschaft. 1902 г. Fünfter Band. Erstes Heft. Julius von Negelein: Bild, Spiegel und Schatten im Volksglauben. Изложение въровъзій, поверій, обычаевъ и обрядовъ, связанныхъ съ зеркаломъ, изображеніемъ человѣка и его тѣлу у народовъ различныхъ странъ. Изображеніе человѣка, его тѣло и его отраженіе въ зеркалахъ въ върованіяхъ народа имаютъ таинственную связь съ душою человѣка и видѣніе на нее. Върованіе въ непосредственное отношеніе тѣла къ человѣческой душѣ порождаетъ убѣжденіе въ существованіи двойниковъ. Приведенные поверіи имаютъ интересъ потому, что высказываютъ общенонародная воззрѣнія на жизнь души, на ея связь съ тѣломъ и на ея загробное существование.

Естествознаніе и Географія. 1901. 5. Эрихсонъ, Э. В. На Акурѣ (очеркъ).—7. Его же. Въ Сайгонѣ (очеркъ).—9—10 Рейнъ, Г. проф. Ось Баку до Батумы.

Живописная Россия 1902. (съ 53 номера) 53 и 54 Рукавишниковъ, Г. Гдѣ лучше и чѣмъ говорить по-русски? — 53, 54, 55, 56. Порошинъ Ив. Вокругъ Балаго озера. Путевые очерки.—53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63. Сулима: По Ленѣ. Путевые очерки (прод. см. „Э. Об.“ кн. 52).—55. Кошайские музыкалы. (Русс. нар. типы).—59. Торюкъ, А. Посидылки. Этнографич. очеркъ.—62. Рукавишниковъ, Г. Еще о „посидылкахъ“.—63. Таджикъ (Типы русск. Туркестана).—64. Старый Мула (Этн. альбомъ).—Женщины съ острова Мэона въ национальныхъ костюмахъ и причесахъ (Этн. альбомъ).—Надеждинъ Н. Переворотъ въ народной пѣсни.—65. Литовские типы (Этн. альбомъ).—66. Узбекская женщина изъ Кокана. (Этн. альбомъ).—65. Шмурло Е. Ф. проф. Взрѣхъ по Иртышу. Путевые очерки (не ок.).

Жури. Мин. Нар. Просв. 1902. Янв. Н. П. Павловъ - Сильванскій. Феодальныя отношенія въ удѣльной Руси (описаніе, см. юльскую кн. за 1901 г.)—С. К. Шамбала. Старины о Святогорѣ и поэма о Кылева-постѣ.—В. И. Модестовъ. Вспоминанія о пр. В. Гр. Васильевскомъ.—Рец. П. А. Лазарова на 1) Словянско-русск. словарь. Горица 1901, 2) Грамматику словянскаго языка. Горица 1900, составленные М. Хостынкомъ.—Н. Н. Разборъ труда С. Г. Валинскаго „Сказание чернорицъ Храбра о письменахъ славянскихъ“. Одесса. 1901.—Рецензіи на: 1) Лѣтопись занятій Археографической комиссіи съ 1895—99 гг. Вып. XII. Текъ за 1900 г. Вып. XII. С.-Пб. 1901. 2) Брошюру Д. К. Тремега. Иконы царского изографа Симона Ушакова въ Моск. Новодѣвичьемъ мон. Съ прил. 5 фотографій. М. 1901. 3) В. Н. Перетцъ. Материалы къ исторіи спокриза и легенды. II. Къ исторіи дунинка. Взденіе и срѣзательные тексты. Доп. къ исторіи Громницкаго и ука, къ вып. I и II С.-Пб. 1901 (Отт. изъ „Изв. отд. р. яз. и сл. И. А. Н. т. VI“). 4) Сборникъ материаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XXIX. Тишильсъ 1901.—И. В. Нетушиль. Легенда о близнецахъ Ромульѣ и Ремѣ. Февр. А. В. Семёка. Розенкрайцеры и сочиненія ими. Екатерина II противъ масонства. — Е. Ф. Шмурло. Польский источникъ о воцареніи Петра Великаго (о памятникахъ, извѣстномъ подъ заглавіемъ „Diarusz zabóystwa tyrańskiego senat rów moskiew-“).

skich w stolicy roku 1682 u o braniu dwóch cardw Ioanna u Piotra"). — С. Ф. Ольденбургъ. Новый русский трудъ по истории буддизма 'о работе И. А. Потоцкимъ, Буддизмъ, его история и основные положения его учения. Вып. I. Очеркъ истории буддизма. Иркутскъ, 1900, — напечатанный въ № 3. Трудовъ Вост. - Сиб. Отд. Имп. Р. Геогр. О.). — М. А. Венеситиновъ († 83 сент. 1901 г., некрологъ и замѣтка о трудахъ покойного по археологии) И. В. Нестушинъ. Легенда о близнецахъ Ромулѣ и Ремѣ (окончавшіе въ мартѣ книжкѣ). Мартъ. В. И. Сертиевичъ. Древности русского землевладѣнія. IV (см. апрѣльск. кн. за 1901 годъ). — Ю. В. Гомѣ. Извѣстія о хозяйственныхъ описанияхъ Московскаго у. въ XVI—XVII вв.—С. К. Буличъ. Разборъ труда В. И. Петра, „О соста-вахъ, стroyахъ и ладахъ въ древне-греческой музыке“. Кіевъ 1901. — В. М. Истрикъ. Рецензія на книгу проф. П. В. Владимирова. Древняя русская литература Кіевскаго периода XI—XIII вв. Кіевъ 1900.

Землеѣдѣніе. Периодическое издаваніе Географического Отдѣленія И. О. Л. Е., А. и З. 1901. кн. I—II. Болголовенскій, Н. В. Въ верховьяхъ Аму-Дары (съ 8 рис.). Есть свѣдѣнія о населеніи (таджикск.). — Андрусовъ, Н. И.: Повѣдѣніе Дагестанскаго 1898 г. (съ 15 рис.). Есть свѣдѣнія объ аварахъ. — Хаджи-Семімъ-Гирей Султановъ: Священная область мусульманъ въ Аравіи (съ 2 рис.). Авторъ, изучившій шариатъ, т. е. науку о мусульманской религії и ее законахъ, въ глуши Башкирии у башкирского муля, рѣшилъ побывать и въ странѣ Могомета въ Аравіи. Изъ этого путешествія авторъ вынесъ много интересныхъ воспоминаній, которые и предлагаются въ настоящемъ очеркѣ. — Древность земли. (Это небольшая замѣтка, написанная по поводу рѣчи проф. А. И. Соколова—„Возрастъ Земли“). — Адеръ, Б.: Лейпцигскій этнографический музей. (Авторъ обращаетъ особое вниманіе на обиліе коллекцій музея и научность современной его постановки). — Географія и отечество-вѣданіе въ реформированной средней школѣ. (Замѣтка касается спорного вопроса о содержаніи второго курса и преподаваніи его).

Миссионерское Обозрѣніе 1902 г. 2.—„Новая секта хехуитонъ или каюковъ“, Н. Бумакова. — Секта распространена преимущественно среди финляндскаго простонародья, но проникала и въ чисто - русское населеніе Петербурга и его окрестностей. Одной изъ главныхъ особенностей секты служатъ показанія и отпущенія грѣховъ на общихъ собраний сектантовъ (отсюда простонародное называніе „каюки“ отъ слова „каяться“). Въ некоторыхъ общинахъ хехуитонъ исповѣдь и отпущеніе грѣховъ соединяется съ обрядами, поражающими иностранного наблюдателя своимъ реализмомъ; такъ, въ дер. Ку-но, Ямбургскаго уезда, въ собрaniи приносится небольшая кадочинъ; каждый изъ присутствующихъ подходитъ къ этой кадочки и, наклонясь надъ ней, шепотомъ исповѣдуетъ свою грѣху; посѣдѣ того ваставникъ покрываетъ верхъ кадочки полотномъ, тщательно въ кровлю уазываетъ это полотно бечевкой, затѣмъ эту кадочину, „наполненную грѣхами“, выносить вонь и зарываетъ въ землю где либо въ укромномъ месте“.

Наблюдатель 1901. 6. Хаджи-Семімъ-Гирей Султановъ. Наблюденія надъ жизнью казанскихъ татаръ. — М. В. Сибирские сектанты (этнографический очеркъ). О скопищахъ въ Якутской области; описание радиций; приводятся пѣсни Нива. 1902. Ежемѣс. литерат. приложения 1-2. В. А. Мошковъ. У могилез-скихъ былъ руссовъ. Путевые впечатлѣнія.

Revue de deux mondes. 1901 г. 1 и 15 ноября. André Bellessort: Voyage au Japon. Въ беллетристическомъ очеркѣ даются свѣдѣнія о быте японцевъ, особенностяхъ японской семейной жизни, вправахъ японской женщины и характерѣ ея воспитанія.

Русское Богатство. 1902. 1. Гормельдтъ, А. Г.: Книга о языкахъ Гоголя. (I. Мандельштамъ). О характерѣ Гоголевскаго стиля. Глава изъ истории русской литературы: нач. языка. Гельсингфорсъ 1902). 3. Аричбашевъ, М. Курпіанъ. Разсказъ I—VII Не оковы. Деренекскій быть яко обрисованъ въ этомъ рассказѣ.—Швецовъ, С. „Молочные бунты“ въ Сибири и ихъ причины. (Послѣдний не только экономическая, но и суевѣрно-религиозная).

Русская Мысль. 1902. 1 и 3. Семеновъ, С. Т.: Изъ исторіи одной деревни. (Записки волоколамского крестьянина). Добросовѣтный очеркъ, наглядно рисующій экономическое положеніе деревни въ отношеніи частному и общенному хозяйству, а также отхожимъ промысламъ на фабрикѣ и въ городѣ.—1 и 2. Вольфензонъ, Б. Изъ жизни еврейскаго пролетариата.—2 и 3. Уманский, А. Бытнисатель переходного времени. (О литературной дѣятельности Г. И. Успенскаго).—3. Догаръ-Запольскій, М. В.: Исторический процессъ русскаго народа въ русской историографии.—4. Русова, С. В.: Современная провансальская литература. (Говоря о десентрализационномъ движении въ Провансѣ, авторъ видѣтъ его въ освобожденіи языка, возстановленіи народной провансальской литературы и т. п., останавливаясь особенно на дѣятельности Мишраля).—Гольцевъ, В. А.: Памяти Глѣба Ивановича Успенскаго.

Ярославск. еп. вѣд. 1899. 51—2. В. Преображенскій. Полемическая сочиненія противъ латинянъ, какъ одинъ изъ моментовъ віянія церкви на образованіе русской народности. 1900. 1. А. Титовъ. Венчева пустынь въ Ростовскомъ уѣздѣ (бывшій монастырь). Исторический очеркъ.—Исторія поминаній. 3. Арх. Израилевъ, прот. Водружальный крестъ. 4. И. Н. О церемоніи открытия „святыхъ дверей“ на всеобщій юбилей 1899—1900 г. (въ Римѣ). 10. О юбилеѣ П. А. Гильтебрандта (біогр. оч.).

Новости этнографической литературы.

- Адань, П. Вивантіч. М. 1902. Ц. 1 р.
- Архив гравюров Мордвиновыхъ. Томы первый и второй. Предисловие и приветствие В. А. Бильбасова. Спб. 1901. Ц. кажд. тому 5 р.
- Библиографические материалы, собранные Андреемъ Поповымъ. ХХV. „Слово кратко“ въ защиту испанскихъ имуществъ. Съ предисловиемъ А. Д. Григорьева. М. 1902. 4⁰. XXX+68 стр. Ц. 50 к.
- Бобринский, А.—ья, А.—евичъ, гр. Свата Испания въ русскихъ и бухарскихъ преданияхъ Средней Азии. Географическое распространение и организація. М. 1902. 8⁰. 18 стр. (Оттискъ въ „Эти. Обозрінії“).
- Бобрищевъ-Пушкинъ, А. М. Судь и раскольники-сектанты. Спб. 1902. Ц. 1 р. 35 к.
- Богоразъ, В. Г. Материалы по изученію чукотского языка и фольклора, собранные въ Колымскомъ округѣ. Ч. I. Образцы народной словесности чукчі. Тексты съ переводомъ и пересказы. Спб. 1900. 4⁰. XXXVI+417 стр.
- Барисовъ, В. А. Дневное поселеніе близъ деревни Старый Урматъ, Каз. уѣзда. Каз. 1901. („Изв. Общ. Ист., Арх. и Этн.“).
- Бородинъ, М. (собралъ). Филиандія въ русской печати. Материалы для библиографіи. Спб. 1902. Ц. 2 р.
- Брамковский, С. Н. Письма Сильвестра Медведѣва. Спб. 1901. Ц. 50 к.
- В. Д. К. Кавказская музыка. Библиографическая замѣтки. Тиол. 1900. 8⁰ 46 стр.
- Его же. Наглядъ и пѣчто. (Грузинская мелодія. Статья гг. Багдасарьянца, Паивзяна, Мошоряна и Тьерсо обѣ армянской музыки. Музыка кавказская въ выстакѣ в др.). Оттискъ.
- Васильевъ, А. Объ исконныхъ творческихъ началахъ и бытовыхъ особенностяхъ русского народа. Петроградъ. 1902. Ц. 20 к.
- Введенский, А. Ф. проф. Религионное сознание изычества. Ольга философской исторіи естественныхъ религій. Томъ I. М. 1902. Ц. 3 р.
- Ватнеръ, Г. Римъ. Исторія и культура римскаго народа. Вып. IV. Спб. 1902. Ц. по подлинѣ 6 р. съ перес. 7 р.
- Герикъ, Л. (фонъ). Краткій очеркъ иоенаго искусства въ древніе вѣка. Над. 2-е, дополн. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.
- Глаголевъ, С. С. Религія Китая. М. 1901. Ц. 35 к.
- Головачевъ, П. М. Сибирь. Природа, люди, жизнь. Изд. Ю. Н. Базановой. М. 1902. 8⁰. 300 стр. 66 рис., 2 карты. Ц. 1 р.
- Готтенротъ, Ф. Исторія вѣнчаной культуры. Одежда, домашняя утварь, военные и военные орудія народовъ древнихъ и новыхъ временъ. Томъ II, вып. I (1—61). П.-дніанская цѣна за 20 вып. 20 р., съ перес. 25 р.
- Дитмаръ (фонъ). Карль. Путѣздка и пребываніе въ Камчаткѣ въ 1851—1855. Спб. 1901 Ц. 7 р. 75 к.

- Добротворский, П. Въ глухи Башкирии. Рассказы, очерки и ваброски изъ башк. жизни. Екатеринбургъ. 1901. Ц. 50 к.
- Замотинъ, И. И. Преданіе о Вадимѣ Новгородскомъ въ русской литературѣ. Воронежъ. 1901. Ц. 75 к.
- Ивановъ, И. М. Русские кустари. Научно-популярный очеркъ. Спб. 1902 Ц. 60 к.
- Хохельсонъ, В. И. Материалы по изученію юкагирского языка и фольклора, собранные въ Колымскомъ округѣ. Ч. I. Образцы народного творчества юкагировъ. Тексты съ переводомъ. Спб. 1900. 40. XV+240 стр.
- Картьевъ, Н. Философия культурной и социальной истории нового времени (1300—1800). Введение въ исторію XIX вѣка. Изд. 2-е. Спб. 1902. Ц. 60 к.
- Каманинъ, И. Очеркъ гетиастства Петра Сагайдачного. Съ приложеніями. Киевъ. 1901. Ц. 1 р.
- Китицынъ, П. А. Заселеніе Устинской волости Костромской губерніи. Каз. 1901. („Изв. Общ. Ист., Арх. и Этн.“).
- Ключковъ, М. Указатель словъ и выражений, встречающихся въ Судебникахъ 1497, 1550 и 1589 гг. Подъ ред. проф. М. Дьякова. Юрьевъ. 1902. Ц. 25 к.
- Конъ, Ф. Я. Исторический очеркъ минусинского музея за 25 лѣтъ (1877—1902). Каз. 1902. 260+VIII стр.
- Норсановъ, В. В., д—ръ мед. Пять лѣтъ въ Пекинѣ. Изъ наблюдений надъ бытомъ и жизнью китайцевъ. Спб. 1902. Ц. 1 р.
- Кузнецова, И. Д. Терские казаки и ихъ рыбные промыслы. Очеркъ съ иллюстраціями въ текстѣ. Спб. 1901. Ц. 20 к.
- Куланикъ-де, Фюстель. Исторія общественного строя древней Франціи. Перев. подъ редакц. И. И. Грекса. Томъ I. Римская Галія. Спб. 1901. Ц. 3 р.
- Кулишевъ, М. Миѳъ о ритуальномъ убийствѣ у евреевъ. (Возникновеніе и развитіе его). М. 1901. Ц. 20 к.
- Лазаревский, Ал. Описание Старой Малороссіи. Материалы для исторіи заселенія, землевладѣлія и управлѣнія. Томъ III. Полкъ Прилуцкій. 1901. Ц. 3 р.
- Левицкій, Ор. Очеркъ народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII столѣтія. Киевъ. 1902. Ц. 2 р.
- Лядовъ, Анат. 35 пѣсень русскаго народа для 1 голоса съ сопровождениемъ с.-п. изъ собранныхъ въ 1894—5 гг. И. В. Некрасовымъ и Ф. М. Истоминымъ. Изд. съ Высочайшаго соизволенія пѣсенной комиссіи И. Р. Г. О. Спб. 63 стр. Ц. 2 р.
- Ляпуновъ, С. 35 пѣсень русскаго народа для 1 голоса съ сопровождениемъ с.-п. изъ собранныхъ въ 1893 г. С. М. Ляпуновъ и Ф. М. Истоминъ. Изд. съ Высочайшаго соизволенія пѣсенной комиссіи И. Р. Г. О. 94 стр. Ц. 2 р.
- Лискоронский, В. Г. Гильомъ Левассерь-де-Бопланъ и его историко-географические труды относительно Южной Россіи. Киевъ. 1901. Ц. 4 р.
- Магницкій, В. К. Чувашинъ-этнографъ Спиридонъ Михайловичъ Михайловъ (къ исторіи чувственной этнографіи). Каз. 1901. („Изв. Общ. Ист., Арх. и Этн.“).
- Максименко, Н. А. Сеймы лятовско-русского государства до люблинской увѣi. 1569 г. Харьковъ. 1902. Ц. 2 р.
- Малинка, Ал. Н. Сборникъ материаловъ по малорусскому фольклору. (Черниг., Волынск., Полт. и ивѣют. др. губерній). Черниговъ. 1902. ХХI+388 стр.
- Малицкій, Н. Г. Мусульманскій сонникъ. Казань 1902. 80. 36 стр. (Уч. Зап. Каз. Унів. 1901).
- Материалы для изучения быта пареселезцевъ, водворенныхъ въ Тобольской губ. за 15 лѣтъ (съ конца 70-хъ годовъ по 1893 г.). 2 т. Москва 1893—1895 гг. Ц. 1 р.

Михтель, И. С. Несколько словъ о бесерманахъ. Каз. 1901.- („Изв. Общ. И. А. и Э.“).

Н. П. Извъ коллекцій Казанскаго Городскаго Музея. (I. „Описание Йерусалима“ въ народн. картинахъ. II. Рукопись съ повѣстю о Бруцвики. III. Рукопись съ „Исторіей о храбромъ рыцарѣ Фрапцынѣ Венціанѣ и о прекрасной королевѣ Ренцьвенѣ“). Каз. 1901. („Изв. Общ. Ист., Арх. и Этн.“).

Надеждинъ, П. П. Кавказскій край. Природа и люди. Изд. 3-е, просмотр. и дополн. Ц. 2 р. 50 к.

Некрасовъ, И. В. 50 пѣсень русскаго народа для мужск. хора, собранныхъ И. В. Некрасовымъ, ф. М. Истоминымъ въ 1894—7 гг. Издано съ Высочайшаго соизволенія пѣсенной комиссией И. Р. Г. О. Спб. 51 стр. Ц. 75 к.

Никиторовъ, Д. Сокровища въ Москвѣ. М. 1901. Ц. 4 р. 50 к.

Отчеты о засѣданіяхъ Императорскаго общества любителей древней письменности въ 1899—1900 г. съ приложеніями. Спб. 1901. Ц. 60 к.

Памятная книжка Вятской губерніи на 1902 г. (Со статьями: 1) **А. С. В-**иль: Вятскій Устиній монастырь при преп. Трифонѣ (по подлинному документу 1601 г.) 2) **Ею же:** Почтание Николы Можайскаго на Вяткѣ въ XVII в. 3) **В. Ф. Бурляевъ:** Старина, памятники, преданія и легенды Прикамскаго Края (продолж.).

Памятная книжка Семипалатинской области на 1902 г. со статьями: 1) **В. фонъ Герьзъ:** Киргизскія пословицы. 2) **Ф. Зобнинъ:** къ вопросу о невольникахъ, рабахъ и тюменгутахъ въ киргизской степи (См. отзывъ въ „Этн. Обозр.“ кн. 52). 3) **Н. Коншикъ:** Материалы для истории Степного края: III. „О заграницыхъ обстоятельствахъ“. IV. Замѣтки о киргизскихъ родахъ и сultанахъ въ Карагалинскомъ краѣ) 4) **А. Букехановъ:** Извѣстія изъ переписки киргизскихъ хановъ, султановъ и проч.

Памятная книжка Смоленской губерніи на 1902 г. Со статьями: 1) **Я. А. Пилецкій:** Промыслы государственныхъ крестьянъ смоленской губерніи въ 1850-хъ годахъ. (80. 36 стр. 2) **М. Н. Неклюдовъ и С. П. Писаревъ:** О раскопкахъ въ Смоленскѣ. 80. 33 стр. и 2 таблицы рисунковъ).

Панитсовъ, Н. Н. Извѣстія о путешествіи по Алтынъ-Эмельской волости (Копальского уѣзда Семирѣч. обл.) Каз. 1901. („Изв. Общ. Ист., Арх. и Этн.“).

Петровъ, А. 50 русскихъ народныхъ пѣсень, переведенныхъ для 3-голоснаго въ 4-голоснаго смѣшаннаго хора. Для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ. Издано съ Высочайшаго соизволенія пѣсенной комиссией И. Р. Г. О. Спб. 56 стр. Ц. 75 к.

Пирлингъ, Н. Извѣстія смутнаго времени. Статьи и замѣтки. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Плотниковъ, А. Ф. Нарымскій край. Историко статистический очеркъ. (Записки Имп. Русск. Геогр. О-ва по отдѣленію Статистики. Т. X, вып. 1-й, изд. подъ ред. И. В. Латкина). Спб. 1901. 80. II+366+17 стр. и 1 геогр. карта въ масштабѣ 50 верстъ въ англ. дюймѣ.

Потапинъ, Г. Н. Повѣдка въ среднюю часть Хингана лѣтомъ 1899 г. (Изв. И. Русск. Геогр. О-ва, т. 37, 1901, вып. V). Спб. 1901, 40. 483 стр. и карта.

Программа для собирания народныхъ пѣсень и другихъ музыкально-этнографическихъ материаловъ. Сост. подъ ред. **А. Л. Маслова.** Изданіе Этнографического Отдѣла И. О. Д. Е., А. Ф.: Труды Музыкально-Этнографической Комиссии. Вып. 1. М. 1902. 80. 8 стр. Безплатно. (Адресъ: Москва, Дашковскій Этнографический Музей—Н. А. Янчуку).

Розановъ, В. В. Религія и культура. Сборникъ статей. Изв. 2-е. Спб. Ц. 1 р. 20 к.

Сборникъ за народни умстворения, наука и книжнина, органъ за всестраннѣ изучване на етнография въ България. Издава Министерството на Народно Просвѣщеніе. Книга XVIII. София 1901. 80. I. Наученъ отдѣлъ. II+818+59+190 стр. 1 фототип. 2 геогр. карты, 10 статист. таблица. II. Материала. 201 стр. Ц. за двата отдѣла 5 лева.

Сборникъ материаловъ для описания мѣстностей и племенъ Кавказа. Изд. Управл. Кавк. уч. окр. Вып. XXIX Тифлисъ. 1901. Стр. X+148+220+96+162+58.

Сборникъ статей по классической филологии въ честь Петра Васильевича Никитина. Сиб. 1901. II. 2 р.

Сказочное сокровище забытаго уголка. Собрание румынскихъ сказокъ съ рис. Перев. А. И. Яцимирскаго. Стр. 183. Ц. 80 к.

Славяновѣдѣніе въ современныхъ изданіяхъ. Систематический указатель статей, рецензий и замѣтокъ за 1900 г. Сиб. 1901. Ц. 1 р. 20 к.

Словарь русскаго языка, составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Ипп. Академіи Наукъ. Вып.: Закрывать—Заносить. Сиб. 1902.

Соболевский, А. И., проф. Великорусская народная пѣсни. Томъ VII. Сиб. 1902. Ц. 3 р.

Срезлевский, И. И. Материалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ. Томъ II, вып. 4-й Сиб. 1902. Ц. 1 р.

Столпянский, П. Описание старинныхъ книгъ Публичной Самарской Александровской Библіотеки (1724—1825 г.). Самара. 1901. 120. IV+2 неи.+180 стр. (Тамъ встречаются: „Грамматика Черемисского яз., 1775 г.; Рассуждение о русскомъ языке Е. Стапеновича, 1808).

Суховский, О. В. О шаманстве въ Минусинскомъ краѣ. Каз. 1901. (Изв. Общ. Ист., Арх. и Этн.).

Тань. Очерки и рассказы. Т. II. 1902. 80. 6+312 стр. Ц. 1 р.

Харламповичъ, Н. В. Къ вопросу о просвѣщеніи на Руси въ до-монгольский периодъ. Львовъ 1902. Ц. 25 к.

Хрѣновъ, К. А. Пoэты изъ народа. Избранные стихотворенія русскихъ народн. поэтовъ, съ приложениемъ свѣдѣній о жизни ихъ и 7 портр. М. 1902. Ц. 60 к.

Чернышевъ, В. Материалы для изученія говоровъ и быта Мещевскаго уѣзда: 1. Говоръ деревни Калужкина. (Пѣсни, сказки, разсказы, загадки, по записямъ Андрея Косогорова). 2. Говоръ села Шалкова. (Пѣсни и сказки по записямъ Ивана Кортикова) Въ приложеніи письмо ак. Е. Е. Корша объ удареніяхъ въ русскихъ пѣсняхъ и стихахъ. Сиб. 1901. 80. VIII+216 стр.

Чехъ, М. С. Разсказы изъ старо-кавказской жизни. Сиб. 1901 г. II. квад. т. 1 р. 25 к.

Штуженбергъ, А. А. Материалы для изученія мѣдного (бронзоваго) вѣка восточной половы Европейской Россіи. Съ четырьмя таблицами. Казань 1901. (Изв. Общ. Ист., Арх. и Этн.).

Энгельгардтъ, А. П. Черноземная Россія. Очеркъ экономического положенія края. 1902. 80. 233+XXXII+2 стр., карты, чертежи и фототипіи. Ц. 2 р.

Ясининский, А. И. Очерки и исследования по соціальной и экономической истории Чехіи въ средніе вѣка. Томъ I. Основы соціального строя чешского народа въ эпоху господства обычного права. Юрьевъ. 1901. Ц. 2 р. 50 к.

Его же. Причины паденія древней Ливоніи. Ю. 1898. Ц. 40 к.

Его же. Содѣйствіе чеховъ успѣхамъ германизации на берегахъ Балтійскаго моря. Ю. 1898. Ц. 25 к.

Его же. Чешское свидѣтельство XIV вѣка о русскомъ металлическомъ производствѣ. Ю. 1901. Ц. 10 к.

Boguslawski, E. Metoda i srodkи poznania czasow przedhistorycznych i przeszlosci Słowian Krakow-Warszawa. 1901. VI+100 стр. Ц. 80 к.

Вѣстникъ языковедения, словесности, людознавства и древности славянъ съзывъ. Vѣstník slovanské filologie a starožitnosti v podporou carské Akademie vѣd v Petrogradѣ, Akademie české pro vѣdy a umění, c. k. Ministerstva kultu a vyučování ve Vlani. Vidávají L. Niederle, F. Pastrnek, J. Polívka, J. Zubaty. Ročník. I. Praha. 1901. 262 str.

Czermak, W. Martini Cromeri Polonia sive de situ, populis, moribus, magistratibus et Republica regni Polonici libri duo. 1578 Krakow 1901. XIII+160 (wydawnictwa Akad. Um. w Krakowie. Biblioteka Pizarow Polskich. T. 40).

Dorsey George, A. Recent. progress in anthropology at the field Columbian Museum. (From the American Anthropologist (N-S) Vol. 3. 1901).

Hall. The oldest. civilisation of Greece, studies of the Mycenaean age. London. 1901.

Hesse-Wartegg, E. von. Samoa, Bismarkarchipel und Neuguinea. 8°. 329 S. und. 2 Karten.

Melodje ludowe litewskie, zebrane przez s. p. księdza Antoniego Juszkiewicza, opracowywane przez s. p. Oskara Kolbergia i. s. p. Izydora Kopernickiego, a ostatecznie opracowane, zredagowane i wydane przez Zygmunta Noskowskiego i Jana Baudouin'a de Courtenay. Część I. (Z portretami braci Juszkiewiczów. Kraków. 1900. 4°. XLIV + 247 str. (Wydawnictwo Akademji Umiejętności).

Niederle. Slovanske starožitnosti. Díl I. Puvoda počátki národa slovanského. Svezak I. Praha. XV + 205 str. (Bibliotéka Historická).

Soukup, Jan. Památky, obyčeje a pověry Kovářské. Praga. 1902. („Česky Lid“).

ХРОНИКА.

Филиппъ Діомидовичъ Нефедовъ.

Некрологъ.

12-го марта въ 11 час. вечера скончался известный писатель Ф. Д. Нефедовъ. Родомъ изъ Иванова-Вознесенска, получивъ тамъ и начальное образование, Ф. Д. всю жизнь провелъ больше съ народомъ, чѣмъ въ шумныхъ столицахъ. Но мысль его всегда стремилась къ свѣту; ею онъ руководился и самъ и другихъ руководилъ. Уже въ качествѣ вольнослушателя, онъ прослушалъ лекціи на юридическомъ факультетѣ московскаго университета; потомъ отдался чтенію, любилъ посѣщать литературные кружки; больше же всего его влекло къ изученію народа и литературной работѣ. Еще въ 1859 г. появился его этнографический очеркъ „Изъ путевыхъ замѣтокъ“ (въ „Костр. губ. Вѣдом.“), въ 1868 г. въ „Отеч. Зап.“, появился его разсказъ „Дѣвичникъ“, въ 1871 г. въ „Вѣстникѣ Европы“ — „Святки“. Въ 1872 г. въ „Русс. Вѣд.“ печатались его очерки „Наши фабрики и заводы“. Къ этому же времени относится и первое собраніе его очерковъ „На міру“. Въ 1874 г., въ качествѣ члена-сотрудника Этнографического Отдѣла, Ф. Д. стала работать въ нашемъ Обществѣ и совершилъ потомъ рядъ этнографическихъ поѣздокъ по Россіи: въ Ряз. губ., на Ураль, въ центральныя губ. и т. д. Въ „Трудахъ Этнографического Отдѣла“ (кн. IV, 1877 г.) помѣщены его „Этнографическія наблюденія по Волгѣ и ея притокамъ“ въ „Трудахъ“ Антроп. отдѣла — Очерки Приуралья, мѣстныхъ древностей и башкиръ. Объ эти изслѣдованіяхъ Костромской губ. имъ помѣщенъ былъ отчетъ въ „Ізвѣстіяхъ“ Общества Люб. Естествознанія, т. 37.; тамъ же, т. 51, вып. 1-й — Отчетъ о поѣздкѣ въ Таврическую и Владимикурскую губернію. Но далеко не всѣ этнографические материалы Ф. Д. Нефедова, собравшіеся у него за долголѣтній періодъ скитаній, напечатаны. Большое собраніе пѣсенъ, причитаній, сказокъ, легендъ, повѣстей, обрядовъ и другихъ наблюденій не увидѣло печати. Во вниманіе къ такимъ плодотворнымъ трудамъ,

Ф. Д. былъ избранъ нашимъ Обществомъ сначала въ дѣйствительные, а потомъ и въ непремѣнныя члены.

Не будемъ здѣсь говорить о такихъ же многолѣтникъ и цѣнныхъ археологическихъ работахъ покойнаго. Они какъ бы дополняли его этнографические труды во время его частыхъ поездокъ по Россіи.

Какъ писатель-беллетристъ, Ф. Д. былъ также всецѣло этнографомъ и, несмотря на свою нѣкоторую идеализацію, порой восторженность и даже чувствительность, воспроизводилъ бытовые сюжеты изъ народной жизни страждущихъ, забитыхъ, удушенныхъ, такъ вѣрно и глубоко - сознательно, что являлся въ этомъ родѣ однѣмъ изъ популярнѣйшихъ писателей у молодежи, особенно провинциальной; нѣкоторые же его разсказы („Безоброчный“, „Перевозчикъ Ванюша“) весьма распространены и у читателей изъ народа.

Въ жизни Ф. Д. былъ скорѣе неудачникомъ. Рѣдко улыбалась ему судьба. Но онъ всегда работалъ и вѣрилъ въ свой трудъ. Среди молодежи его приятно было видѣть почти такимъ же, какъ и всѣ, молодымъ по духу; среди деревенской глуши — добрымъ сосѣдомъ, услугливымъ другомъ, прекраснѣмъ собесѣдникомъ. Умеръ онъ въ возрастѣ около 60-ти лѣтъ. Да не умрутъ собранія имъ сокровища народнаго міропониманія и пролитый имъ свѣтъ художественной мысли.

В. А. Б.

III. Летурно.

(*Некрологъ*).

9-го февраля сего года скончался въ Парижѣ одинъ изъ наиболѣе популярныхъ писателей по соціологии и исторіи культуры, Шарль Летурно. Летурно родился въ 1831 г., получилъ медицинское образованіе и нѣкоторое время занимался врачебной практикой, но потомъ весь отдался чисто теоретическимъ интересамъ. Отчасти онъ работалъ по общимъ вопросамъ біологии и физіологии (сюда принадлежать его работы „La physiologie des passions“, „La biologie“ и т. д.), интересовался физической антропологіей, но широкую извѣстность доставили ему лишь работы по этнографической соціологии или во соціологической этнографіи, къ которымъ онъ приступилъ сравнительно очень поздно, имѣя безъ малаго пятьдесятъ лѣтъ отъ роду.

Первымъ его трудомъ въ этой области и, пожалуй, лучшимъ его произведеніемъ была извѣстная книга „La sociologie d'aprѣs l'ethnographie“, вышедшая въ свѣтъ въ 1880 г. Въ свое время она была встрѣчена очень сочувственно критикой, выдержанной въ

подлинникъ 2 изданія и переведена на разные европейскіе языки и между прочимъ имѣется и на русскомъ языке, даже въ двухъ различныхъ переводахъ.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы у Летурно не было предшественниковъ или чтобы онъ шелъ совершенно новой дорогой. Не говоря уже про „Основанія соціологіи“ Спенсера, широко воспользовавшагося этиографическими фактами, можно указать цѣлый рядъ авторовъ, изслѣдовавшихъ общественные отнosiенія у первобытного человѣка и тѣмъ самымъ рѣшившихъ соціологические вопросы на почвѣ этнографическихъ данныхъ. Но кое-что новое Летурно все же вносить, и это новое не такъ ужъ мало, какъ можетъ показаться съ первого взгляда. Разумѣется, что для всякаго специалиста безусловно очевидно громадное соціологическое значеніе работы Мэна, Бахофена, Макъ Леннана и другихъ историковъ первобытного общества, выступившихъ на литературное поприще раньше Летурно, но для читателя неспециалиста необходимо было подчеркнуть это значеніе и ту тѣсную связь, которая существуетъ между соціологіей и этнографіей. Эту именно задачу Летурно и выполнилъ. Одинъ изъ его критиковъ, Л. Гумилевичъ (Соціологія и политика, стр. 104), дѣлаетъ Летурно упрекъ, что онъ излишне ввелъ въ заглавіе своей книги слово „соціологія“, „такъ какъ книга заключаетъ лишь то, что до сихъ поръ называлось этнографіей, народовѣдѣніемъ, также антропологіей“. Послѣднее въ значительной степени вѣрно, но именно тотъ фактъ, что Летурно назвалъ свою книгу не какъ-нибудь иначе, а именно „Соціологіей, основанной на этнографії“, и показываетъ, что французскому ученому была видна вся великая важность для соціологии этнографическихъ данныхъ, и своей книгой онъ сумѣлъ указать на эту важность широкимъ кругамъ читающей публики.

Да и помимо этого, „Соціология“ Летурно является очень полезной работой. Она представляетъ сжатый, очень популярный и удобочитаемый обзоръ довольно богатаго, хотя и не особенно хорошо систематизированного этнографического материала. Широкихъ обобщеній въ ней нетъ, но Летурно самъ въ предисловіи отрицааетъ ихъ возможность въ настоящее время. Свою задачу онъ формулируетъ очень скромно: „Мы задумали послѣдовательно описать лишь главныя проявленія человѣческой дѣятельности у важнѣйшихъ расъ, сопоставляя ихъ, гдѣ возможно, съ аналогичными явленіями, наблюдавшими у животныхъ“, и эта задача имъ выполнена очень удовлетворительно. Читатель, во всякомъ случаѣ, получаетъ довольно отчетливое представление о различныхъ стоянкахъ жизни разнообразныхъ человѣческихъ расъ.

Начиная съ 1887 г. въ дѣятельности Летурно наступаетъ періодъ наибольшаго оживленія; почти ежегодно онъ выпускаетъ въ свѣтъ по объемистой книгѣ, посвященной разработкѣ того или другого изъ вопросовъ излюбленной имъ науки, этнографической

соціології. Вотъ названія нѣкоторыхъ изъ этихъ работъ: „L'évolution de la morale“ (1887), „L'évolution du mariage et de la famille“ (1888), „L'évolution de la propri t “ (1889), „L'évolution politique“ (1890), „L'évolution juridique“ (1891), „L'évolution religieuse“ (1892), „L'évolution litt raire“ (1894), „La guerre dans les diverses races humaines“, „L'évolution de l'education“, „L'évolution de la commerce“, „L'évolution de l'esclavage“ (1897), La psychologie ethnique“ (1901 г.) и т. д. Въ своемъ цѣломъ всѣ эти книги представляютъ какъ бы новое, переработанное и расширенное до громадныхъ размѣровъ изданіе однотомной „Соціології“, но нельзя сказать, чтобы цѣлое отъ этого выиграло. Правда, по своимъ научнымъ пріемамъ Летурно нисколько не измѣнился и остался одинаковымъ въ различныхъ своихъ книгахъ, но пріущіе ему недостатки, имѣющіе сравнительно мало значенія въ „Соціології“, предназначенной для широкихъ круговъ публики, несравненно ощутительнѣй въ специальныхъ монографіяхъ, къ которымъ приходится предъявлять болѣе строгія требованія.

Научными изслѣдованіями книги Летурно назвать нельзя, потому что онъ представляетъ лишь обзоръ фактъ, не подвергнутый никакой обработкѣ, и лишены всякихъ выводовъ. Уже характеренъ тотъ фактъ, что различные „эволюціи“ у Летурно нисколько не связаны во-едино и онъ даже не дѣластъ ви малѣйшей попытки установить какія бы то ни было взаимоотношенія даже между наиболѣе крупными фактами. Да, по правдѣ сказать, это было бы очень трудно при тѣхъ результатахъ, къ которымъ Летурно приходилъ по поводу исторіи развитія любого изъ изслѣдованныхъ имъ институтовъ. Эти результаты чрезвычайно бѣдны и безодержательны и въ большинствѣ случаевъ сводятся къ слишкомъ общей и ничего не говорящей ссылкѣ на прогрессивную эволюцію или къ указанію на разнообразіе формъ данныхъ явлений. Очень характерна въ этомъ отношеніи его книга „L'évolution du mariage et de la famille“. Здѣсь Летурно, съ одной стороны, постоянно ссылается на улучшеніе съ ходомъ эволюціи семейныхъ отношений, но именно только ссылается, а не только не объясняетъ, но даже не прослѣживаетъ детально этого явленія. Съ другой же стороны, мы находимъ заявленіе, что на первоначальныхъ стадіяхъ развитія человѣкъ прибѣгалъ къ самымъ разнообразнымъ формамъ семьи и брака; чѣмъ обусловливалось такое разнообразіе, остается совершенно неизвѣстно.

Только что названная книга интересна для насъ и въ другомъ отношеніи. Какъ извѣстно, исторія семьи и брака у первобытныхъ народовъ вызвала большую литературу, и съ этой литературой Летурно знакомъ очень плохо. Даже труды Бахофена онъ знаетъ лишь по изложенію Жиро Телона, другие же нѣмецкіе авторы, писавшіе по исторіи семьи, остались ему совершенно неизвѣстны, а ихъ было не мало (Бастіанъ, Постъ, Каутскій, Липпертъ, Дар-

гунъ и др.). Въ виду этого Летурно, возражая часто противъ тѣхъ или другихъ обобщеній въ данной области, предпочитаетъ не называть имени, а говорить о „des sociologistes, trop théoriciens“. Другими авторами онъ зато пользуется слишкомъ усердно, заимствуя у нихъ цѣлый рядъ фактовъ не безъ указанія источника (Макъ Леннанъ, Жиро Телонъ, отчасти Леббокъ).

Такимъ образомъ, все значеніе книгъ Летурно сводится къ ихъ фактическому содержанію, и поэтому цѣнность ихъ очень не одинакова въ зависимости отъ того, насколько разработанъ въ наукѣ данный вопросъ. Однѣ изъ нихъ и въ самый моментъ появленія своего на свѣтѣ не имѣли значенія, такъ какъ были уже лучшія работы по этому предмету, такова только что названная *L'évolution du mariage et de la famille*. Другія какъ „L'évolution de l'esclavage“, имѣли въ свое время нѣкоторое значеніе, но потомъ утратили его въ виду появленія новыхъ сводныхъ работъ. Наконецъ, треты и теперь представляютъ полезныя справочные работы, хотя и страдающія очень существенными недостатками, но являющіяся единственными въ своей области.

Какъ сводка материаловъ, книги Летурно страдаютъ прежде всего полнѣйшою случайностью подбора фактovъ. Особенно рѣзко выступаетъ это обстоятельство въ почти полномъ, за очень малыми исключеніями, незнакомствѣ его съ богатѣйшей нѣмецкой литературой. Подборъ англійской и французской литературы тоже крайне далекъ хотя бы отъ самой приблизительной полноты. При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что множества народовъ даже и имени не встрѣтишь у Летурно, о другихъ же приведены случайные разрозненные факты. Критическая проверка отдельныхъ сообщеній, разумѣется, совершено отсутствуетъ, а потому пользоваться данными Летурно всегда надо съ осторожностью.

Но было бы ошибкой судить и эти произведенія Летурно лишь съ специальной научной точки зрѣнія, такъ какъ ихъ читаютъ опять-таки не одни специалисты, а несравненно болѣе широкіе круги вообще образованной читающей публики. Этому способствуетъ не только замѣчательно простое и занимательное изложеніе Летурно, не только широкая важность затрагиваемыхъ имъ темъ, но и весь позитивно-гуманій складъ его ума. Во всѣхъ его книгахъ, на какія бы темы онъ не былъ написаны, всегда можно найти двѣ черты: вѣру въ свѣтлое лучшее будущее, ожидающее человѣчество, и неустанное стремленіе къ точному позитивному знанію, враждебному всякой метафизикѣ. Эти черты невольно подкупаютъ читателя и заставляютъ его многое прощать ученыму; онъ освѣщали и дѣлали интереснымъ предметъ, который безъ того показался бы, можетъ быть, сухимъ и скучнымъ, заставляли внимательный слѣдить за аргументацией автора и такимъ образомъ вводили въ кругъ извѣстныхъ вопросовъ. Насколько популярны книги Летурно, мы можемъ судить потому, что многія

изъ нихъ существуютъ въ русскомъ переводѣ, хотя русская публика вообще очень мало интересуется соотвѣтственными вопросами; такъ, на русскій языкъ, кромѣ уже упомянутой „Соціології“, переведены: „Эволюція собственности“, „Эволюція морали“ (переводъ уничтоженъ цензурой), „Литературное развитіе“, „Эволюція воспитанія“, „Эволюція торговли“, „Эволюція рабства“, и т. д.

Въ заключеніе необходимо упомянуть про практическую дѣятельность Летурно въ качествѣ одного изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ Парижскаго антропологического общества и профессора антропологической школы. Въ связи съ положительными сторонами его книгъ эта дѣятельность обезпечивается за покойнымъ французскимъ ученымъ глубокую признательность со стороны всѣхъ, кому дороги интересы этнографіи и родственныхъ ей наукъ. Если онъ и не двинулъ ихъ сильно впередъ, зато никто больше него не поработалъ надъ распространениемъ ихъ шире, надъ привлечениемъ къ нимъ интереса и сочувствія большихъ массъ читающей публики. Это заслуга не малая, и за нее можно помянуть покойнаго добрымъ словомъ.

А. Максимовъ.

Двѣнадцатый археологический съездъ будетъ открыть въ Харьковѣ 15-го августа 1902 года. Правила этого съезда такія же, какъ и правила XI-го кievскаго съезда. Закроется съездъ 27-го августа. При съезде предполагается открыть выставки предметовъ доисторической эпохи, историческихъ и этнографическихъ. Между прочимъ, проф. А. Н. Красновъ представилъ краткую программу Этнографической выставки, существующей заключать въ себѣ материалы по исторіи культуры южно-русской народности (изъ губ. Харьковск., Курск., Екатериносл., Воронеж., Черниг., Таврич., Донск. обл., Куб. обл. и др.) съ цѣлью отмѣтить видоизмѣненія культуры подъ вліяніемъ географическихъ перемѣнъ, пережитой старинѣ и вліяніе соседнихъ народностей, а равно антропологическая данная и памятники духовной культуры. Проф. Н. П. Дацкевичъ (изъ Киева) предлагаетъ разослать приглашения къ собиранию остатковъ старого казацкаго эпоса („думы“), какіе могли уцѣлѣть до настоящаго времени, и свѣдѣній о послѣднихъ кобзаряхъ, а равно старинныхъ историческихъ легендъ и преданий (мѣстныхъ). Предполагается составить археологическіе карты губерній: Харьковской (проф. Д. И. Багалѣй), Воронежской (Л. М. Савеловъ), Черниговской и Полтавской (проф. Д. Я. Самоквасовъ), Курской (В. К. Трутовскій), Кубанской обл. (Г. Д. Фелицынъ или В. М. Сысоевъ).

Въ программѣ съезда въ отдѣлѣ „Древности первобытныя“ отмѣтимъ вопросы: 4. Н. Е. Бранденбургъ: слѣды печенѣговъ на Днѣстрѣ и 8. Г. Мищенко: скиеские курганы и извѣстія древнихъ о скиахъ.

Въ отдѣлѣ „Древности историко-географическія и этнографическія“ — вопросы: 3) В. В. Ивановъ: Мевлины и ихъ говоръ; 7) В. О. Миллеръ: къ вопросу объ Алланахъ; 8) О. Г. Мищенко: пріёмы этнографіи у древне-греческихъ историковъ; 11 и 12) Н. О. Сумцовъ: Мѣстные названія Харьковской губ., какъ материалъ для изученія старины, и Археическія черты въ орнаментѣ писанокъ; 16) М. Г. Халанскій: о древне-русскихъ переводахъ географическихъ терминовъ и названій.

Въ отдѣлѣ „Памятники искусствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики“ — вопросы 6 и 7) Е. К. Рѣдинъ: а) матеріалы къ исторіи древне-русскаго искусства, б) русскія лицевые рукописи Козьмы Индикоплова въ связи съ византійскими.

Въ отдѣлѣ „Быть домашній, хозяйственныій, общественный, юридический и военный“ — вопросы — 2) Д. И. Багалѣй: Цехи и братства въ лѣвобережной и слободской Украинѣ; 7) В. В. Ивановъ: Новѣйшіе матеріалы по этнографіи и обычному праву Харьковской губ.; 23) Н. О. Сумцовъ: о выдѣленіи въ заговорахъ древнѣйшихъ бытовыхъ мотивовъ. Кроме того, нѣсколькими авторами поставлены вопросы по исторіи землевладѣнія въ Слободской Украинѣ, у донскихъ казаковъ, въ рязанскомъ уѣздѣ и др.

Въ отдѣлѣ „Памятники языка и письма“ вопросы: 3, 4, 5, 6 и 7) А. А. Кочубинскій: а) время появленія славянскаго (кирилловскаго) письма въ румынской письменности; б) время появленія народнаго элемента въ славянскихъ текстахъ румынъ; в) критическая пропѣрка этимологіи въ лексическихъ трудахъ румынскай науки (Massimu, Hâsdeu и др.); г) роль малорусскаго языка въ старѣйшей письменности румынъ; д) румынскій элементъ въ лексическомъ составѣ малорусскаго языка; 8) А. В. Лонгиновъ: значенія Траяна въ русской исторіи, русскомъ правѣ и русской поэзіи. 9 и 10) В. О. Миллеръ: а) народный эпосъ на Бѣломъ морѣ (по новымъ записямъ былинъ); б) пересмотръ вопросовъ, вызываемыхъ личностью Ильи Муромца и былинами о немъ; 11, Н. О. Сумцовъ: отраженія каменного вѣка въ народныхъ сказаніяхъ, преданіяхъ, повѣрьяхъ и обрядахъ; 14, 15, 16, 18, и 19) М. Г. Халанскій: О народныхъ говорахъ въ Курской губ., о происхожденіи славянскаго эпического стиха, о происхожденіи имени и прозвища Ильи Муромца, объ употребленіи члена въ русскомъ языкѣ, сказанія о Маркѣ проклятомъ въ малорусской поэзіи

Въ отдѣлѣ „Древности классической, восточная, византійская и западно-европейская“ — вопросы: 7) В. М. Сысоевъ: обзоръ древнегреческихъ колоній на восточномъ берегу Азовскаго и Черного морей; 8, 9, и 10) М. Г. Халанскій: о Русахъ и русскомъ князѣ Иліасѣ въ германскомъ эпосѣ, Южно-славянскія пѣсни о смерти Марка Кралевича и разсказъ въ Chanson de Roland о смерти Роланда, объ отношеніяхъ южно-славянскаго германскаго

эпоса къ нѣмецкимъ средневѣковымъ рыцарскимъ поэмамъ; 11) Э. Р. Фонъ-Штернъ: точное опредѣленіе района культурнаго вліянія греко-римскаго міра на народы юга Россіи по совокупности археологическихъ и историческихъ данныхъ.

Въ отдѣлѣ „Памятники археографической поставлены вопросы обѣ архивахъ губернскихъ, монастырскихъ, областныхъ и друг.

Кромѣ того, ва съездѣ желательно получить отвѣты на цѣлый рядъ „запросовъ“, изъ которыхъ приводимъ нѣкоторые:

Возможно ли установить погребальные типы кочевниковъ въ курганахъ южныхъ степей оть Днѣпра до Дона? О происхождении русского казачества вообще и запорожскаго въ частности? Кто были „севрюки“, упоминаемые въ актахъ XVII и начала XVIII вв., имѣющихъ въ виду Черниговскую область? Почему въ Москвѣ XVI—XVII вв. называли жителей южной Россіи „черкасами“ — нѣть ли связи между этимъ названіемъ и тожественнымъ съ нимъ названиемъ сѣверныхъ кавказскихъ горцевъ? Какие изъ говоровъ и повѣрій населенія средней Волги (оть Нижнаго-Новгорода до Казани) сохранились доселѣ съ точнымъ сходствомъ и въ населеніи верхняго и средняго Дона? Образованіе отечественнаго стиля архитектуры въ связи съ историческими условіями русской жизни? Тувемность малорусскаго языка? О происхожденіи древнихъ македонянъ? О финикийскомъ вліяніи на грековъ?

Новые „вопросы“ и „запросы“ могутъ быть присылаемы въ Предварительный Комитетъ съезда на имя гр. П. С. Уваровой—Москва, Берсеневка.

Лица, предложившія „вопросы“, вмѣстѣ съ тѣмъ принимаютъ на себя обязанность представить по нимъ съезду докладъ или сообщеніе.

Б.

Третій международный конгрессъ американистовъ. Очередной (III-й) международный конгрессъ американистовъ, какъ видно изъ разосланного недавно Американскимъ музеемъ естественной истории циркулярного письма, будетъ происходить съ 20-го по 25-е октября (по новому стилю) въ г. Нью-Йоркѣ. Главною цѣлью конгресса является желаніе собрать всѣхъ, интересующихся вопросами этнографіи и доисторической археологіи обѣихъ Америкъ, чтобы они, такимъ образомъ, могли „расширить свои свѣдѣнія въ этихъ отрасляхъ знанія, какъ чтеніемъ докладовъ, такъ и преніями по различнымъ вопросамъ“.

Матеріалъ, подлежащій изученію и обсужденію гг. конгрессистовъ, редактированъ организаціоннымъ комитетомъ въ слѣдующихъ двухъ подраздѣле іяхъ: 1) Первобытныя расы Америки; ихъ происхожденіе, распространеніе, исторія и физическая характеристика; ихъ языки, обычаи, религіи, изобрѣтенія; 2) Исторія первыхъ сношеній старого свѣта съ Америкою.

Засѣданія конгресса будуть происходить въ зданіи Американскаго музея естественной исторіи. Сообщенія будутъ допущены на языкахъ: англійскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ и испанскомъ. Члены сообщеній не должно превышать получасового срока. Члены конгресса, имѣющіе прочесть какое-либо сообщеніе, приглашаются заявить заблаговременно заглавія и краткое содержаніе своихъ рефератовъ. Доложенные на конгрессъ рефераты будутъ изданы въ „Proceedings“ конгресса.

Желающіе записаться членами конгресса, должны внести членскій взносъ въ три американскихъ доллара, дающій право на получение всѣхъ офиціальныхъ изданій конгресса.

Адресъ генеральнаго секретаря организаціоннаго комитета слѣдующій: Mr. Marchall H. Saville, general secretary of the commission of organisation of the International Congress of Americanists, American Museum of Natural History, New York (U. S. A.). Адресъ казначея: Mr. Harlan I. Smith, American Museum of Natural History, New York (U. S. A.).

M.

6-й этнографический концертъ Этнографического отдѣла, устроенный состоящей при Отдѣлѣ музыкально-этнографической комиссіей 20-го апрѣля 1902 г., помимо вокального отдѣленія (великорусская, малорусская и кавказская пѣсни), на этотъ разъ обогатился еще и инструментальнымъ отдѣленіемъ: исполнены были русская мелодія на гусяхъ и свирѣли, малорусская—на лирѣ и сопилкѣ, польская и болгарская—на дудочкѣ и „дипль“ (двойной свирѣль), еврейская—на скрипкѣ, кавказская—на саламури съ аккомп. ударныхъ инструментовъ дайры и доли, а также на зурнѣ съ аккомп. доли и другія.

Чердынскій музей древностей, недавно основавшійся для исто-рико-археологическаго изученія Камско-Волжскаго края, въ на-стоящее время озабоченъ проектомъ основанія при музѣѣ „Обще-ства любителей археологии, истории и этнографіи Чердынского края“. Уставъ о-ва выработанъ и представленъ на утвержденіе. („Изв. Общ. Ист., Арх. и Этн. при Каз. Унив.“ 1901, XVII, 5—6).

Тверской историко-археологический съездъ, какъ предполагается, долженъ состояться въ 1903 году. Имѣются въ виду изслѣдователи древностей Новгородско-Ростово-Сузdalского края.

Коллекція предметовъ буддійского культа, собранная въ Китаѣ кн. Э. Э. Ухтомскимъ, приобрѣтена Этнографическимъ Отдѣле-ніемъ русскаго музея императора Александра III за 100.000 рублей.

Это замѣчательное собрание въ нѣкоторой части своей экспонировалось на послѣдней парижской выставкѣ. О значеніи этой коллекціи спаcіально написано сочиненіе на нѣмеckомъ языкѣ, съ массою рисунковъ, д-ромъ Грюнведелемъ, известнымъ внатокомъ буддизма.

Выставка народныхъ музыкальныхъ инструментовъ и демонстрація ихъ. Секретарь пѣсенной комиссіи Императорскаго русскаго географическаго общества В. И. Гоффе (Изженерная, 4) обращался съ просьбою ко всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, имѣющими въ своемъ распоряженіи народные музыкальные инструменты, какъ вышедшиe изъ употребленія, такъ и нынѣ существующіе (варганы, гусли, рожки, жальики, гудки, кобзы, банауры, лиры, цимбалы, дуды, торбаны, канклесы, зурны и проч.) не отказать временно предоставить ихъ въ распоряженіе пѣсенной комиссіи для пополненія коллекціи инструментовъ въ витринѣ на всероссійской кустарно-промышленной выставкѣ, имѣвшей открыться 3-го марта этого года въ Таврическомъ дворцѣ въ Петербургѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ комиссіи было желательно получить свѣдѣнія о лицахъ, играющихъ на этихъ инструментахъ и могущихъ публично выступать на предположенныхъ народныхъ концертахъ („Р. В.“).

„Мнѣнія новѣйшихъ ученыхъ о происхожденіи румынъ“ — подъ такимъ заглавиемъ А. Я. Яцимирскій прочелъ докладъ въ Славянской комиссіи Московскаго Археологическаго общества. Румынскіе ученые приходятъ къ выводу, что румыны — прямые потомки римскихъ колонистовъ. Самое название „румыны“ и $\frac{1}{3}$ латинскихъ словъ въ румынскомъ языке — какъ бы подтверждаютъ это. Не всѣ западно-европейскіе ученые держатся того же взгляда на румынъ, видя въ нихъ народность, смѣшанную изъ многихъ этническихъ элементовъ и сильно романизированную. Нѣкоторые славянскіе изслѣдователи видятъ въ румынахъ элементы славянскаго племени и даже остатки скіеовъ; славянскіе элементы въ румынскомъ языке, къ тому же, мало чѣмъ уступаютъ, по количеству и качеству, элементамъ романскимъ. Своего опредѣленного мнѣнія о происхожденіи румынъ не высказалъ, однако, и г. Яцимирскій. Итальянцы ли, вообще ли пролетаріатъ изъ римскихъ провинцій, кельты ли или другія этническія группы были зародышемъ румынской національности — этотъ вопросъ остается открытымъ.